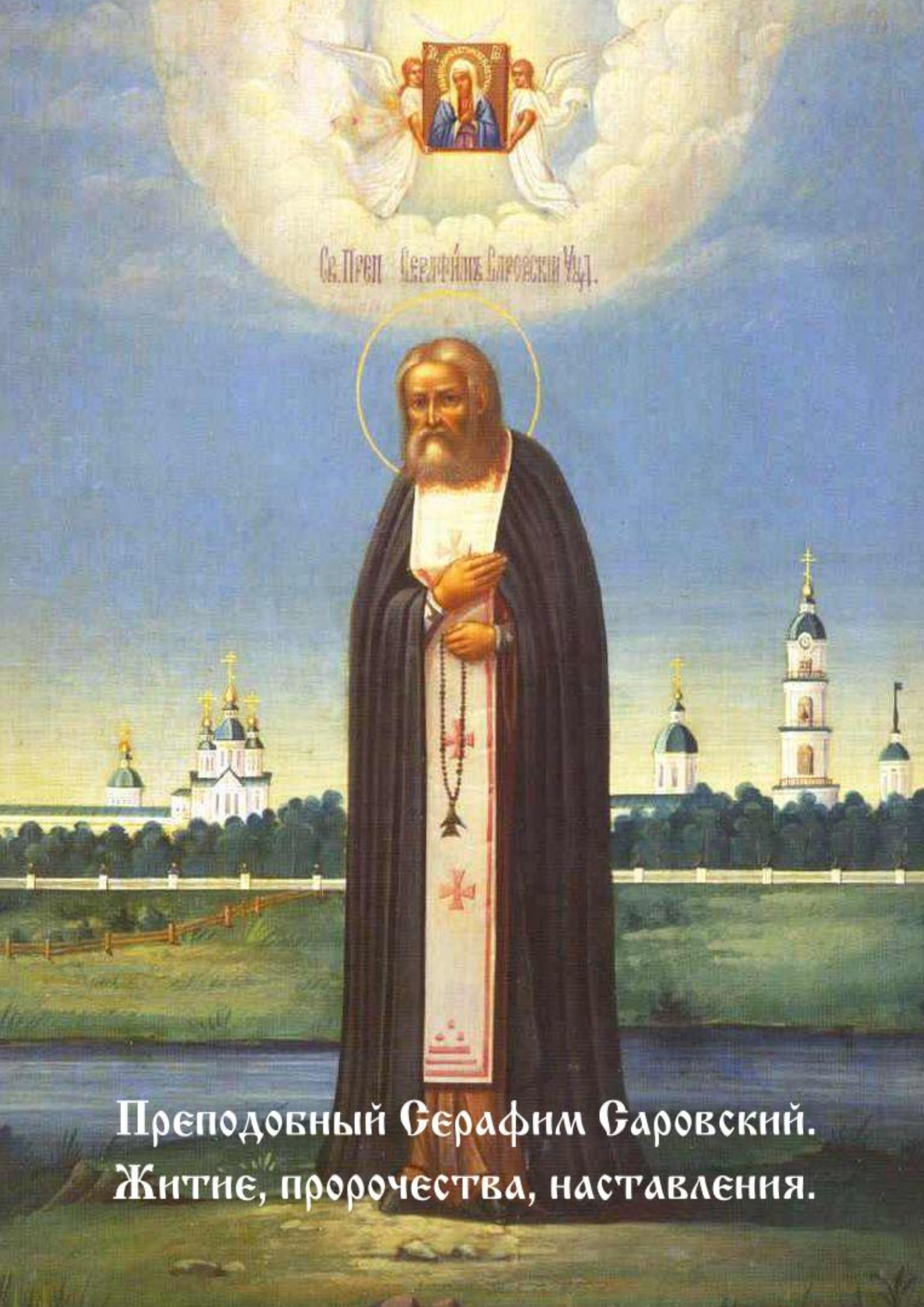

Преподобный Серафим Саровский. Житие, пророчества, наставления.

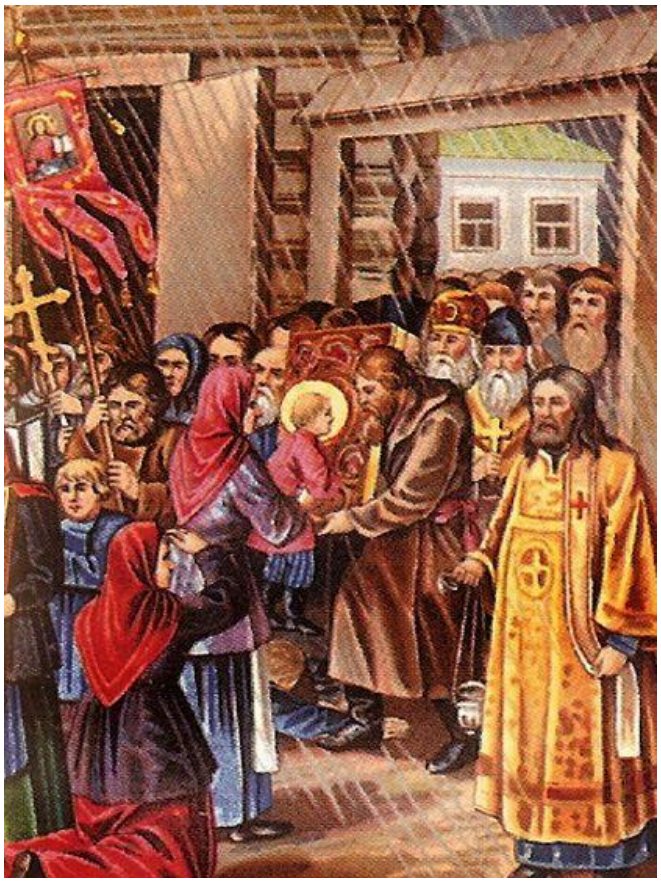
ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО СЕРАФИМА САРОВСКОГО

Преподобный Серафим, старец Саровский, родом был из Курска и происходил от благочестивых и состоятельных родителей, по фамилии Мошниных, принадлежавших к именитому купеческому сословию города; он родился 19-го июля 1759 года и во святом крещении наречен был Прохором. Отец его, Исидор, имел великое усердие к храмам Божиим, а мать его, Агафия, еще более мужа своего, почитаема была за свое благочестие и благотворительность. На третьем году от рождения, Прохор лишился своего отца, и единственной

воспитательницей его осталась благочестивая мать его Агафия, под руководством которой он возрос в благочестии христианском и в любви к молитве и храму Божию. С раннего детства над блаженным проявлялся дивный покров Божий, явно предуказывая в нем благодатного избранника Божия. Однажды мать его, осматривая постройку церкви, начатую еще ее мужем, взяла семилетнего Прохора вместе с собою на самый верх строившейся колокольни. По неосторожности отрок упал с колокольни на землю. Агафия в ужасе сбежала с колокольни, думая, что сын ее разбился до смерти, но с удивлением и радостью увидели его стоящим на ногах, целым

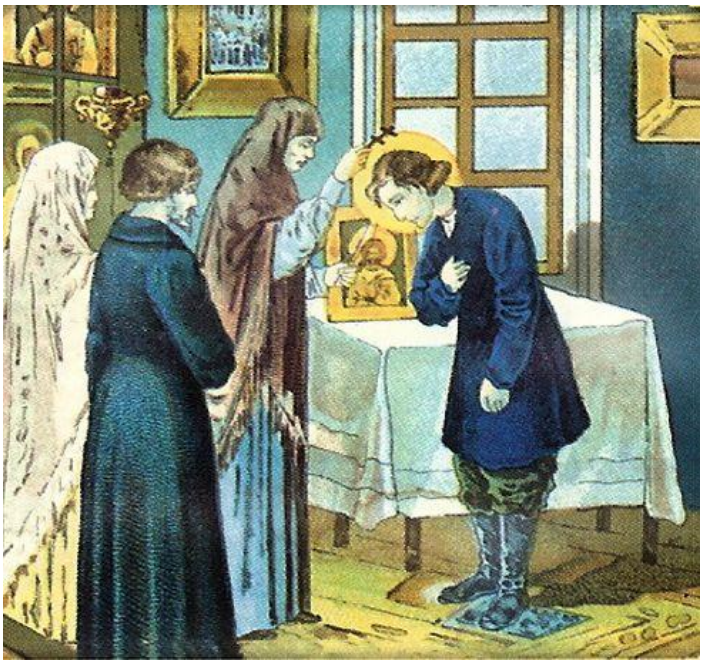
и невредимым. Так над благодатным отроком исполнились слова Писания: не придет к тебе зло, и рана не приближится телеси твоему, яко ангелом своим заповесть о тебе, сохранити тя во всех путех твоих. На руках возмут тя, да не когда преткнеши о камень ногу твою (Пс. 90, ст. 10-12).

На десятом году Прохора начали обучать грамоте, и отрок быстро стал постигать церковную грамоту, обнаруживая светлый ум и память и в то же время украшая себя кротостью и смирением. Но вдруг он впал в тяжкий недуг, так что домашние не надеялись на его выздоровление. В это тяжелое для него время Прохор видит в сонном видении Пресвятую Богородицу, Которая обещала посетить его и исцелить от болезни. В скором же времени слова Богоматери сбылись. В это время случился в Курске крестный ход во главе с чудотворной иконой Знамения Пресвятыя Богородицы. По причине дождя и грязи, крестный ход, для сокращения пути, направился через двор Мошниной. Благочестивая Агафия поспешила вынести больного сына, приложила его к чудотворной иконе Богоматери, после чего отрок совершенно выздоровел.



С любовью прилежал благочестивый отрок к книжному учению, изучая Священное Писание и другие божественные и душеполезные книги, весь ум свой вперив к Богу, любовью к Которому пламенела его чистая душа. Между тем, старший его брат, занимавшийся торговлей, понемногу стал приучать к ней Прохора, но сердце отрока не лежало к этому делу: душа его

стремилась стяжать себе духовное сокровище, нетленное и неоскудеваемое. Не имея возможности посещать в будничные дни божественную литургию, Прохор, несмотря на то, не пропускал почти ни одного дня без посещения храма Божия и с рассвета поднимался, чтобы прослушать утреню; в воскресные же и праздничные дни он особенно любил заниматься на свободе чтением духовно-назидательных книг, причем иногда читал вслух и своим сверстникам, но более предпочитал уединение и безмолвие. От матери Прохора не утаилось направление ее сына, но она не противоречила его желанию. И вот, когда благочестивому юноше исполнилось семнадцать лет, он твердо решил оставить мир и, с благословения матери, напутствовавшей его медным крестом, с которым с тех пор никогда не расставался, посвятил себя иноческой жизни.



Оставив мир, блаженный отправился сначала на богомолье в Киево-Печерскую лавру, где один прозорливый затворник, по имени Досифей, провидя в юноше доброго подвижника Христова, благословил его идти спасаться в Саровскую пустынь.

— Гряди, чадо Божие, — говорил прозорливый старец юному подвижнику, — и пребудь в Саровской обители; место сие будет тебе во спасение; с помощию Божиею, там окончишь ты и свое земное странствование. Святый Дух, Сокровище благих, управит жизнь твою во святыне.

Повинуясь завету прозорливого старца, Прохор пришел в Саровскую пустынь, где с любовью был принят настоятелем

пустыни, старцем Пахомием, иноком кротким и смиренномудрым, много подвизавшимся в посте и молитве и бывшим — образцом иноков. Провидя благое произволение Прохора, Пахомий определил его в число послушников и отдал в научение старцу, иеромонаху Иосифу, бывшему казначеем обители. Находясь в келейном послушании у старца, Прохор с ревностью исполнял все монастырские правила и уставы и различные братские послушания: в хлебне, в просфорне, в столярне; кроме того, он исполнял в храме обязанности пономаря. Никогда не бывал он праздным, но постоянной работой старался предохранить себя от скуки, которую считал одним из опаснейших для инока искушений.

— Болезнь сия врачуется, — говорил он впоследствии по собственному опыту, — молитвою, воздержанием от празднословия, посильным рукоделием, чтением слова Божия и терпением, потому что и рождается она от малодушия, беспечности и празднословия.

На церковные службы Прохор являлся прежде всех, выстаивая неподвижно все богослужение, как бы оно ни было продолжительно. Вне церкви любил он уединяться в своей келлии. Занимаясь рукоделием или каким-либо иным послушанием, он беспрестанно имел в памяти и сердце молитву Иисусову, силою ее препобеждая различные вражеские искушения. Не довольствуясь тишиной и безмолвием Саровской обители, юный подвижник, соревнуя некоторым старцам, которые, с благословения настоятеля, удалились на полное уединение из монастырской ограды в глубь монастырского леса, — по благословению своего старца Иосифа также удалялся в свободные часы в лесную чащу для молитвенного безмолвия. С молитвою он соединял воздержание и пост, в среду и пятницу не вкушая никакой пищи, а в другие дни принимая ее только один раз. Все питали уважение и любовь к необыкновенному подвижнику, постоянные и разительные подвиги которого трудно было укрыть, несмотря на глубокое его смирение. Особенно любовь и доверие являли к нему, как бы к своему родному чаду, старцы

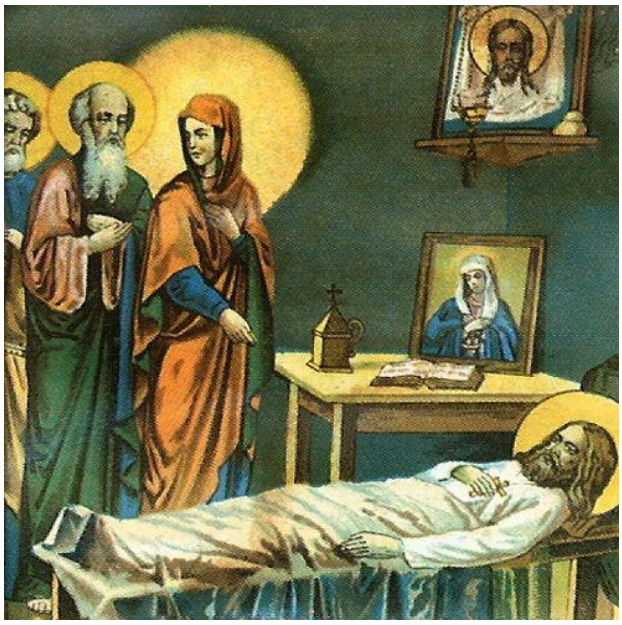
Пахомий и Иосиф. Эта любовь и всеобщее уважение Саровских иноков к юному подвижнику Христову особенно ясно выразились по следующему случаю.

В 1780 году Прохор тяжко заболел. Все тело его распухло, и он, претерпевая жестокие страдания, неподвижно лежал на своем жестком ложе. Врача не было, и болезнь не поддавалась никаким средствам; по-видимому, это была водянка. Недуг длился в течение трех лет, половину коих страдалец провел в постели. Но слово ропота никогда не сходило с уст Прохора; всего себя, и тело и душу, он предал Господу и непрестанно молился, слезами своими омывая ложе свое. Духовный отец и наставник Прохора, старец Иосиф, служил ему, во время болезни, как простой послушник; настоятель обители, старец Пахомий, неотлучно находился при нем; старец Исайя и другие старцы и братия также много пеклись о нем. Наконец, опасаясь за самую жизнь страдальца, Пахомий с решительностью предлагал ему позвать врача. Но блаженный с еще большей решительностью отказался от врачебной помощи.

— Я предал себя, отче святый, — сказал он старцу, — истинному Врачу душ и телес, Господу нашему Иисусу Христу, и Пречистой Его Матери; если же любовь ваша рассудит, снабдите меня, убогого, Господа ради, небесным врачевством (т.е. причастием Св. Тайн).

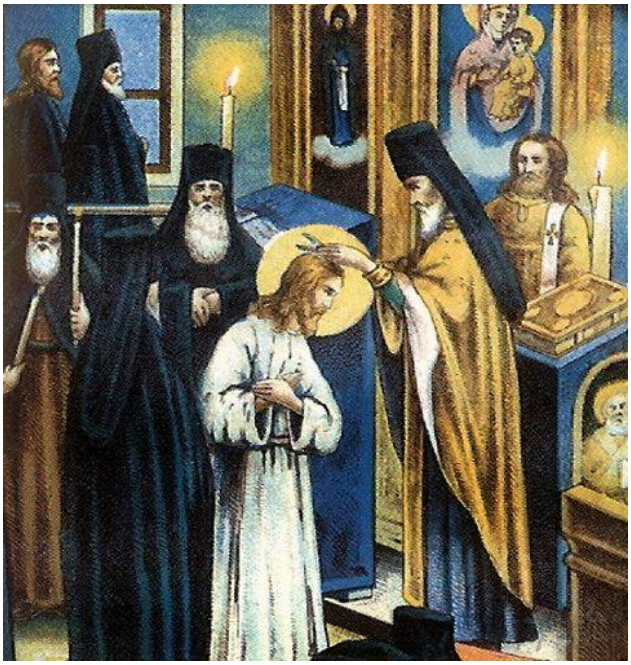
Тогда старец Иосиф, по просьбе больного и по своему собственному усердию, отслужил о здравии Прохора всенощное бдение и литургию; на богослужение собрались братия из усердия помолиться о страждущем. После литургии Прохор был исповедан и причастился на болезненном одре своем святых Христовых Тайн.

И вот, по причащении, ему явилась в несказанном свете Пресвятая Дева Мария, Сопровождаемая апостолами Иоанном Богословом и Петром. Обратившись Божественным ликом Своим к Богослову, Она сказала, указывая перстом на Прохора:



— Сей — нашего рода!

Потом Она возложила правую руку на его голову, — и тотчас же материя, наполнявшая тело больного, начала вытекать чрез образовавшееся в правом боку отверстие. В скором времени Прохор совсем исцелел, и лишь признаки раны, бывшей истоком болезни, всегда оставались на его теле, как бы во свидетельство его дивного исцеления. На месте явления Богоматери вскоре затем, особым промышлением Божиим, была сооружена двухэтажная церковь с двумя престолами и при ней больница, на месте сломанной келлии Прохора. Последний, по поручению настоятеля, собирал пожертвования на это построение и собственными руками соорудил в нижней больничной церкви престол из кипарисового дерева. Когда престол этот был освящен, преподобный Серафим до конца своей жизни причащался св. Тайн преимущественно в этом храме — для непрестанного памятования о явленном ему на сем месте великом благодеянии Божием.



Пробыв в Саровской пустыне восемь лет в звании послушника, Прохор 18 августа 1786 года, 27 лет от роду, удостоился поострижения в иноческий образ, при чем ему дано было новое имя — Серафим. С принятием иноческого сана, самое значение нового имени, напоминая Серафиму о чистоте и пламенном служении Богу

Ангелов, возвышало в нем еще сильнейшее желание и святую ревность служить Господу. Серафим усугубил свои труды и подвиги и стал держать себя еще усиленнее, погружаясь во внутреннее Богомысленное созерцание.

С небольшим через год после того, преподобный был посвящен в сан иеродиакона, С того времени он около шести лет почти беспрерывно служил в этом сане, и к трудам прилагал труды, к подвигам еще новые, горя духом и пламенея Божественною любовью. Ночи на воскресные и праздничные дни проводил он в бодрствовании и усердной молитве, без отдыха, стоя на молитвенном правиле до самой литургии; по окончании же Божественной службы, оставался еще долгое время в храме, приводя в порядок священную утварь и заботясь о чистоте алтаря Господня. И при всем том, блаженный Серафим почти не чувствовал трудов, не утомлялся, не нуждался после них в продолжительном отдыхе, часто совсем забывая о пище и питье, и, отходя для отдыха, жалел, зачем человек не может, подобно Ангелам, беспрерывно служить Богу.

Все выше и выше восходила душа Серафима по лестнице добродетелей и Богомысленных созерцаний, — и, как бы в ответ на его пламенную святую ревность, Господь утешал и укреплял его в подвигах благодатными небесными видениями, созерцать кои он соделался способным, вследствие чистоты сердца, непрестанного воздержания и постоянного возвышения души к Богу. Так, иногда, при церковных служениях, он созерцал святых Ангелов, сослужащих и воспевающих с братиею, в образе молниеносных юношей, облеченных в белые златотканые одежды; пения их нельзя было ни выразить словом, ни уподобить никакой земной мелодии. "И бысть сердце мое яко воск таяй", — говорил он впоследствии словами Псалмопевца, вспоминая ту неизреченную радость, которую испытывал при сих небесных явлениях. И не помнил он тогда от той радости ничего; помнил только, как входил в церковь, да выходил из нее.

Но особенно благодатного, знаменательного видения сподобился преподобный однажды во время Божественной литургии на страстной седмице. Это было в великий четверг. Литургию совершали благоговейные старцы Пахомий и Иосиф, вместе с блаженным Серафимом, ибо Пахомий глубоко привязался к юному, но благоискусному иноку и божественную службу почти всегда совершал с ним. Когда Серафим, после малого входа и паремий, возгласил: *"Господи, спаси благочестивый"* и вышедши в царские врата со словами: *"и во веки веков",* навел на предстоящих орарем, его внезапно озарил сверху необыкновенный свет, как бы от лучей солнечных. Подняв взоры на сияние, блаженный Серафим узрел Господа нашего Иисуса Христа во образе Сына Человеческого во славе, сияющего, светлее солнца, неизреченным светом и окруженного, как бы роем пчел, Небесными Силами: ангелами, архангелами, херувимами и серафимами. От западных церковных врат шел Он по воздуху, остановился против амвона и, воздвигши руки Свои, благословил служащих и молящихся. Затем Он вступил в местный образ близ царских врат. Сердце блаженного преисполнилось неизреченною радостию, в сладости пламенной любви ко Господу, и озарилось Божественным светом небесной благодати. И сам он от сего таинственного видения мгновенно изменился видом, — и не мог ни сойти с места, ни проговорить ни слова. Многие заметили это, но никто не понимал настоящей причины происходящего. Тотчас же два иеродиакона подошли к Серафиму и ввели его в алтарь; но и после того он около двух часов стоял неподвижно на одном месте, — только лицо его поминутно менялось: то покрывала его белизна, подобная снегу, то переливался в нем живой

румянец. Служившим литургию старцам Пахомию и Иосифу казалось, не почувствовал ли Серафим неожиданную слабость сил, которая столь естественно могла случиться с ним в великий четверг после продолжительного поста, особенно при том уважении, какое питал к нему издавна блаженный Серафим; но потом поняли, что ему было видение. Когда Серафим пришел в себя, старцы спросили его, что такое случилось с ним. Серафим кротко, с детскою доверчивостью поведал им о своем видении. Опытные в духовной жизни старцы сложили в сердце рассказ его; блаженному же Серафиму внушили, чтобы он не возгордился и не дал бы в душе места пагубной мысли о каком-либо своем достоинстве пред Богом. Но никто, кроме упомянутых старцев, не узнал тогда, какого дивного посещения Божия сподобился блаженный Серафим.

И святый, после сего благодатного небесного видения, не возмечтал о себе и о своих духовных дарованиях, но еще более утвердился в смиренномудрии. Ограждаемый глубоким смирением, он восходил от силы в силу и, непрестанно подвизаясь в духовном самоуничижении, верно и неуклонно шел царским путем Креста Господня. С сего времени Серафим стал еще более искать безмолвия и чаще прежнего удалялся для молитвы в Саровский лес, где для него была устроена пустынная келлия. Проводя дни, с утра до вечера в монастыре, совершая службы, исполняя монастырские правила и послушания, вечером он удалялся в пустынную келлию для ночной молитвы, а рано утром опять возвращался в монастырь для исполнения своих обязанностей.

В 1793 году Серафим на тридцать пятом году от рождения был рукоположен в сан иеромонаха. И в этом сане, он, как и прежде, но с еще большей любовью продолжал в течение долгого времени непрерывное священнослужение, причащаясь ежедневно с верою и благоговением св. Христовых Тайн.

Вскоре после этого, преподобный Серафим подъял на себя еще высший подвиг и добровольно удалился в пустыню. Это было по кончине любимого начальника и наставника его, блаженного старца Пахомия, который и благословил его пред своей кончиной на сей подвиг. С горьким плачем проводив тело своего наставника в землю, Серафим, приняв на то благословение нового настоятеля, старца Исайи, своего отца духовного, оставил обитель для безмолвных подвигов в пустыни.

Келлия преподобного Серафима находилась в дремучем сосновом лесу, на берегу реки Саровки, на высоком холме, верст за 5-6 от монастыря, и состояла из одной деревянной комнатки с печкой. Подле келлии преподобный устроил небольшой огород, а потом и пчельник, которые обнес забором. Невдалеке от Серафима жили в уединении другие отшельники Саровские, и вся окрестная местность, состоявшая из разных возвышенностей, усеянная лесом, кустарником и келлиями пустынножителей, как бы напоминала собой святую гору Афонскую. Посему преподобный наименовал пустынный холм свой горою Афонскою, дав и другим, самым уединенным, местам в лесу имена разных святых мест: Иерусалима, Вифлеема, Иордана, потока Кедского, Голгофы, горы Елеонской, Фавора, — как бы для живейшего представления священных событий земной жизни Спасителя, Которому он окончательно предал свою волю и всю жизнь. Непрестанно упражняясь в чтении святого Евангелия, он особенно любил читать в этих местах о соответствующих их именам евангельских событиях. В Вифлеемском своем вертограде воспевал он евангельское славословие: Слава в вышних Богу, и на земли мир, во человецех благоволение. На берегу Саровки, как бы на берегах Иордана, вспоминал он о проповеди святого Иоанна Крестителя и крещения Спасителя. Народную беседу Господа о девяти заповедях блаженства он слушал на одной горе, лежавшей у Саровки, а на другой возвышенности, названной горою Преображения, созерцал в мысленном соприсутствии с

Апостолами славу Преобразившегося Господа. Забравшись в густоту дремучего леса, он вспоминал по Евангелию моление Господа о чаше и, тронутый до глубины души внутренними Его страданиями, проливал слезные молитвы о своем спасении. На, так названной им, горе Елеонской он созерцал славу Вознесения Христа на небо и Его седение одесную Бога.

Одежду преподобный Серафим носил всегда одну и ту же, простую, даже убогую на голове поношенную камилавку, на плечах полукафтанье как бы в виде балахона из белого полотна, на руках кожаные рукавицы, на ногах кожаные чулки и лапти; на балахоне его висел неизменно тот самый крест, которым благословила его некогда мать, отпуская из дома во святую обитель, а за плечами лежала сумка, в которой подвижник неразлучно носил при себе св. Евангелие, которое всегда напоминало ему о спасительном ношении благого ига и легкого бремени Христова. Все время проходило для ревностного подвижника Христова в непрестанных молитвах и псалмопениях, чтении священных книг и телесных трудах.

В холодную пору преподобный собирал сучья и хворост и рубил своим топориком дрова для отопления своей убогой келлии. Летом он работал на своем маленьком огороде, который он сам возделывал и удобрял, и овощами которого он преимущественно питался. Для удобрения земли, он ходил в жаркие летние дни на болотистые места за мохом, — и так как он входил туда, обнажившись и лишь препоясав чресла свои, то комары и другие насекомые, кишевшие над болотом, жестоко уязвляли тело его, так что оно часто не только опухало, но даже синело и запекалось кровью. Но подвижник Божий добровольно терпел эти мучительные язвы, Господа ради, и даже радовался им, потому что, как говорил он впоследствии, "страсти истребляются страданием и скорбию — или произвольною, или посылаемою Промыслом", и потому, для совершеннейшего и надежнейшего очищения души, принимал на себя произвольные страдания. Собрав, таким образом, мох, угодник Божий удобрял гряды, сажал семена, поливал их, полол и собирал овощи, непрестанно славословя

Бога и изливая тихую, святую радость свою в пении священных песнопений, которыми освежал и назидал дух свой среди однообразия телесных занятий. Обладая светлой памятью, с детства благоговейно внимательный к церковным службам, Серафим знал наизусть множество церковных песнопений, кои и любил воспевать, среди трудов, в своей безмолвной, уединенной пустыни, причем некоторые, наиболее близкие к преподобному люди, замечали, что многие из этих песнопений имели наибольшее приложение к местности и к его уединенному иноческому доброделанию. Так святый Серафим особенно любил часто воспевать: "Всемирную славу" — в честь Богородицы, Которую считал покровительницей своей пустыни, — Пустынным непрестанное Божественное желание бывдет, мира сущим суетнаго кроме — антифон, изображающий пустынную жизнь и воскриляющий душу пустынника к предметам Божественным, а также песнопения, возносящие душу человека к великому делу любви Божией, к творению мира и человека, как то: "Иже от несущих вся праведый, словом созидаемая, совершаемая духом", "Водрузивый на ничесомже землю повелением твоим" и т.д.

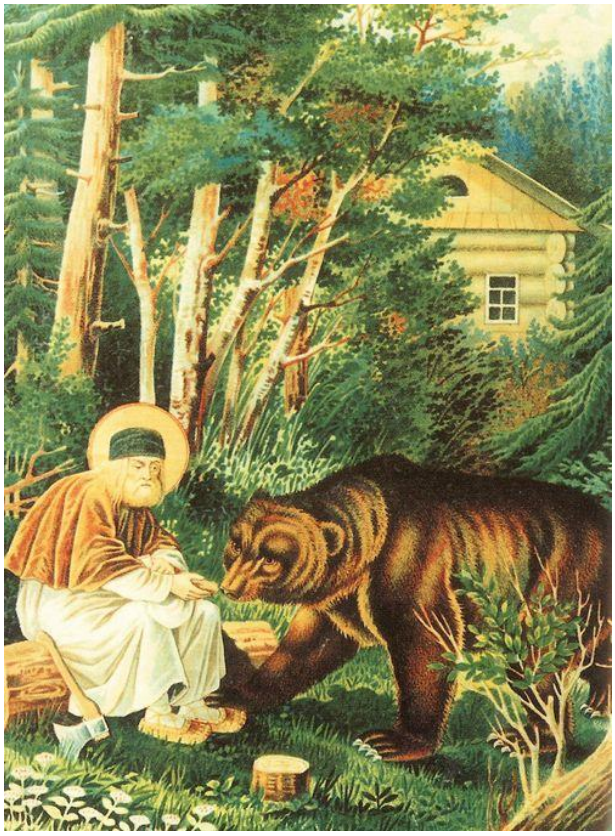
И вот, среди этой трудовой молитвы, занимаясь где-либо работой в огороде, на пасеке, или в лесу, преподобный погружался в столь глубокое созерцание духовных тайн, что, незаметно для себя, прерывал работу, орудия падали из рук его, руки опускались, глаза придавали лицу особенный, благодатный характер самоуглубления. Старец всей душою погружался в самого себя, умом восходил на небо и витал в Богосозерцании. И если кому-нибудь в такие минуты случалось быть подле, или проходить мимо, то никто не смел нарушить благодатной тишины и покоя преподобного и каждый тихо скрывался от него. В каждом предмете, в каждом делании Серафим видел сокровенное отношение их к духовной жизни и отсюда поучался и возводил умные очи свои горе. Так, при рубке дров, сделав один или три обрубка, он углублялся в созерцание великого таинства Единого Бога, в Троице славимого.

Сверх телесных трудов, преподобный Серафим, дабы простираться все выше и выше в духовном совершенствовании, предавался возвышеннейшим занятиям ума и сердца и читал много книг, особенно — Священного Писания, а также святоотеческих и богослужебных. Самой первой книгой для него было св. Евангелие, с которым он никогда не расставался, нося его с собой. Подвижническая жизнь, чистота сердца, молитвенные собеседования с Богом, духовная самоуглубленность и огромная начитанность в Священном Писании и душеполезных книгах — озарили ум его таким светом, что он ясно понимал и всей душою проникал смысл слова Божия. Он поставил себе в пустыне постоянным правилом ежедневно прочитывать с изъяснением для себя по нескольку зачал из Евангелия и Апостола. "Душу снабдевать, — говорил он впоследствии, — надобно словом Божиим: ибо слово Божие есть хлеб ангельский, им же питаются души, Бога алчущие. Всего же более должно упражняться в чтении Нового Завета и Псалтири. От чтения Св. Писания бывает просвещение в разуме, который от того изменяется изменением Божественным. Надобно так обучить себя, чтобы ум как бы плавал в законе Господнем, по руководству которого должно устроять и жизнь свою. Очень полезно заниматься чтением Слова Божия в уединении и прочитать всю Библию разумно. За одно такое упражнение, кроме других добрых дел, Господь не оставит человека Своею милостию, но исполнит дара разумения". И святый старец от непрестанных упражнений в чтении Слова Божия стяжал себе этот благодатный дар разумения, а вместе с тем мир душевный и высший дар сердечного умиления. В Священном Писании он искал уже не одной истины, но и теплоты духа, и нередко, за священным чтением, из его глаз текли слезы умиления, от которых человек, по собственному признанию старца, согревается весь и исполняется духовных дарований, услаждающих ум и сердце паче всякого слова.

Ежедневно преподобный совершал по Следованной Псалтири иноческое молитвенное правило, по чину древнейших

христианских пустынножителей; в свое время пел и читал 1-й, 3-й, 6-й и 9-й часы, вечерню, малое повечерие, молитвы на сон грядущим, при чем часто также, вместо вечернего правила, полагал по тысяче поклонов за один раз, полунощницу и другие службы церковные. Изведав все образы и степени молитвы, он восходил не только до подвига так называемой умной молитвы, но и до самой высокой на земле высоты молитвенного созерцания, когда ум и сердце бывают соединены в молитве, помыслы не рассеяны и сердце согревается теплотою духовною, в которой возсиявает свет Христов, исполняя мира и радости всего внутреннего человека.

Так спасаясь в пустыне в течение недели, святый Серафим накануне воскресных и праздничных дней приходил в Саровскую обитель, слушал вечерню, всенощное бдение или утреню и за ранней литургией причащался св. Тайн, после чего до вечерни принимал приходивших к нему по своим нуждам братии, и потом, взяв с собою хлеба на неделю Великого поста он проводил в монастыре и в эти дни говел, исповедывался и причащался св. Тайн.



С молитвенными подвигами блаженный старец соединял подвиги великого воздержания и поста. В начале своей пустынной, отшельнической жизни он питался черствым и сухим хлебом, который брал с собой из обители по воскресеньям, на целую неделю, но и из этого количества хлеба он уделял добрую долю пустынным животным и птицам, которые очень любили его и часто посещали место его молитвенных подвигов. Даже диким зверям старец внушал

благоговение. Так, к нему часто приходил громадный медведь, которого он кормил; по его слову, медведь уходил в лес и потом приходил снова, и старец кормил его и давал иногда кормить его своим посетителям. Впоследствии преподобный Серафим еще более усугубил свой пост, отказавшись даже от хлеба, и приучил тело к такому воздержанию, что питался, по слову Апостола, делающе своими руками, одними овощами своего огорода. В течение же первой недели Великого поста он вовсе не принимал пищи до причащения св. Тайн в субботу. Совсем перестав брать хлеб из обители, он в течение более двух с половиной лет жил без всякого содержания от нее, и братия недоумевала, чем мог питаться старец все это время, не только летом, но и зимой; только незадолго до смерти старец поведал некоторым близким ему лицам, что он около трех лет питался лишь отваром из травы снити, которую летом собирал и сушил на зиму.

Между тем многие стали нарушать безмолвие блаженного пустынника, часто посещая его ради духовного наставления и утешения. Многие из Саровской братии приходили к нему за советами и наставлениями, или для того, чтобы только повидать его. Умея узнавать и различать людей, старец от некоторых уклонялся, сохраняя молчание. Но тех, кто имел до него действительную духовную нужду, он охотно принимал и с любовью руководил их своими советами, наставлениями и духовными беседами. Таковыми были, например, его постоянные посетители схимонах Марк и иеродиакон Александр; но и они, находя иногда старца совершенно погруженным в Богомыслие, не осмеливаясь нарушить его покой, или дожидались конца его молитвенных подвигов, или, прождав некоторое время, тихо удалялись от старца. Бывали у преподобного и посторонние посетители. Если же, вне своей пустынной келлии, старец неожиданно встречал кого-либо в лесу, то, обыкновенно, не вступая в беседу, со смирением кланялся ему и уходил прочь, ибо от молчания, как говорил он впоследствии в своих наставлениях, никто никогда не раскаивался. Но вообще Серафим тяготился

посетителями, нарушавшими его безмолвие. Особенно было для него тяжело, когда приходили к нему женщины: но уклоняться от наставлений им он не мог, считая это делом, неугодным Богу. Тогда святый старец, на том случайном основании, что женскому полу возбранен вход на св. Гору Афонскую, решился распространить это запрещение и на свой холм, названный им тем же именем. Придя однажды в монастырь во время совершения Божественной литургии, Серафим просил на то благословения у строителя Саровского, старца Исайи, который, после некоторого недоумения, благословил его на то иконой Богоматери, именуемой "Блаженное Чрево". Вместе с тем, старец Серафим обратился с горячей мольбой к Богу и Пресвятой Богородице, дабы желание его исполнилось, и женщинам был бы возбранен вход на его пустынный холм, так чтобы это не было камнем претыкания и соблазна, как некоторым из братии, так еще более и мирянам; в удостоверение изволения Божия на сие прошение, он просил знамения в виде преклонения ветвей дерева, мимо которого он проходил, возвращаясь с праздника Рождества Христова из Сарова в свою пустынную келлию. И вот, когда он, на 26 декабря ночью, пошел в Саров к Божественной литургии, то, дошедши до места, где грунт земли круто спускается вниз, увидел, что с обеих сторон тропинки огромные сучья с вековых сосновых деревьев завалили дорожку и преградили проход к его келлии, тогда как с вечера ничего подобного не было. Тогда святый старец, в чувстве живейшей благодарности Богу, пал на колени, уразумев из происшедшего, что желание его угодно Господу. И сам он поспешил завалить колодами тропинку к себе, и не только женщинам, но и вообще посторонним лицам с этих пор вход к нему был совершенно закрыт.

При виде таких подвигов великого старца, исконный враг рода человеческого вооружился против него всевозможными искушениями и кознями. Так, он наводил на подвижника различные страхования, то испуская за дверями как будто вой дикого зверя, то представляя, что как будто скопище народа ломит дверь его келлии, выбивает косяки, бросает в старца

обрубок дерева и т.п.; по временам, и днем, но особенно ночью, во время молитвенного предстояния преподобного старца Серафима, ему видимо вдруг представлялось, что келлия его разваливается и со всех сторон врываются с яростным ревом страшные звери; иногда вдруг пред ним появлялись отверстые гробы с восстающими из них мертвецами. И когда, впоследствии, один мирянин, в простоте сердца своего, спросил его: "батюшка, видали ли вы злых духов?" — он отвечал с улыбкой: "они гнусны, — как на свет ангела взглянуть грешному невозможно, так и бесов видеть ужасно, потому что они — гнусны". Но все эти страшные видения, ужасы и искушения, сопровождаемые иногда и телесными страданиями, благодатный старец превозмогал теплой молитвой и препобеждал силой Честного и Животворящего Креста Господня. Неоднократно старец Серафим был искушаем духом честолюбия, избираемый в игумены и архимандриты разных монастырей; но он всегда в таких случаях с непоколебимой твердостью, растворенной глубоким смирением, отклонял от себя эти назначения, стремясь к истинному подвижничеству и в иноческом житии ища лишь спасения души своей и ближних.

Видя смиренномудрие святого старца, диавол воздвиг на него сильную мысленную брань, поддерживая ее с такой силой, от которой падали некоторые и из великих подвижников. Тогда старец Серафим, в тяжком душевном обстоянии, обратился с сердечной молитвой к Подвигоположнику нашего спасения Господу Иисусу Христу и Его Пречистой Деве-Матери, и, в то же время, для устранения и истребления диавольских козней, решился подъять на себя новый высший молитвенный подвиг, по примеру древних христианских столпников. В глубине дремучего леса, в ночное время, никем невидимый, всходил он на высокий гранитный камень, для усиления своего молитвенного подвига, и долговременно молился на нем, стоя на ногах или коленопреклоненный, взывая от глубины души мытареву молитву:

— "Боже, милостив Буди мне грешному!"

В келии своей сей новый столпник поставил также небольшой камень, на котором молился с утра до вечера, оставляя тот камень лишь для отдохновения от крайнего изнурения сил, или для небольшого укрепления себя скудной пищей. В этом великом подвиге преподобный Серафим провел тысячу дней и тысячу ночей. Враг окончательно был побежден, и мысленная брань прекратилась. Но от такого необычайного молитвенного подвига и почти трехлетнего стояния на ногах старец пришел в крайнее телесное изнурение и получил тяжкие, болезненные язвы на ногах, кои не оставляли его до самой смерти. И только тогда, наконец, прекратил он свой невыносимо тяжкий подвиг столпничества, на который и в древности решались лишь весьма немногие подвижники. Но при жизни старца никто не знал о сем необычайном молитвенном его подвиге, который он сумел скрыть от любопытствующего взора человеческого. К бывшему после старца Исайи игумену Нифонту был о Серафиме от преосвященного епископа тамбовского тайный запрос, на который настоятель Саровский отвечал: "о подвигах и жизни о. Серафима мы знаем; о тайных же действиях каких, также и о стоянии 1000 дней и ночей на камне, никому не было известно". И лишь незадолго до блаженной кончины своей преподобный Серафим, по примеру многих других подвижников, в числе других обстоятельств своей жизни, поведал некоторым из Саровской братии и о сем своем дивном подвиге. Один из слушателей заметил тогда, что подвиг этот выше сил человеческих. На сие святый старец заметил со смирением веры:

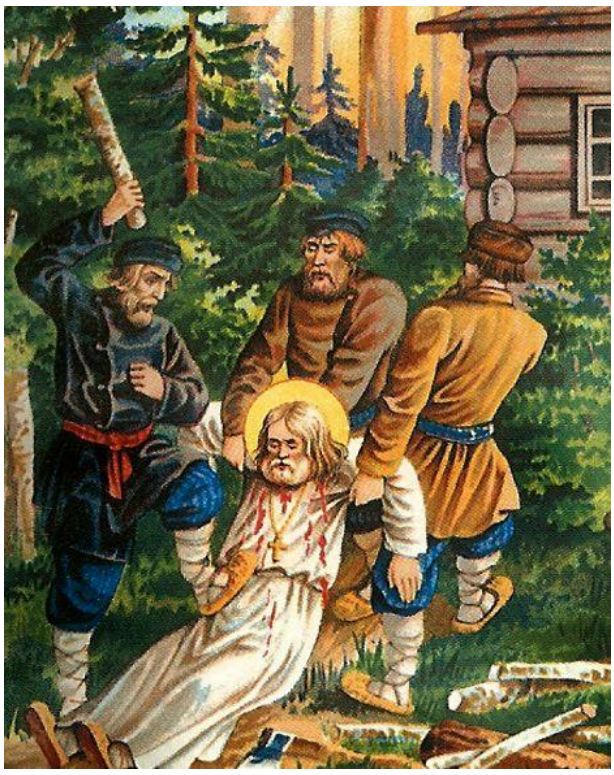
— Святый Симеон Столпник сорок семь лет стоял на столпе: а мои труды похожи ли на его подвиг?

Когда же собеседник заметил, что, вероятно, старец ощущал в это время помощь благодати укрепляющей, преподобный отвечал:

— Да, иначе сил человеческих не хватило бы... Внутренне подкреплялся и утешался я этим небесным даром, свыше нисходящим от Отца светов.

Потом, немного помолчав, прибавил:

— Когда в сердце бывает умиление, то и Бог бывает с нами. Посрамленный диавол начал строить новые козни святому старцу для удаления его из пустыни. Он послал на него злых людей, которые, встретив преподобного в лесу, стали требовать от него денег, будто бы получаемых им от приходящих к нему мирян. Старец отвечал, что он ни от кого не получает денег. Но они не поверили, и один из злодеев бросился на него, но сам упал. Серафим обладал телесной силой и, с топором в руках, мог бы защищаться против трех разбойников. Но он вспомнил слова Спасителя: вси приемшии нож, ножем погибнут и опустив топор, сложил крестообразно на груди руки и кротко сказал:



— Делайте, что вам надобно.

Один злодей, подняв топор, так сильно ударил старца обухом топора по голове, что у него изо рта и ушей хлынула кровь. Преподобный Серафим в беспамятстве упал. Злодеи продолжали яростно бить его обухом топора, поленьями,

руками и ногами. Наконец, заметив, что он не дышит, и считая его мертвым, они связали ему веревками руки и ноги, намереваясь бросить тело его, для сокрытия своего преступления, в реку; сами же бросились в келлию старца за предполагаемой добычей, но, тщательно пересмотрев, перебрав и переломав все в келлии, ничего не нашли, кроме святой иконы и нескольких картофелин. Тогда они пришли в страх и раскаяние, что убили, без всякой пользы для себя, святого, нестяжательного человека Божия, и бросились бежать. Между тем Серафим, очнувшись и кое-как развязав себе руки, вознес к Богу молитву о прощении своих убийц и с трудом дополз до своей келлии, где провел всю ночь в жестоких страданиях. На другой день с величайшим трудом добрел он в обитель во время литургии. Вид его был ужасен: волосы были смочены кровью, спутаны и покрыты пылью и сором, лицо и руки избиты, уши и уста запеклись кровью, несколько зубов было вышиблено. На вопросы ужаснувшейся при сем зрелище братии старец молчал, но, попросив к себе настоятеля, старца Исайю, и монастырского духовника, поведал им о случившемся. И вот, к злорадству диавола, Серафим принужден был остаться в монастыре. Нестерпимо страдал он и лежал еле живой, не принимая никакой пищи. Так прошло восемь суток. Тогда, отчаявшись за его жизнь, послали за врачами, которые, освидетельствовав Серафима, нашли, что голова у него проломлена, ребра перебиты, грудь оттоптана, все тело по разным местам покрыто смертельными ранами, и удивлялись, как старец мог остаться в живых после таких побоев. Для совещания о том, что лучше предпринять к облегчению старца, братия собрались в его келлии. В то же время послали за настоятелем. И вот, в ту минуту, когда оповестили, что настоятель идет, преподобный Серафим забылся и уснул тонким, легким, спокойным сном. Во сне увидел он дивное видение, подобное тому, какое видел некогда ранее, когда, еще в бытность свою послушником, лежал в смертельной болезни. К нему подошла Пресвятая Богородица, в царской порфире, круженная небесной славой; за Ней шли апостолы Петр и Иоанн Богослов. Оставаясь у одра, Пресвятая Дева перстом

правой руки показала на больного и, обратясь Пречистым Ликом Своим в ту сторону, где стояли врачи, произнесла:

— Что вы трудитесь?

Потом, обратясь опять лицом к старцу Серафиму, произнесла:

— Сей — от рода Моего!

После этого, видение, которого присутствовавшие и не подозревали, кончилось, — а когда настоятель вошел в келлию, больной снова пришел уже в себя. Отец Исайя стал настоятельно и с любовью уговаривать его воспользоваться советами и помощью врачей. Но больной, несмотря на отчаянное свое положение, после стольких забот о нем, к удивлению всех, твердо отвечал, что теперь он не желает никакого пособия от людей, умоляя настоятеля позволить ему предоставить свою жизнь Богу и Пресвятой Богородице. Настоятель принужден был исполнить желание старца, который от дивного Божественного посещения в продолжение нескольких часов находился в несказанной, неземной радости. Потом старец успокоился и почувствовал облегчение от болезни и постепенное возвращение сил. Немного времени спустя, он уже встал с постели, начал немного ходить по келлии и вечером подкрепился пищей. С того же самого дня он опять стал понемногу предаваться духовным подвигам.

Со дня болезни старец пробыл в монастыре около пяти месяцев. Болезнь сделала его согбенным, что еще и ранее замечалось в нем, после того как однажды при рубке он был придавлен деревом. Но, почувствовав в себе опять силы к провождению пустынной жизни, Серафим обратился к настоятелю с просьбой отпустить его в пустыню. Старец Исайя и братия упрашивали его остаться навсегда в монастыре. Но преподобный твердо отвечал, что ни во что вменяет подобные нападения, как случившееся с ним, и готов перенести до смерти все оскорбления, какие бы ни случились. Тогда отец

Исайя благословил его желание, и Серафим возвратился в свою пустынную келлию.

Вскоре после этого разбойники, избившие старца, были найдены; то были крепостные люди некоего местного помещика Татищева. Тогда преподобный Серафим, с любовью простив их, просил настоятеля и помещика не наказывать их, объявляя, что в противном случае он оставит Саровскую обитель и тайно удалится в другие отдаленные святые места. По мольбе старца, злодеев простили, но Бог покарал их за Своего угодника: вскоре сильный пожар совершенно истребил их жилища. Тогда разбойники пришли в раскаяние и со слезами просили у преподобного Серафима прощения и святых молитв, возвратившись, его благословением, на путь добродетельной жизни.

За свои высокие подвиги и богоугодную жизнь святый старец сподобился от Бога благодатного дара прозорливости. Но тем более он избегал славы человеческой и стремился к безмолвию.

В 1806 году настоятель Саровской обители, старец Исайя, по своему болезненному положению и преклонности лет, удалился от дел, и братия единодушно избрала на его место преподобного Серафима. Но Серафим уклонился от этого, как по своему глубокому смирению, так и по крайней любви к пустыне и безмолвию. Тогда настоятелем был избран отец Нифонт, с детства известный Серафиму. Между тем старец Исайя, вследствие недугов своих и слабости сил, не имея возможности ходить за шесть верст в пустынь к преподобному Серафиму и вместе с тем не желая лишиться утешения беседовать с ним, сильно скорбел о том. Тогда братия, по усердию, стали возить престарелого Исайю в пустынь к преподобному Серафиму, за телесной немощью обоих. Но вскоре и этот последний из самых дорогих друзей преподобного Серафима по жизни духовной отошел ко Господу. Эта потеря поразила Серафима глубокой скорбью, и с того времени он еще более и чаще стал размышлять о

тленности привременной сей жизни, о жизни будущей и страшном суде Христовом. Вместе с тем, он с особенным усердием стал молиться о упокоении душ дорогих сердцу его блаженного Пахомия, Иосифа и Исайи и, проходя мимо монастырского кладбища, всегда на их могилках возносил пламенные моления ко Всевышнему о них и о других Саровских старцах и подвижниках, называя их, по пламенности и высоте молитв, "огненными от земли до небес". И другим старец завещевал чаще поминать их в молитвах. Так, одной знакомой инокине, нередко бывавшей в Сарове и посещавшей Серафима, последний дал такую заповедь:

— Когда идешь ко мне, зайди на могилки, положи три поклона, прося у Бога, чтобы Он упокоил души рабов Своих: Исайи, Пахомия, Иосифа, Марка, и проч. И потом говори про себя: простите, отцы святии, и помолитесь обо мне.

По смерти старца Исайи, преподобный Серафим не изменил своего образа пустыннической жизни, но придал новый характер своему подвижничеству, возложив на себя тяжкий подвиг молчальничества. Приходили ли к нему в пустыню посетители, — он не выходил к ним. Случалось ли ему самому встретить кого в лесу, — он падал ниц на землю и до тех пор не поднимал очей, пока встретившийся не проходил мимо. В таком безмолвии прожил он около трех лет. Незадолго до сего срока, он перестал посещать даже Саровскую обитель по воскресным и праздничным дням. Один брат носил ему и пищу в пустынную его келлию, особенно зимой, когда у старца не было своих овощей. Пища приносилась раз в неделю, в воскресный день. Когда брат выходил в сени, старец, сказавши про себя: "аминь", отворял двери, потупив лицо в землю, и лишь когда брат уходил, старец клал на лоток, лежавший на столе, небольшую частицу хлеба или немного капусты, в знак того, что принести ему в следующее воскресенье.

Но это все были только наружные знаки молчальничества. Сущность же многотрудного подвига старца заключалась

собственно не в наружном удалении от общительности, но в безмолвии ума, в отречении от всяких житейских помыслов для чистейшего, совершеннейшего посвящения себя Богу.

Многие из братии весьма сожалели о таком удалении благодатного старца от общения с ними и о подъятом им на себя подвиге молчальничества, а некоторые даже как бы укоряли его за то, что он уединяется, тогда как, пребывая в близком общении с братией, он мог бы назидать их, и словом и примером, не терпя ущерба и в благоустроении своей души. Но на все сии упреки старец отвечал словами преподобного Исаака Сирина: "...возлюби праздность безмолвия предпочтительно насыщению алчущих в мире" и — святого Григория Богослова: "...прекрасно богословствовать для Бога, но лучше сего, если человек себя очищает для Бога".

И подъятый преподобным Серафимом на себя многотрудный подвиг молчальничества совершеннейшим образом очищал и просвещал праведную душу его и еще более и выше возводил в тайны Богосозерцания, совершенно обезоруживая диавола для борьбы с пустынножителем. Какие плоды духа приносил для Серафима этот подвиг, — о сем ясно можно судить по наставлениям святого старца касательно безмолвия, несомненно основанным и на собственном опыте. "Когда мы в молчании пребываем, — говорил впоследствии преподобный Серафим, — тогда враг, диавол, ничего не успеет относительно к потаенному сердца человеку: сие же должно разуметь о молчании в разуме. Оно рождает в душе молчальника разные плоды духа. От уединения и молчания рождаются умиление и кротость. В соединении с другими занятиями духа, молчальничество возводит человека к благочестию. Молчание приближает человека к Богу и делает его как бы земным ангелом. Ты только сиди в келлии своей во внимании и молчании, и всеми мерами старайся приблизить себя к Господу: а Господь готов сделать тебя из человека ангелом: и на кого воззрю, токмо на кроткаго и молчаливаго, и трепещущего словес моих. Плодом молчания, кроме других духовных приобретений, бывает мир души. Молчание учит

безмолвию и постоянной молитве, а воздержание делает помысел неразвлекаемым. Наконец, приобретшего сие ожидает мирное состояние". Так проходил преподобный Серафим подвиг молчальничества, и, достигая высших дарований духовных, получал и новые благодатные утешения, ощущая в сердце неизреченную радость о Дусе Святе.

Переходя далее по лестнице добродетелей и иноческого подвижничества, преподобный Серафим возложил на себя еще высший подвиг затворничества. Это произошло следующим образом. В это время после Исайи настоятелем Саровским был отец Нифонт, муж богобоязненный и добродетельный и в то же время великий ревнитель устава и порядков церковных. Между тем Серафим, со времени смерти Исайи, положив на себя обет молчания, жил в пустыне своей безысходно, как в затворе. Прежде он хаживал по воскресным дням в Саровскую обитель для причащения св. Тайн. Но теперь он от болезни ног, развившейся от долговременного стояния на камнях, и ходить не мог. Многие из иноков соблазнялись этим обстоятельством, недоумевая, кто же причащает его св. Тайн, и потому строитель созвал, наконец, монастырский собор из старших иеромонахов, представив им на разрешение вопрос относительно причащения старца Серафима. После совещания, старцы решили предложить Серафиму, чтобы он или ходил, если здоров и крепок ногами, по-прежнему, в обитель в воскресные и праздничные дни для причащения св. Тайн; если же ноги не служат ему, то навсегда бы перешел на жительство в монастырскую келлию. Общим советом было положено спросить чрез брата, носившего по воскресеньям пищу старцу Серафиму, что он изберет. Брат так и сделал, но на первый раз старец не отвечал ему ни слова. Брату поручили вторично передать Серафиму в следующий воскресный день предложение монастырского собора. Тогда старец Серафим, благословив брата, отправился вместе с ним пешком в обитель, знаком дав при этом понять, что он не в силах был, по болезни, ходить, как прежде, по воскресным и праздничным

дням в обитель. Это было 8 мая 1810 года, когда преподобному Серафиму было пятьдесят лет от роду. Возвратившись в обитель после пятнадцатилетнего пребывания в пустыне, Серафим, не заходя в свою келию, отправился в больничный корпус. Это было днем, пред наступлением всенощного бдения. По удару в колокол, старец явился на всенощное бдение в Успенский храм. Все братия пришли в сильное удивление, когда между ними мгновенно разнесся слух, что старец Серафим решился поселиться в обители. На другое же утро, 9 мая, в день перенесения мощей святителя и чудотворца Николая, Серафим пришел, по обычаю, в больничную церковь к ранней литургии и причастился св. Христовых Тайн. Из храма он направился в келлию строителя Нифонта и, приняв от него благословение, поселился в прежней своей монастырской келлии. Но при этом старец никого, однако, не принимал к себе, сам никуда не выходил и не говорил ни с кем ни слова, подъяв на себя, таким образом, новый, труднейший подвиг затворничества.

О подвигах преподобного Серафима в затворе известно лишь очень немного, ибо он никого к себе не допускал и ни с кем не промолвил ни слова. В келлии своей он не имел ничего, даже самых необходимых вещей: икона Богоматери, пред которой всегда горела лампада, и обрубок пня, заменявший стул, составляли все. Для себя самого он не употреблял даже огня. На плечах своих под рубашкой он носил на веревках большой пятивершковый железный крест, для умерщвления плоти, да дух спасется. Но вериг и власяницы он не носил никогда. "Кто нас оскорбит словом или делом, — говорил он, — и если мы переносим обиды по-евангельски — вот вериги нам, вот и власяница. Эти духовные вериги и власяницы выше железных". Одежду преподобный Серафим продолжал носить ту же, что и в пустыне. Пил он одну только воду, в пищу же употреблял лишь толокно, да белую квашеную капусту. Воду и пищу приносил ему живший с ним по соседству инок, по имени Павел. Сотворив молитву у келлии старца, брат ставил пищу у дверей. А затворник, чтобы никто его не видал, накрывал себя

большим полотнищем и, приняв блюдо, стоя на коленях, уносил его в свою келлию, как бы принимая ее из рук Божиих. Затем, подкрепившись, ставил посуду на прежнее место, скрывая опять лицо свое полотном, по примеру пустынножителей, которые под кукулем скрывали лицо свое.

Молитвенные подвиги старца в затворе были никому недоведомы; известно лишь, что они были весьма тяжелы, велики и многообразны. И здесь он, по-прежнему, совершал свое пустынное правило и все ежедневные службы, кроме божественной литургии. Кроме того, он часто совершал "умную" молитву Иисусову или Богородичную. На молитве, святый старец погружался иногда в глубокое созерцательное, молитвенное настроение, стоя пред иконой, но не читая никакой молитвы и не кладя поклонов, а только умом созерцая в сердце Господа. В течение недели он прочитывал по порядку весь Новый Завет: с понедельника по четверг четыре Евангелия — по одному каждодневно и в остальные дни недели книгу Деяний Апостольских и послания. В сенях, сквозь дверь, иногда слышно было, как он, читая, толковал про себя новозаветные священные книги, и многие приходили и слушали слово его в свое наслаждение, утешение и назидание. В течение всех лет затвора старец во все воскресные и праздничные дни причащался св. Тайн Христовых. Чтобы никогда не забывать о часе смертном, яснее представлять и ближе видеть его пред собою, святый Серафим попросил сделать для него гроб и поставить его в сенях затворнической его келлии. Желание святого старца было исполнено: ему выдолбили из цельного дуба гроб с крышкой, и он, некрашеный, всегда стоял в сенях. Здесь старец часто молился, готовясь к исходу от настоящей жизни. В беседах с Саровскими братиями, блаженный Серафим часто говорил относительно сего гроба:

— Когда я умру, умоляю вас, братия, положите меня в моем гробе.

Вместе с духовными подвигами старец-подвижник стал соединять и телесный труд, освежая иногда усталую старческую грудь свежим воздухом. По предрассветным утрам, когда все еще спало, святый старец часто, читая молитву Иисусову, быстро двигался по кладбищу, среди могильных памятников, или еще где-либо, взад и вперед, перенося тихонько небольшую поленницу дров с одного на другое, ближайшее к келлии, место. Когда, однажды, послушник-будилыцик, обрадованный таким видением, бросился к старцу, целуя его ноги и прося у него благословения, — Серафим, благословив его, сказал:

— Оградись молчанием и внимай себе.

Пробыв в затворе пять лет, святый старец потом несколько ослабил его, сначала более лишь внешним образом: и келейная дверь у него была открыта, и всякий мог приходить к нему, но на вопросы имевших нужду в его наставлениях он, приняв на себя обет молчания пред Богом, не отвечал, безмолвно продолжая свое духовное делание. Бывший тогда Тамбовский епископ Иона, часто посещавший Саровскую обитель, однажды пожелал видеть лично отца Серафима и с этой целью подошел было к его келлии; но преподобный, твердо исполняя свои обеты пред Богом и опасаясь человекоугодия, и на сей раз не нарушил своего молчания и затвора. Видно, преподобному Серафиму не наступило еще тогда время оставить затвор. Так понял это и преосвященный, который, на предложение игумена Нифонта снять двери келлии старца с крючков, отвечал отказом, говоря: "как бы не погрешить нам". И оставил старца в покое. Но вскоре после этого для преподобного Серафима действительно приспел час — совершенно оставить подвиг своего затворничества и молчальничества. С полным самоотречением, терпением, смирением и непостыдной верой пройдя путь общежительного инока, пустынника, столпника, молчальника и затворника, он стяжал себе великую чистоту душевную и сподобился от Бога высших благодатных дарований духовных. И тогда, по Вышней воле, ему надлежало оставить безмолвие и,

продолжая жизнь всю в Боге и для Бога, исполненную высшего отречения от мира, выступить на служение тому же миру — своею любовию, ниспосланными от Бога благодатными дарованиями учительства, прозорливства, чудес и исцелений, своим духовным руководством, молитвою, утешением и советами. Таким образом, преподобный Серафим подъял на себя высочайший подвиг так называемого старчества, в котором и окончил свое многотрудное и праведное житие.

Сей подвиг великого старца начался с того, что он, еще через пять лет, уже начал вступать в беседы с приходившими к нему посетителями, и, прежде всего, иноками. В своих беседах с ними преподобный Серафим, главным образом, направлял их к утверждению в соблюдении всех иноческих правил, внушая неопустительно совершать и слушать церковное богослужение по церковному уставу, непрестанно заниматься "умной" молитвой, неукоснительно и усердно проходить со смирением свое послушание, за трапезой сидеть со страхом Божиим, без уважительной причины не выходить за монастырь, удерживаться от своеволия и самочиния, хранить взаимный мир и т.д. После сего святого старца стали навещать и посторонние, мирские посетители. Двери его келлии стали открыты для всех — от ранней литургии до восьми часов вечера. И старец всех принимал, преподавая каждому благословение и соответствующие краткие наставления. Посетителей благодатный старец принимал, одетый, обыкновенно, в длинную белую одежду в виде балахона и в полумантию, с епитрахилью и в поручах; впрочем, последние он носил лишь в воскресные и праздничные дни, когда причащался св. Христовых Тайн.

С особенною любовию святый старец принимал к себе искренно и смиренно кающихся и тех, кто проявлял в себе горячее усердие к духовной жизни христианской. После беседы с ними, преподобный Серафим имел обыкновение возлагать на их преклоненные головы конец епитрахили и правую свою руку. При сем он предлагал им произносить за собою краткую покаянную молитву, после чего сам произносил

разрешительную молитву, отчего приходившие получали облегчение совести и какое- то особое духовное наслаждение; затем старец крестообразно помазывал чело посетителя елеем из лампады, горевшей пред находившимся в его келий образом Божией Матери Умиления, которую он называл иконой Божией Матери — *Радости всех радостей,* а в том случае, когда это было до полудня (т.е. до надлежащего времени вкушения пищи), давал вкушать *великой агиасмы* (Богоявленской воды) и благословлял частицей антидора или освященного на всенощном бдении благословенного хлеба; потом — с каждым христосовался, в какое бы время то ни случилось, напоминая тем о спасительной силе Воскресения Христова, и давал прикладываться к образу Божией Матери, или к висевшему на груди его кресту, одних, открывавших ему какие-либо особые свои недуги и скорби сердечные, он утешал и облегчал особыми, соответственными, добрыми отеческими советами и врачеваниями духовными; в других случаях — старец предлагал общехристианское назидание, особенно о непрестанной памяти о Боге, молитве и целомудрии. Во всех таких случаях он особенно завещавал всегда хранить на устах и в сердце молитву Господню — "Отче наш", архангельскую молитву — "Богородице Дево, радуйся", Символ веры и молитву Иисусову — "Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго", которые он считал особенно действенными и спасительными. Среди других посетителей, иногда являлись к святому Серафиму и знатные лица и государственные деятели, коим он делал соответствующие наставления, относясь к ним с должной честью и христианскою любовию, обращая внимание на важность их сана и отсюда поучая их верности святой Православной Церкви и отечеству. Посещали старца и лица царской фамилии; так, в 1825 году у него принял благословение великий князь Михаил Павлович. Но особенно много являлось к святому старцу простолюдинов, требовавших от него не только наставлений, но иногда и житейской помощи, с верой на его святость и прозорливость, — и он не только утешал таковых нравственно, но и помогал им в их горе и

нуждах силою своей прозорливости, с которой он указывал, например, бедным крестьянам, где найти потерянное или украденное у них добро, заповедуя им только при этом ограждаться молчанием. Нередко он также исцелял недужных, помазуя их в таких случаях елеем из лампады, висевшей пред упомянутым келейным его образом Божией Матери Умиления. Но при всем том преподобный Серафим вполне не оставлял еще своего затвора; сняв с уст печать молчания и принимая посетителей, он сам никуда, однако же, не выходил из своей келлии.

Вскоре наступило для преподобного Серафима время совсем оставить свой затвор. Но, прежде чем решиться на это, он обратился к Богу с молитвой о высшем изволении на открытое окончание затвора. И вот, в ночь на 25 ноября 1825 года, старцу явилась в сонном видении Божия Матерь, вместе с празднуемыми в этот день святителями Климентом Римским и Петром Александрийским, и разрешила ему выйти из затвора и посещать пустынь. На другой день, восстав от сна и сотворив свое обычное молитвенное правило, он сообщил о своем желании игумену Нифонту, от которого и получил на то благословение. С этого времени преподобный Серафим стал посещать свою пустынную келлию и молиться в ней.

Особенно часто старец ходил на так называемый "Богословский" родник. Этот родник находился верстах в двух от монастыря и существовал с давних пор, еще до поступления Серафима в Саров; но он находился в запустении: бассейн был покрыт накатом из бревен и засыпан землей; вода вытекали из него только одной трубой. Вблизи родника, на столбике, стояла икона св. Апостола и евангелиста Иоанна Богослова, отчего родник и получил свое наименование. Место это очень полюбилось преподобному Серафиму. Согласно его желанию, родник был расчищен и возобновлен; накат, закрывавший бассейн, снят и, вместо того, сделан новый сруб с трубою. Здесь старец и стал проводить подолгу время, занимаясь Богомыслием и телесными трудами; ибо в прежнюю келлию, по болезни, он ходить уже не мог. Старец собирал в реке Саровке

камешки и унизывал ими бассейн родника; устроил подле для себя гряды, сажал овощи. На горке, около родника, для старца был устроен маленький сруб без окон и даже без дверей, с земляным входом, со стороны под стенкой. Подлезши под стенку, преподобный Серафим отдыхал в этом убогом убежище после трудов, скрываясь от полуденного зноя; впоследствии была поставлена ему новая келлия с дверями и печью, но без окон. Здесь, в своей пустыни, он проводил все будничные дни, к вечеру возвращаясь в монастырь. Место это стали называть нижней пустынькой отца Серафима, а родник — колодцем отца Серафима.

Родник отца Серафима в наши дни

Умилительно было видеть этого смиренного, согбенного старца, подпиравшегося мотыкой или топором, в пустыне, за рубкою дров или за возделыванием гряд, в убогой камилавке без крепа, в холщовом белом балахоне с сумой на плечах, где лежало Евангелие и груз из камней и песка для умерщвления своей плоти. На вопросы некоторых, для чего он это делает, — старец отвечал:

— Я томлю томящаго мя.

Число посетителей благодатного старца значительно увеличилось. Одни дожидались его в монастыре, другие посещали его в пустыне, жаждая увидеть его и принять от него благословение и наставление. Умилительно было видеть, когда преподобный Серафим возвращался в свою пустыньку после принятия св. Тайн — в мантии, епитрахили и поручах. Шествие его замедлялось от множества толпившегося около него народа. Но он в это время ни с кем не говорил, никого не благословлял и как бы никого не видал, погруженный весь в размышления о благодатной силе св. таинства. Глубоко уважавший и любивший благодатного старца игумен Нифонт, по поводу множества посетителей святого Серафима говаривал:

— Когда о. Серафим жил в пустыни (первой и дальней), то закрыл все входы к себе деревьями, чтобы народ не ходил; а теперь стал принимать к себе всех, так что мне до полуночи нет возможности закрыть ворот монастырских.

С этих пор в преподобном Серафиме Бог открыл верующим поистине великое и драгоценное сокровище. Особенно усладительна была душеполезная беседа благодатного старца, проникнутая какой-то особенною любовию и в то же время дышащая тихою, живительною властию. И все обхождение его с посетителями отличалось, прежде всего, глубоким смирением и всепрощающей, действенною любовию христианскою. Речи его согревали сердца, даже черствые и холодные, озаряли души духовным разумением, растворяли их к слезному и сокрушенному покаянию, возбуждали отрадную надежду на возможность исправления и спасения даже в закоренелых и отчаявшихся грешниках, наполняли душу благодатным миром. Никого не поражал угодник Божий жестокими укоризнами, или строгими выговорами, ни на кого не возлагал тяжкого бремени. Высказывал он нередко и обличения, но кротко растворяя слово свое смирением и любовию. Стараясь возбудить голос совести советами, он указывал пути спасения, и часто так, что слушатель на первый раз и не понимал, что речь идет о его душе; но потом сила

слова, осоленного благодатью, непременно производила свое действие. Слово свое, как и всю свою жизнь и все свои действия, преподобный Серафим всегда основывал на Слове Божием, на святоотеческих творениях и на поучительных примерах из жизни святых, благоугодивших Богу. При этом старец особенно чтил тех святых, которые явились наиболее доблестными ревнителями и поборниками православной веры, как-то: Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоустого, Климента, папу Римского, Афанасия Александрийского, Кирилла Иерусалимского, Амвросия Медиоланского и т.д., и при этом постоянно убеждал стоять за непоколебимость веры и любил объяснять, в чем состоит чистота православия.

Любил он также говорить об угодниках отечественной Церкви, например, о святителях Московских Петре, Алексии, Ионе и Филиппе, о Димитрии Ростовском, преподобном Сергии, Стефане Пермском и т.д., поставляя жизнь их правилом на пути ко спасению. Все эти речи благодатного старца, помимо вышеуказанных их свойств, имели особенную силу еще и потому, что прямо прилагались к потребностям слушателей и имели ближайшее отношение к их жизни и тем частным нуждам и случаям, ради коих они приходили в Саров к преподобному Серафиму.

Особенно соблюдал и охранял святый Серафим чистоту православия. Так, на вопрос одного раскольника, какая вера лучше: нынешняя церковная, или старая, старец со властью заметил:

— Оставь свои бредни. Жизнь наша есть море, святая Православная Церковь наша — корабль, а кормчий — Сам Спаситель. Если с таким Кормчим люди, по своей греховной слабости, с трудом переплывают море житейское, и не все спасаются от потопления, то куда же стремишься ты с своим ботиком, и на чем утверждаешь свою надежду — спастись без кормчего?

В другой раз в Саровскую обитель привезли больную женщину, скорченную до такой степени, что колени ее сведены были к груди. Когда ее внесли в келлию преподобного Серафима, он стал расспрашивать ее, откуда она и отчего приключилась с ней такая болезнь. Больная чистосердечно, ничего не утаивая, раскрыла пред старцем, как на духу, свою душу, что она родилась в Православной Церкви, но замуж вышла за раскольника, весьма закоснелого в своем лжеучении; вследствие долговременного влияния мужа и его семьи, она оттолкнулась от православия, и за то Бог внезапно покарал ее: ее как бы опалило, после чего начались сильные корчи. Страшная ломота терзала несчастную женщину четыре года, в продолжение коих она не могла двинуть ни ногой, ни рукой. Благодатный старец спросил больную, верует ли она ныне в матерь нашу святую православную Церковь, и, на утвердительный ответ, приказал больной перекреститься троеперстным сложением. Та отозвалась немощью, по которой не может даже руки поднять. Когда же преподобный с молитвой помазал ей елеем из висевшей у него лампады грудь и руки, недуг мгновенно оставил ее, и она возблагодарила старца, даровавшего ей исцеление. Народ дивился, при виде сего чуда, весть о коем быстро распространилась по монастырю и его окрестностям.

По чистоте своего духа стяжав дар прозорливости, преподобный Серафим нередко давал иным наставления, относившиеся прямо к их внутренним чувствам и мыслям сердечным, прежде, чем они раскрывали пред ним те обстоятельства, ради которых они обращались к нему, — и тем неотразимее в таких случаях действовало слово его. Вот особенно поразительный пример сего.

Однажды приехал в Саров, из-за любопытства, заслуженный генерал-лейтенант Л. Осмотрев монастырские здания и ничего не получив для души своей, он хотел уже уезжать; но его остановил один помещик, по фамилии Прокудин, убеждая генерала зайти к затворнику — старцу Серафиму. Надменный собой, генерал сначала отказывался,

но потом, уступая усиленным убеждениям Прокудина, согласился видеть старца. Как только вошли они в келлию, преподобный, идя к ним навстречу, поклонился генералу в ноги. Такое смирение поразило гордого генерала. Прокудин же, заметив, что ему не следует оставаться с ними в келлии, вышел в сени, и, украшенный орденами, генерал около получаса беседовал со старцем. Чрез несколько минут послышался из келлии Серафима плач: то плакал, как малое дитя, генерал. Чрез полчаса дверь отворилась, и святый Серафим вывел генерала под руки; тот продолжал плакать, закрыв лицо руками. Ордена и фуражка были забыты им в келлии старца. Преподобный вынес их и надел ордена на фуражку.

Впоследствии генерал этот говорил, что он прошел всю Европу, знает множество людей разного рода, но в первый раз в жизни увидел такое смирение, с каким встретил его Саровский затворник, и еще никогда не знал о возможности такой прозорливости, по которой старец раскрыл пред ним всю его жизнь до самых тайных подробностей. Между прочим, ордена генерала, во время беседы его с Серафимом свалились, при чем старец заметил:

— Это потому, что ты получил их незаслуженно. Любовь благодатного старца была, казалось, всеобъемлюща и безгранична; казалось, что он любил всех и каждого больше, чем мать любит единственного сына своего возлюбленного. Не было такого страдания, такой скорби у ближнего, которых бы он не разделил, не принял бы в душу свою, и для врачевания которых не нашел бы соответствующих цельбоносных средств. И вот он стал в глазах православного русского народа прибежищем, духовною опорою и утешением всех страждущих и обремененных, скорбящих и озлобленных, милости Божией и благодатной помощи требующих. Лица всех возрастов, званий и состояний и обоих полов, с полной, как бы детской доверчивостью, искренно и чистосердечно раскрывали пред ним свой ум и сердце, свои сомнения и недоумения, свои духовные нужды и печали, свои прегрешения и греховные

помыслы, для смиренного исповедания коих, без всякого ложного стыда и утайки, нередко на помощь приходил сам облагодатствован-ный старец, прозорливо читая в душе посетителя и вслух пред ним раскрывая его грехи и помыслы. И любвеобильный святый старец всех удовлетворял и успокаивал, никто не уходил от него без облегчения и душевного умиротворения, без действительного наставления и благодатного утешения, — ни богатые, ни бедные, ни простые, ни ученые, ни униженные, ни знатные. Народа, особенно за последние десять лет его жизни, к нему стекалось ежедневно до тысячи человек, а иногда до двух и более. Но святый старец не тяготился этим и со всяким находил время побеседовать на пользу души, в кратких словах объясняя каждому то, что ему именно было благопотребно. И все ощущали его великую любовь и ее благодатную силу, и потоки слез нередко вырывались и у таких людей, кои имели твердые и окаменелые сердца.

Нередко преподобный Серафим возбуждал во многих зависть, нарекания или же недоумения, что он всех принимал к себе без разбора, всем одинаково делал добро, всех равно выслушивал, утешал и наставлял, не различая ни пола, ни звания, ни состояния и нравственных достоинств приходивших к нему посетителей. По поводу этого преподобный Серафим говорил не раз:

— Положим, что я затворю двери моей келлии. Приходящие к ней, нуждаясь в слове утешения, будут заклинать меня Богом отворить двери и, не получив от меня ответа, с печалью пойдут домой... Какое оправдание я могу принести Богу на страшном суде Его?

В другой раз, когда один инок спросил старца: "Что ты всех учишь?" — тот отвечал:

— Я следую учению Церкви, которая поет: "не скрывай словесе Божия, но возвещай чудеса Его".

Таким образом, святый старец прием к себе всех приходящих считал делом совести, обязательством своей жизни, в котором Бог потребует от него отчета на страшном суде. Но при всем этом, когда старец видел, что приходившие к нему внимали его советам, следовали его наставлениям и с пути греха и погибели становились на путь добродетели и спасения, то не восхищался этим, как плодом своего дела, ничего не относя к себе, но за все благословляя Благодателя-Бога, говоря в таких случаях: "Не нам Господи, не нам, но Имени Твоему даждь славу о милости Твоей".

И еще говорил он о том же:

— Мы должны всякую радость земную от себя удалять, следуя учению Иисуса Христа, Который сказал: "О сем не радуйтеся, яко дуси вам повинуются: радуйтеся же, яко имена ваша написана суть, на небесех"

Однажды к преподобному Серафиму пришли одновременно в келлию один купец Владимирской губернии и строитель Высокогорской пустыни о. Антоний. Преподобный с любовью стал кротко и ласково обличать купца в его пороках и предлагать ему соответствующие наставления. Речь благодатного старца была настолько растворена теплотой сердца, что и купец, к которому она относилась, и случайно присутствовавший при сем о. Антоний были тронуты до слез. Последний, когда купец вышел из келлии, обратился к святому старцу с такими словами:

— Батюшка! Душа человеческая пред вами открыта, как лицо в зеркале: еще совсем не выслушавши сего богомольца, вы сами ему все уже высказали. Вижу я теперь, что ум ваш так чист, что от него ничто не скрыто в сердце ближнего.

Но преподобный Серафим, как бы заграждая уста своего собеседника, возложил на них свою руку и промолвил:

- Не так ты говоришь, радость моя: сердце человеческое открыто единому Господу и один лишь Бог-сердцеведец, а приступит человек и сердце глубоко.

- Да как же вы, батюшка, — снова вопросил о. Антоний, — не спросили ни одного слова от купца и все сказали, что ему потребно?

Тогда преподобный Серафим со смирением ответил: — Он шел ко мне, как и другие, как и ты, шел, яко к рабу Божию: я, грешный Серафим, так и думаю, что я — грешный раб Божий, что мне повелевает Господь, как рабу Своему, то я и передаю требующему полезного. Первое помышление, являющееся в душе моей, я считаю указанием Божиим и говорю, не зная, что — у моего собеседника на душе, а только веруя, что так мне указывает воля Божия для его пользы. — Как железо — ковачу, так я передаю себя и свою волю Господу Богу: как Ему угодно, так и действую; своей воли не имею; а что Богу угодно, то и передаю.

Между тем эта благодатная прозорливость преподобного Серафима была поистине необычайна. Получая письма, он часто, не распечатывая их, знал их содержание и давал ответы: "вот что скажи от убогого Серафима" и т.д. После блаженной кончины его, нашли много таких нераспечатанных писем, на которые в свое время даны были ответы. Духом святый старец был в единении со многими подвижниками, которых никогда не видал и которые жили от него за тысячи верст. Когда в затворнике Задонского Богородицкого монастыря Георгии возник помысел, — не переменить ли ему своего места на более уединенное, и никто, кроме него самого, не знал об этом его тайном смущении, вдруг приходит к нему какой-то странник из Саровской пустыни от отца Серафима и говорит ему:

— Отец Серафим приказал тебе сказать: стыдно-де, столько лет сидевши в затворе, побеждаться такими вражескими помыслами, чтобы оставить свое место. Никуда не ходи. Пресвятая Богородица велит тебе здесь оставаться.

С этими словами странник поклонился и ушел. Когда же его стали искать, то не могли уже найти его ни в монастыре, ни за монастырем.

Еще ничего не было слышно об угоднике Божием Митрофане, первом епископе Воронежском, и о предстоящем его прославлении: не было еще никаких ни откровений, ни явлений, а между тем преподобный Серафим в нескольких словах, собственноручно написанных, поздравлял преосвященного архиепископа Воронежского Антония с открытием святых мощей угодника Божия Митрофана.

Одному мирянину, некоему А.Г.Воротилову, старец не раз говорил, что на Россию восстанут три державы и много изнурят ее; но за православие Господь помилует и сохранит ее. Тогда речь та была непонятна; но впоследствии события объяснили, что старец говорил это о Крымской компании.

С 1831 года Серафим многим предвозвещал о предстоящем голоде, и, по его совету, в Саровской обители сделали запас хлеба на шесть годовых потреб, и, вследствие этого, в обители не было голода. Когда явилась первая холера в России, преподобный открыто предвозвещал, что ее не будет ни в Сарове, ни в Дивееве, — и предсказания эти исполнились во всей точности, так что от первой холеры ни в Сарове, ни в Дивееве не умерло ни одного человека.

Старец равно видел прошедшее и будущее, в нескольких словах очерчивал предстоящую жизнь человека и говорил речи и давал советы, казавшиеся странными, но впоследствии обстоятельства оправдывали их, и они оказывались полными духа прозрения.

Кроме дара прозорливости, Господь продолжал являть в преподобном Серафиме благодать исцеления недугов и болезней телесных. Еще ранее, в 1823 году, до окончательного оставления старцем своего затвора, одним из первых и разительнейших явлений этой Богодарованной ему чудодейственной благодати были исцеление им от не поддававшейся никакому лечению болезни одного соседнего помещика Ардатовского уезда М.В.Манторова. Когда недуг принял угрожающие размеры, так что у болящего выпадали даже кусочки кости из ног и всякая надежда на медицинскую

помощь была потеряна, Манторов, по совету своих ближних и знакомых, решился ехать в Саров, за сорок верст от своего имения Нуч, к отцу Серафиму, молва о святой жизни которого в то время распространилась уже по всей России. С большим трудом Манторов внесен был в сени келий благодатного затворники, которого слезно стал просить об исцелении его от ужасного недуга. Тогда старец с сердечным участием и отеческой любовью, спросил его, верует ли он в Бога. Получив от болящего троекратное твердое и искреннее уверение в безусловной вере в Бога, преподобный ласково сказал ему:

— Радость моя! Если ты так веруешь, то верь и в то, что верующему все возможно от Бога, а посему веруй, что и тебя исцелит Господь, а я, убогий Серафим, помолюсь.

После того он удалился в свою келлию и, немного времени спустя, вышел оттуда со святым елеем из лампады, висевшей пред образом Божией Матери *Умиления,* велел Манторову обнажить ноги и помазал больные места. И тотчас же струпья покрывавшие тело, мгновенно отпали, и Манторов получил исцеление и без посторонней помощи вышел из келлии Саровского чудотворца. Когда же Манторов, почувствовав исцеление, в радости бросился в ноги преподобному, лобызая их и благодаря за исцеление, старец, приподняв его, строго сказал:

— Разве Серафимово дело мертвить и живить, низводить во ад и возводить, — что ты, батюшка? Это — дело Единого Господа, Который творит волю боящихся Его и молитву их слушает. Господу Всемогущему, да Пречистой Его Матери даждь благодарение.

С этими словами смиренномудрый угодник Божий отпустил Манторова.

Не менее поразительно было совершенное святым старцем в 1827 году исцеление некоей женщины Александры, жены дворового человека Лебедева. Она более годы страдала, повидимому, беспричинно овладевшими ею страшными

припадками, сопровождавшимися рвотой, скрежетом зубов, судорогами всего тела, после чего болящая впадала в полное беспамятство; такие припадки повторялись с ней ежедневно. Принимаемые лекарями к прекращению недуга страдалицы средства не имели никакого успеха, а один опытный, верующий и честный врач, принявший в больной особенно сердечное участие и истощивший над ней все свое внимание, познания и искусство, наконец, дал ей совет положиться на волю Всевышнего и просить у Него помощи и защиты, ибо из людей никто ее вылечить не может. Это привело в глубокую скорбь всех присных больной и повергло ее в отчаяние. И вот в одну ночь явилась к ней незнакомая, весьма старая женщина и, когда болящая в испуге стала читать молитву св. Кресту, сказала ей:

— Не убойся меня: я — такой же человек, только теперь не сего света, а из царства мертвых. Встань с одра своего и поспеши скорее в Саровскую обитель к о. Серафиму: он тебя ожидает к себе завтра и исцелит тебя.

Больная осмелилась спросить ее:

— Кто ты такая и откуда?

Явившаяся отвечала:

— Я из Дивеевской общины, первая настоятельница — Агафия.

На другой день родные повезли больную в Саров, причем по дороге с ней делались страшные обмороки и судороги. Сарова больная достигла после поздней литургии во время трапезы братии, когда преподобный затворился и никого не принимал. Но не успела еще больная, приблизившись к его келлии, сотворить обычной молитвы, как старец вышел к ней, взял ее за руки и ввел в свою келлию. Здесь он накрыл ее епитрахилью и тихо произнес молитвы ко Господу и Пресвятой Богородице, потом напоил больную Богоявленской водой, дал ей частицу антидора и три сухарика и сказал:

— Каждые сутки принимай по сухарю со святой водой, да сходи в Дивеево на могилу рабы Божией Агафий, возьми себе земли и сотвори, сколько можешь, поклонов: она (Агафия) о тебе сожалеет и желает тебе исцеления.

Преподав еще несколько кратких наставлений о молитве, преподобный с миром отпустил больную, причем недуг тогда же отошел от нее весьма ощутительно и как бы с неким шумом. Впоследствии болезнь к ней не возвращалась, и она имела многих сыновей и дочерей.

Много различных исцелений совершил над тяжко болящими преподобный Серафим, многие из них записаны, другие остались записанными лишь на скрижалях сердец облагодетельствованных им; в кратком сказании о жизни угодника Божия недостало бы им места. Во всех этих случаях старец, как мы о том упоминали, имел обычай мазать больных маслом из лампады, горевшей пред его келейной иконой Богоматери — *Умиления,* и когда его вопрошали, почему он это делает, отвечал:

— Мы читаем в Писании, что апостолы мазали маслом и многие больные от сего исцелялись. Кому же следовать нам, как не апостолам?

И помазанные преподобным больные получали исцеления.

В келлии у Серафима горело много лампад и теплилось множество восковых свечей, больших и малых, на разных круглых подносах. И, на тайный помысел одного из посетителей, к чему это, прозорливый старец отвечал:

— Как вам известно, у меня много особ, усердствующих ко мне и благотворящих "мельничным сиротам" моим (сестрам Серафимо-Дивеевского монастыря). Они приносят мне елей и свечи и просят помолиться о них. Вот, когда я читаю правило свое, то и поминаю их сначала одиножды. А как я не смогу по вторять их на каждом месте правила: то и ставлю эти свечи за них в жертву Богу — за каждого по свече; за иных — за не

сколько человек одну большую — и, где следует, не называя имен, говорю: Господи, помяни всех тех людей, рабов Твоих, за их же души возжег Тебе аз, убогий, сии свещи и кандила. А что это не моя, убогого Серафима, человеческая выдумка, или, так, простое мое усердие, ни на чем Божественном не основанное, то и приведу вам в подкрепление слова Божественного Писания. В Библии говорится, что Моисей слышал глас Господа, глаголавшего к нему: "Моисее, Моисее! Рцы брату твоему Аарону, да возжигает предо мною кандилы во дни и в нощи: сие во угодно есть предо мною и жертва Благоприятна ми есть. Вот почему святая Церковь Божия прияла в обычай возжигать во святых храмах и в домах верных христиан кандилы или лампады пред святыми иконами Господа, Божией Матери, святых Ангелов и святых человеков, Богу благоугодивших".

А о Богословском роднике, получившем наименование колодца "Серафимова", старец впоследствии поведал:

— Я молился, чтобы вода сия в колодце была целительной от болезней.

И тогда вода этого родника получила особые, необыкновенные и целебные свойства, сохраняющиеся доселе. Вода эта не портится, хотя бы много лет стояла в незакупоренных сосудах. Ею во всякое время года обливаются и омываются больные и здоровые, даже в сильные холода, и получают пользу. Многим, тяжко страдавшим от болезненных язв, преподобный Серафим приказывал омыться водой из его источника, — и все получали от этого исцеления. Некоторые от омытия сей водой получали прозрение; другие, вкушая ее, получали скорое исцеление от внутренних недугов и с одра тяжкой болезни восставали здоровыми и бодрыми. Некая женщина, М.В.Сипягина, была тяжко больна, чувствовала ужасную тоску и от болезни, несмотря на свое усердие, не могла в постные дни есть пищи, положенной уставом. Преподобный Серафим приказал ей напиться воды из его источника. После этого у нее без всякого принуждения вышло

горлом много желчи, и она исцелела. Во время холеры в 30-х годах прошлого столетия немало верующих стекалось на колодец "Серафимов" из отдаленных даже стран, и, по вере своей, получали от его целебных вод облегчение и исцеления. Так, ротмистр Теплов, у которого было имение в Екатеринославской губернии, где холера начала производить большую смертность, при виде повальных заболеваний своих людей, вспомнил, что преподобный Серафим ранее, как бы невзначай, говаривал ему:

— Когда ты будешь в скорби, то зайди к убогому Серафиму в келлию: он о тебе помолится.

Воспоминание это побудило его с женою обратиться заочно к старцу Серафиму, чтобы он избавил их от пагубной болезни. И вот в ту же ночь, в сонном видении, старец является жене Теплова и приказывает ей отправиться на Богословский родник, взять оттуда воды, напиться и омыться ею, как им, Тепловым, так и их людям. С полной верой в силу ходатайства угодника Божия Серафима, Тепловы отправились на родник, напились и умылись из него и наполнили водою из него целую бочку, которую отвезли в свое имение. И действительно, больные люди Теплова, из коих многие были уже при смерти, получали дивное исцеление, пользуясь исключительно присланной им водой, и никто с тех пор не умирал от холеры в имении Теплова.

Но преподобный Серафим видел не только земное: неоднократно открывались ему и небесные тайны. Однажды, после продолжительной беседы с иноком Иоанном, с младенческой доверчивостью относившимся к святому старцу, о житии святых Божиих, их дарованиях и небесных обетованиях, последний несколько раз повторил ему:

— Радость моя, молю тебя, стяжи дух мирен, и тогда тысяча душ спасется около тебя.

Потом преподобный поведал и о себе:

— Усладился я словом Господа моего Иисуса Христа: "в дому Отца Моего обители многи суть". И остановился я, убогий, на сих словах, и возжелал видеть оные небесные обители, и молил Господа Иисуса Христа, чтобы Он показал мне их, и Господь не лишил меня, убогого, Своей милости. Вот я и был восхищен в эти небесные обители, — только не знаю, с телом, или кроме тела, Бог весть, это непостижимо. А о той радости и сладости небесной, которую я там вкушал — сказать тебе невозможно.

С сими словами преподобный замолчал, склонился несколько впредь, голова его поникла, глаза закрылись, и старец протянутой кистью правой руки мерно и тихо водил против сердца. Лицо его дивным образом изменилось и издавало такой необычайный свет, что невозможно было даже смотреть на него; на устах же и во всем выражении его просветленного лица сияла такая духовная радость, что он казался как бы земным ангелом, как будто что-то умиленно созерцая и слушая.

Так прошло с полчаса, после чего преподобный заговорил:

— Ах, если бы ты знал, возлюбленный, какая радость, какая сладость ожидает праведного на небе, то ты решился бы во временной жизни переносить скорби с благодарением. Если бы самая эта келлия была полна червей, и они бы всю жизнь нашу ели нашу плоть, то и тогда надо бы на это со всяким желанием согласиться, чтобы только не лишиться той небесной радости.

Влияние благодатного старца не ограничивалось лишь Саровской пустынью. Исключительное значение он имел для развития местного женского иночества. Особенно трогательны были отношения преподобного Серафима к Дивеевской общине, основанной около 1780 года помещицей Владимирской губернии, вдовой полковника Агафией Семеновной Мельгуновой. В молодых летах лишившись мужа, она возымела намерение посвятить жизнь свою Богу и с этой целью обошла многие святые места. И вот, отдыхая верстах в

двенадцати от Саровской обители, в селе Дивееве, она в полусне увидала Божию Матерь, поручавшую ей остаться на сем месте и воздвигнуть храм в честь Казанской чудотворной Иконы Ея. Впоследствии к Мельгуновой, принявшей монашество с именем Александры, присоединились еще и другие подвижницы, и таким образом было положено начало Дивеевской обители, с которой неразрывно связано имя преподобного Серафима Саровского. Еще сама первоначальница Дивеевской обители, умирая, поручила будущую участь сестер преподобному Серафиму, бывшему в то время иеродиаконом, и блаженный старец Пахомий, игумен Саровский, оставляя мир сей, на него же возлагал попечение о Дивеевской общине. Преподобный Серафим заботился о ней с истинно отеческой любовью и попечительностью. Дивеевские сестры ходили к нему за благословением и разрешением различных недоумений, передавали о своих нуждах. Старец же попечительно преподавал им добрые и душеполезные советы, со всей заботливостью вникая в жизнь и порядки общины.

Александра Дивеевская (Агафья Семеновна Мельгунова)

По молитвам преподобного, на средства благотворителей, питавших особенную веру к нему и получивших по его молитвам исцеления, Дивеевская община значительно расширилась, чего требовала и самая населенность ее. Вместе с тем, святый Серафим разделил обитель, под общим начальством и руководством, на две половины, так что в некотором расстоянии за особой оградой воздвиглись новые келлии с отдельным храмом и явился как бы новый монастырек. "На это, — говорил он, — есть изволение Господа и Божией Матери". Так сделал угодник Божий потому, что считал неудобным и неполезным, чтобы чистые девы жили вместе со вдовами, проведшими некоторое время в брачной жизни. По указанию Пресвятой Богородицы, старец выбрал для этого место саженях в ста от Казанской Дивеевской церкви на пожертвованном для сего участке, причем на вновь приобретенной земле устроил для Дивеевских сестер собственную мельницу. Таким образом, преподобный Серафим образовал особую, так называвшуюся Серафимо-Дивеевскую общину, отдельную от прежней, созданной вышеупомянутой Агафией Семеновной Мельгуновой.

Литография с видом Дивеевского монастыря с юго-западной стороны (начало XX века)

Заботясь о сестрах Дивеевских, в особенности о "своих мельничных сиротах", как обыкновенно называл преподобный Серафим сестер вновь отделенной общины, он неустанно

утешал их в скорбях их многотрудной, исполненной тяжких лишений, иноческой жизни, удерживал малодушных, из коих некоторые хотели возвратиться даже к мирской жизни, ибо многие стеснялись крайними лишениями, так как обитель тогда ничем не была обеспечена. Но, благодаря благодатному влиянию преподобного Серафима, Дивеевская обитель стала привлекать к себе все более и более сестер, искавших, под отеческим руководством святого старца, богоугодной иноческой жизни. Некоторые посвящали жизнь свою Богу в Дивеевской обители из благодарности за исцеления, полученные по молитвам святого старца. Иных он, по своей прозорливости, с малолетства как бы предназначал к сему, и заранее, в духе сего предназначения, руководствовал к поступлению в обитель. А когда сестры общины, боясь за будущность ее, в виду ее материальной необеспеченности и неопределенности положения, скорбели о том, старец, утешая их, говорил, что сие место избрала для них Сама Царица Небесная, Которая во всем им поможет, так что у них и хлеба свои будут, и церкви, и устав церковный будет, как в Сарове, и что он, "убогий Серафим", всегда за них колени преклоняет. Сестры Дивеевской обители находились в полном послушании преподобного Серафима. Без благословения старца ничего не начинали. Когда какая-либо сестра хотела на время отлучиться из обители, то, как пред выходом, так и по возвращении в обитель, являлась к преподобному на благословение.

Для сестер Дивеевской обители Серафим оставил особое молитвенное правило, равно как преподал им наставления относительно хранения ризницы и церковного имущества и т.д. Сначала сестры "мельничной общины" не имели отдельного, особого храма, что представляло для них довольно значительные неудобства. Но после того, как угодник Божий дивным образом исцелил вышеупомянутого Манторова, тот, из благодарности к старцу, согласно его убеждениям, продал свое имение и отдал все свое достояние на построение большего каменного храма для "мельничных" сестер. Храм был

воздвигнут двухпрестольныи: во имя Рождества Христова и Рождества Богородицы и освящен в 1829 году.

Церковь Рождества Богородицы в наши дни.

Что касается до трудов и подвигов рукоделия, то преподобный Серафим постановил для Дивеевских сестер заниматься исключительно трудом, свойственным простому классу людей. Но рисования, шиться шелками и золотом и других подобных работ, требующих некоторого углубления ума и более относящихся к искусству и предметам роскоши, старец не хотел допускать.

Все эти завещания старца строго исполнялись в Дивеевской общине. Уклонения же от них влекли обычно за собою неприятные для обители последствия; но Серафим своими молитвами охранял ее от нужды и бедствий. Так преподобный завещал, чтобы в созданном им Христорождественском храме, где всегда должна быть читаема псалтирь, горели пред иконой Спасителя неугасимая свеча и пред иконой Божией Матери — неугасимая лампада, и присовокупил, что если это завещание его будет в точности

исполняться, Дивеевская община не будет терпеть нужды и бедствий, и масло на эту потребность никогда не оскудеет. Но однажды, церковница, когда все вышли из храма, увидела, что масло все выгорело, и лампада потухла, а между тем это было последнее масло. Тогда, вспомнив о завещании старца Серафима, она подумала, что вот слова его не исполнились, и что, следовательно, и другим предсказаниям его доверять нельзя. Вера в прозорливость благодатного старца начала оставлять ее. Но вдруг она услыхала треск и, восклонив голову, увидела, что лампада зажглась и полна масла, и в ней плавают две мелких ассигнации. В смятении духа поспешила она к старице Елене Васильевне Манторовой, у которой была в послушании, поведать о дивном видении. На пути ее встретил крестьянин, вручивший ей для передачи 300 рублей ассигнациями на масло для неугасимой лампады за упокой его родителей.

Не ограничиваясь данными Дивеевским инокиням завещаниями и простирая виды гораздо далее, преподобный Серафим еще при жизни своей приготовил место для построения собора, тогда как ранее сестры пользовались для молитвы приходским храмом.

— У нас, матушка, — говорил он одной Дивеевской старице, утешая ее, — и свой собор будет. На нашей земле и свои стада будут, и овечки, и волы. Что нам, матушка, унывать? Все у нас будет свое. Сестры будут и пахать, и хлеб сеять.

Помышляя о построении собора, преподобный выбрал и место для него недалеко от Казанской церкви, на половине расстояния между старой и новой обителью, и приобрел денег на покупку земли; но, по обстоятельствам, постройка храма была остановлена на неопределенное время.

Таким образом Серафим образовал особую, так называвшуюся Серафимо-Дивеевскую общину, отдельную от прежней, созданной вышеупомянутой Агафией Семеновной Мельгуновой. Но по духу он не отделял мельничной общины от Дивеевской и первоначальницей обеих считал инокиню

Александру (Мельгунову), память которой глубоко чтил. Покровительницей же новоустроенной общины старец признавал Божию Матерь.

— Вот, матушка, знайте, — говорил он одной старице, — что место это Сама Царица Небесная избрала для прославления Своего имени: Она вам будет стена и защита.

С такой же попечительностью и любовью преподобный Серафим заботился также еще об Ардатовской обители и Зеленогорской женской общине, во исполнение благодатного завета Богоматери, поручившей ему в дивном видении для руководства и устроения эти три женские обители.

К концу своей жизни преподобный сподобился от Бога необыкновенно дивных даров благодати. Дверей своей келлии он более уже никогда не запирал. В обхождении с ближними в нем всегда явно проявлялся дух христианской кротости и смиренномудрия. Беседы его, как с монашествующими, так и с мирянами, поражая своей дивной простотой, производили глубочайшее, неотразимое впечатление даже на неверующих и маловерных, обращая их на путь спасительного покаяния. И простецы, и ученые, и раскольники — получали от бесед с ним великое духовное назидание и утешение. Дар прозорливости и чудотворений возрастал в благодатном старце все более и более. По свидетельству многих генералов, офицеров и солдат, участвовавших в Севастопольской кампании, получившие от преподобного в напутствие благословение и освященной воды и с верой повторявшие на поле битвы: "Господи, помилуй молитвами старца Серафима!" — оставались целы и невредимы даже в виду крайней опасности и неизбежной смерти. Весьма часто преподобный Серафим давал душеполезные наставления для будущего, которого обыкновенному смертному никак не предусмотреть, и прозорливо читал в душе вопросы ищущих наставления прежде, чем их успевали высказать. Однажды к нему пришли две девицы — одна уже пожилая, от юности пламеневшая

любовью к Богу и желавшая иночества, другая — молодая, о монашестве совсем и не думавшая. Но святый старец первой из них сказал, что к монашеству ей дороги нет, а в браке она будет счастлива, а второй сказал, что она будет инокиней, назвав даже монастырь, в котором она будет подвизаться. Обе девицы вышли от старца с недоумением и неудовольствием, но последствия оправдали его и предсказания святого старца сбылись в точности. Душа человеческая были открыта пред преподобным, как бы лицо в зеркале. Некоторых, из ложного стыда боявшихся обличения старца, он исповедовал, сам сказывая их грехи, как будто они при нем были совершены. Часто угодник Божий одним своим видом и простым словом приводил грешников к сознанию, и они решались исправиться от своих пороков, Так, однажды к нему силился пройти сквозь толпу один крестьянин, но всякий раз как бы кем-то был отталкиваем. Наконец, сам старец обратился к нему и строго спросил: "а ты куда лезешь?" Крупный пот выступил на лице крестьянина, и он, с чувством глубочайшего смирения, в присутствии всех бывших, начал вслух раскаиваться в своих пороках и особенно в совершенной им перед тем краже, сознаваясь, что он недостоин явиться пред лицо такого светильника.

Неоскудные исцеления истекали от святого подвижника, но он, когда то замечали, со смирением возражал, что это творится не им, "убогим", а молитвенным предстательством Богоматери и Апостолов Христовых. Все пившие и умывавшиеся из источника Серафимова, по его благословению, получали дивные исцеления от своих недугов; такую целебную силу вода эта получила по молитве преподобного Серафима. Одному иноку, страдавшему полным расслаблением рук, старец, взяв сосуд со святой водой, сказал: "бери и пей", и тот выпил воды и исцелел.

Других исцелял он елеем из лампады, горевшей всегда у него в келлии пред иконой Божией Матери. Одного крестьянина, умиравшего от холеры, угодник Божий исцелил, приложив к иконе Богоматери, напоив его святой водой и велев

обойти кругом обители и, зайдя в собор, помолиться в нем, где, согласно предсказанию старца, "милосердие Божие" исцелило умиравшего. Многим преподобный Серафим являлся еще при жизни своей и в сонных видениях и исцелял от пагубных болезней, особенно в холерное время, когда от освященной из Серафимова источника воды исцелялись, по милости Божией, не только отдельные личности, но и жители целых селений. Бесноватых угодник Божий исцелял иногда одним своим присутствием, крестом и молитвой. Молитвы Серафима были так сильны пред Богом, что бывали примеры восстановления болящих от смертного одра. Так жена некоего Воротилова была при смерти; муж ее, питая большую веру к преподобному, обратился к нему со слезной просьбой помочь болящей жене его; но старец объявил, что жена его должна умереть. Тогда Воротилов, обливаясь слезами, припал к ногам его, умоляя его помолиться о возвращении ей жизни и здоровья. Преподобный погрузился минут на десять в "умную" молитву, потом, раскрыл глаза, поднял Воротилова на ноги и радостно сказал ему: "ну, радость моя, Господь дарует супружнице твоей жизнь. Гряди с миром в дом свой". Воротилов с радостью поспешил домой, где узнал, что жена его почувствовала облегчение, и именно в ту минуту, когда преподобный Серафим пребывал в молитвенном подвиге. Вскоре же она и совсем выздоровела.

Иным старец предсказывал близкую смерть, желая, чтобы они не перешли в вечность без христианского погребения; другим предсказывал, для исправления, о наказании Божием, имеющем постигнуть их в случае нераскаянности. В Бозе почившему наместнику Троице-Сергиевой Лавры, архимандриту Антонию, бывшему в то время строителем Высокогорской обители, он предсказал скорое и неожиданное перемещение в "великую Лавру, которую вверяет ему Промысл Божий".

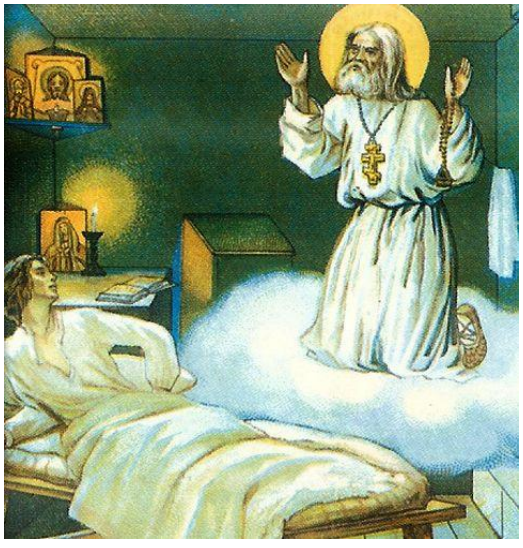
Приближаясь к концу своего многотрудного жития, преподобный не только не смягчал скорбей его, но к прежним подвигам присоединял новые труды и подвиги. Спал старец в последние годы своей жизни, сидя на полу, спиной

прислонившись к стене и протянувши ноги; иногда же преклонял голову на камень, или на деревянный обрубок, или ложился на мешках, кирпичах и поленьях, находившихся в его келлии; приближаясь же к минуте своего отшествия из сего мира, становился на колени и спал ниц к полу на локтях, поддерживая руками голову. Пищу он вкушал однажды в день, вечером; одежду носил убогую и бедную. А на вопрос одного богатого человека, зачем он носит такое рубище, старец отвечал:

— Иоасаф царевич данную ему пустынником Варлаамом мантию счел выше и дороже царской багряницы.

Преподобный Серафим совсем уже умер для мира, не переставая в то же время с беспредельной любовью молитвенно предстательствовать пред Богом за живущих в нем. Небо стало для него совсем родным. Когда Курские посетители спрашивали Серафима, не имеет ли он передать чего своим родственникам, он, указывая на лики Спасителя и Божией Матери, с улыбкой промолвил:

— Вот мои родные, а для живых родных я уже живой мертвец.



Вся Россия в это время знала и чтила преподобного Серафима, как великого подвижника и чудотворца. Однажды замечено было, что во время молитвы старец стоял на воздухе, и когда видевший это в ужасе вскрикнул, старец строго запретил ему рассказывать о том до его кончины, под угрозой возвращения болезни, от которой исцелил его.

За год и десять месяцев до своей кончины преподобный Серафим сподобился благодатного посещения Богоматери. Это было в праздник Благовещения, 25 марта. За два дня он

известил о том одну благочестивую Дивеевскую старицу, которая сподобилась сего дивного видения, ради утешения ее и других Дивеевских сестер в их многоскорбном иноческом житии. Угодник Божий предупредил старицу, чтобы она ничего не боялась, а сам стал на колени, воздев руки к небу. Послышался шум, как бы от большого ветра, потом раздалось церковное пение.

— Вот Преславная, Пречистая Владычица наша Пресвятая Богородица грядет к нам! — произнес преподобный.

Келлию озарил яркий свет, распространилось дивное благоухание.

Впереди шли два ангела, держа ветви с только что распустившимися цветами. За ними шли в белых, блестящих одеждах святый Иоанн Предтеча и евангелист Иоанн Богослов, далее Богоматерь, сопровождаемая двенадцатью святыми девами-мученицами и преподобными. Царица Небесная была облечена в мантию, какая пишется на образе Скорбящей Божией Матери, и сияла необыкновенным светом и несказанной красотой; сверх мантии была как бы епитрахиль, а на руках поручи; на голове была возвышенная прекрасная корона, разнообразно украшенная крестами и сиявшая таким светом, что невозможно было смотреть на нее, равно как и на Божественный лик Самой Богоматери. Девы шли за Богоматерью попарно, в венцах, в несказанной небесной славе и красоте. Келлия вдруг сделалась просторной и вся наполнилась огнями особенного света, светлее и белее солнечного. Пресвятая Дева милостиво беседовала преподобным старцем, как бы с родным человеком. Старица в

страхе пала ниц; но Богоматерь успокоила ее и велела встать. А святые девы, утешая старицу в многоскорбной жизни, поведали ей, указывая на свои светлые венцы, что они получили их за земные страдания и поношения. Пресвятая Богородица много беседовала с преподобным Серафимом, но старица не расслышала их беседы; слышала она только, что Пречистая просила его не оставлять Ее дев Дивеевских, обещая ему Свою помощь и заступление. Видение кончилось тем, что, указывая на венцы святых дев, Богоматерь обещала таковые же и другим девам и подвижницам. Затем, обращаясь к святому старцу, прибавила:

— Скоро, любимиче мой, будешь с нами.

Потом благословила его, после чего простились с ним и все бывшие здесь святые.

Восходя все выше и выше по лестнице добродетелей и подвигов иноческих, преподобный Серафим приблизился, наконец, к отшествию своему из сего мира. Еще за год до смерти он почувствовал крайнее изнеможение. В это время он достиг 72 лет. В пустыньку свою он стал ходить уже не часто, тяготился даже в Сарове принимать многочисленных посетителей. Тяжкие страдания ног, которые мучительно болели от непрестанных бдений, от раннейшего молитвенного стояния на камне в продолжение тысячи дней и ночей и от жестоких истязаний разбойников, не давали ему покоя до конца его жизни, и из язв на ногах непрестанно истекала материя, но видом преподобный оставался светлым и радостным, духом чувствуя ту небесную радость и славу, которую уготовал Бог любящим Его.

По-прежнему подавая многим верующим благодатные исцеления и содействуя благоустройству и спасения многих чудным даром своей прозорливости, преподобный Серафим начал теперь предрекать и о своей близкой кончине. Преподавая иным последние наставления, он упорно твердил: "мы с тобою более не увидимся"; иным монашествующим лицам, а также мирянам рекомендовал

впредь входить во все распоряжения и заботы о своем спасении самим, замечая, что они никогда более не увидятся и прощаются навсегда, и прося их молитв о себе. Часто видали святого старца за это время в сенцах около келлии на приуготовленном для него по его просьбе гробе, где он предавался размышлениям о загробной жизни, нередко сопровождавшимся горьким плачем. О том же он полунамеками, а иногда и прямо говорил некоторым из Дивеевских сестер, повторяя:

— Ослабеваю я силами, живите теперь одни, оставляю вас... Господу и Пречистой Его Матери.

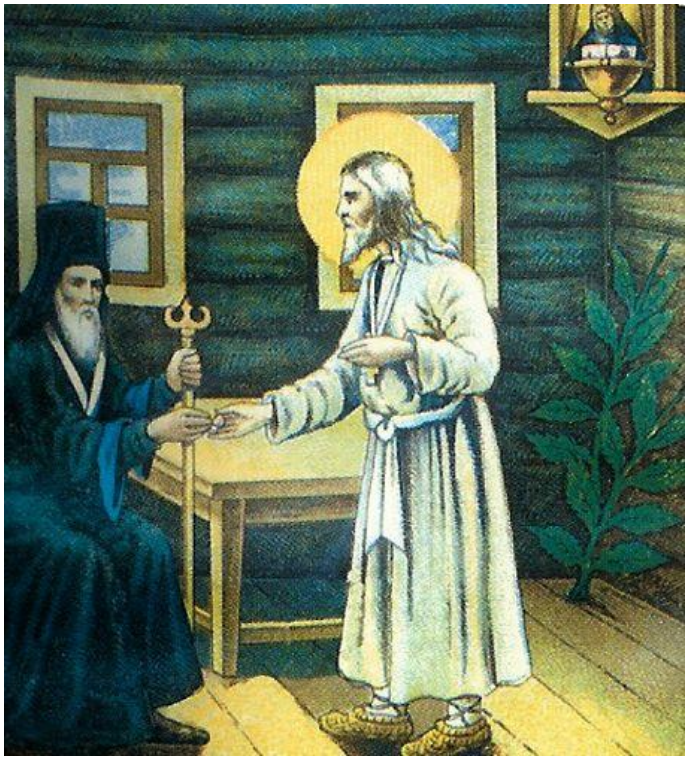
Некоторые просили у угодника Божия благословения навестить его еще предстоящим великим постом в Сарове, но он отвечал:

— Тогда двери мои затворятся, вы меня не увидите.

И по телесному виду стало очень заметно, что жизнь преподобного Серафима быстро угасает, но духом он еще более прежнего бодрствовал. Намекал он о своей близкой кончине и ближайшим друзьям и сподвижникам своим, например, блаженному иеромонаху Тимону, верному ученику своему, подвизавшемуся в Надеевской пустыни, причем преподал ему последние душеполезные наставления.

"Сей, — повторял он ему, — сей, о. Тимон, данную тебе пшеницу. Сей на благой земле, сей и на песке, сей и на камени, сей при пути, сей и в тернии, все где-нибудь да прозябнет и возрастет и плод принесет, хотя и не скоро. И данный тебе талант не скрывай в земле, да не истязай будеши от Господина своего; но отдавай его торжникам, — пусть куплю деют".

За четыре месяца до блаженного преставления преподобного Серафима, в августе 1832 года, его навестил в его пустыни преосвященный Арсений, епископ Тамбовский (впоследствии митрополит Киевский). Осмотрев Саров, владыка подробно осмотрел и пустыню Серафимову, его



убогую келлию, причем побывал и в том небольшом, между стеной келлии и печкой, помещении, где угодник Божий часто подвизался в молитвенных трудах, и куда едва мог войти один человек, оставаясь там в стоячем или коленопреклоненном положении, ибо присесть или облокотиться нельзя было там никак. При этом, святый старец поднес преосвященному в подарок "от убогого, грешного Серафима" четки, пук восковых свечей, обернутых холстиной, сосуд с красным вином и бутылку с деревянным маслом. Преосвященный, радушно приняв приношение, не понял его значения; но последствия показали ему, что подвижник Божий прикровенно предвозвещал ему о своей близкой кончине и предназначал вино, масло и свечи для своего поминовения, о каковом он просил преосвященного и словесно. Впоследствии преосвященный Арсений в точности исполнил желание святого старца, холстину и четки оставив у себя, а прочее употребив на поминовение на заупокойной литургии о преподобном Серафиме.

Своему келейнику преподобный неоднократно говорил, намекая на свою близкую кончину:

— Скоро будет кончина!

Одному из Саровских старцев, преподав наставления, он приказал дунуть на свечку, и, когда та погасла, сказал:

— Вот так и я погасну.

Незадолго до кончины, преподобный поручил послать некоторым близким ему лицам письма, призывая их к себе в обитель, а другим, кои не могли поспеть к нему, просил после смерти своей передать от него душеполезные советы, прибавляя в объяснение сего поручения:

— Сами-то они меня не увидят!

Пред наступлением 1833 года преподобный отмерил себе могилу сбоку алтаря Успенского собора. За неделю до своего преставления, в праздник Рождества Христова, он был на божественной литургии, причащался св. Христовых Тайн и после литургии, беседовал с строителем обители, игуменом Нифонтом, причем просил его заботиться о братиях, особенно из младших, и завещал похоронить его по смерти в приготовленном им для себя гробе. В воскресенье 1 января 1833 года святой старец в последний раз пришел в больничную Зосимо-Савватиевскую церковь, приложился ко всем иконам, сам поставил свечи, и потом причастился по обычаю святых Христовых Тайн. По окончании литургии, он простился со всеми молившимися братиями, всех благословил, целовал и, утешая, говорил:

— Спасайтесь, не унывайте, бодрствуйте, днесь вам венцы готовятся.

Потом святой старец приложился ко святому Кресту и иконе Божией Матери и затем, обошедши кругом престола и сделав ему обычное поклонение, вышел из алтаря северными дверями, как бы знаменуя этим, что одними вратами — путем рождения — человек входит в жизнь, а другими — вратами смерти — исходит из нее.

В тот же день соседний со старцем по келлии брат Павел, часто исполнявший обязанности его келейника и приносивший к нему пищу, заметил, что преподобный раза три выходил на приуготовленное им для себя место погребения, где довольно долго оставался и смотрел на землю. Вечером тот же инок

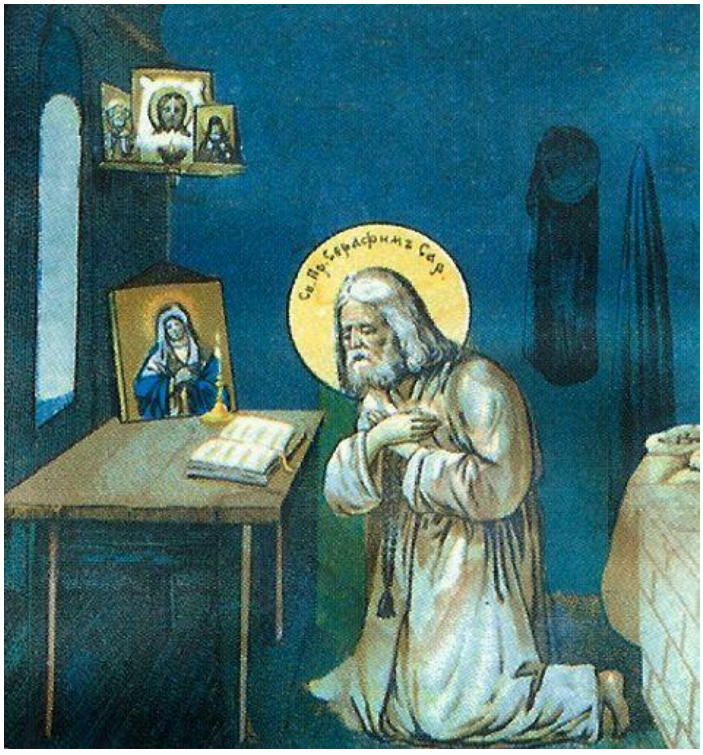
слышал, как старец пел в своей келий пасхальные песни, прославляя Воскресение Христово.

На другой день, 2 января, о. Павел в шестом часу утра вышел из своей келлии, к ранней обедне и почувствовал в сенях запах дыма и гари. В келлии Серафима всегда горели негасимые никогда старцем свечи, который на все предостережения относительно этого обыкновенно отвечал:

— Пока я жив, пожара не будет; а когда я умру, кончина моя откроется пожаром.

Так и было.

Сотворив обычную молитву, инок Павел постучался в двери старца, но они оказались запертыми. Тогда он сообщил об этом другим, предполагая, что старец ушел в свою пустынь и в келлии горит.



Когда дверь была сорвана с внутреннего крючка, то увидали, что огня нет, но в беспорядке лежавшие книги, а также различные холщовые вещи, которые многие, по усердию, приносили преподобному, тлели, самого же старца не было ни слышно, ни видно. Тлевшие вещи погасили, а обо всем происшедшем сообщили и другим инокам, присутствовавшим за ранней литургией. Многие из братии поспешили к келлии старца. Зажегши свечу, они увидели Серафима в обычном его белом балахончике на всегдашнем месте его молитвенных подвигов, на коленях пред малым аналоем, с медным распятием на шее. Руки его,

крестообразно сложенные на груди, лежали на аналое на книге, по которой он совершал свое молитвенное правило пред иконой Богоматери. Думая, что старец уснул, иноки стали будить его; но душа его уже оставила земную свою храмину и возвратилась к Создателю своему. Глаза Серафима были закрыты, но лицо оживлено и одушевлено богомыслием и молитвой; тело же его было еще тепло.

С благословения настоятеля, игумена Нифонта, братия омыли почившему подвижнику тело, одели его по иноческому чину, положили в приуготовленный им при жизни дубовый гроб, согласно завещанию его, с финифтяным изображением преподобного Сергия, присланным ему его возлюбленным учеником, наместником Троице-Сергиевой Лавры, архимандритом Антонием.

Весть о кончине святого старца быстро распространилась повсюду, и вся окрестность Саровская быстро стеклась в обитель. Особенно тяжка была скорбь Дивеевских сестер, потерявших в нем своего любимого духовного отца и попечителя, и скорбь их была тем безутешнее, что не было человека, который бы в состоянии был заменить его в качестве духовного руководителя.

В ночь блаженной кончины преподобного Серафима, подвизавшийся в Глинской пустыни Курской губернии иеромонах Филарет, выходя из храма от утрени, указал братии на необыкновенный свет на небе и произнес:

— Вот так-то души праведных отходят на небо! Ныне душа о. Серафима возносится на небо.

В продолжение восьми дней тело преподобного Серафима стояло открытым в Успенском соборе. Могилу блаженному старцу приготовили на том самом месте, которое давно было намечено им самим. Саровская обитель еще до дня погребения была наполнена тысячами народа, собравшегося из окрестных стран и губерний. Все единодушно оплакивали кончину благодатного старца. В день погребения

его за литургией было так много народа, что местные свечи около гроба от духоты гасли. Погребение тела преподобного Серафима было совершено игуменом Саровским Нифонтом, с многочисленной братией; тело было предано земле по правую сторону соборного алтаря. Над могилой воздвигнут был впоследствии чугунный памятник в виде гробницы, с надписью: "жил во славу Божию 72 года, 6 месяцев и 12 дней".

И по блаженном преставлении своем, преподобный Серафим всем обращающимся с верой к нему подавал различные исцеления и чудотворения. И тогда, когда кончилось для него земное странствование, он продолжал являть людям ту же любовь и помощь, вкладывая во все отношения к ним неизъяснимые сокровища сочувствия, именуя их с неизъяснимой добротой: "радость моя", как звал всех при жизни. Особенно часто являлся он Саровским инокам и Дивеевским сестрам для их исцеления и утешения.

Так, спустя не более полгода после блаженной жизни старца Серафима, одна сестра Дивеевской обители подверглась припадкам беснования. Но вот в одну ночь она видит, будто находится в Дивеевской церкви, где был и преподобный Серафим. Старец, взяв больную еще с другой находившейся здесь сестрой за руки, как будто бы ввел больную в алтарь, обошел с ней кругом престола, и она вдруг почувствовала себя легко и хорошо. Проснувшись, она сотворила крестное знамение и вполне пришла в себя; проснулась она совершенно здоровой, и с тех пор не подвергалась прежним припадкам и пользовалась полным здоровьем.

Другая сестра Дивеевской обители сильно заболела глазами. Накануне нового 1835 года видит она сон, что находится в церкви тихвинской Божией Матери, и что из царских врат выходит в белой ризе преподобный Серафим, подает воздух и велит отереть им глаза.

Она спросила его:

— Ты ли это, батюшка?

Серафим отвечал:

— Какая ты, радость моя, неверующая! Сама же просила меня, а не веришь, ведь я у вас обедню совершаю.

После сего старец сделался невидим. С того времени болезнь глаз прошла у инокини.

Известный и всеми уважаемый под именем "Святогорца" русский подвижник Афонской горы, иеромонах Серафим, в схиме Сергий, в своих келейных записках передает следующее:

"В 1849 году я заболел. Болезнь моя была убийственная: я не думал, что останусь живым. Никакие средства не могли восставить меня. Я отчаялся. Только в поздний вечер 1850 года вдруг кто-то тихо говорит мне: "завтра день кончины о. Серафима, Саровского старца; отслужи по нем заупокойную литургию и панихиду, и он тебя исцелит". Это меня сильно утешило. Я хотя лично не знал о. Серафима, но в 1838 году, бывши в Сарове, возымел к нему веру и любовь. Эти чувства еще более утвердились во мне, когда в 1839 году мне снилось, что служу молебен о. Серафиму от всей души и громко воспеваю: "преподобие отче Серафиме, моли Бога о нас!" Только, когда нужно было читать Евангелие, я не знал какое читать, преподобного или другое. Вдруг кто-то говорит мне: читай от Матфея 36-е зачало. При этих словах таинственного голоса я пробудился. С той поры и поныне я искренно верую, что о. Серафим — великий угодник Божий. Но обращусь к начатому (т.е. к рассказу о своей болезни в 1849 году). По тайному внушению, убеждавшему меня к поминовению о. Серафима, я попросил, сам будучи не в силах, отслужить по нем литургию и панихиду, и лишь только это сделал — болезнь моя миновалась: я почувствовал чрезвычайное спокойствие, избавился от насилия неприязненного. И с той поры поныне благодатью Божией здоров".

В 1858 году Дивеевская инокиня Евдокия, в среду на пятой неделе Великого поста, вместе с другими сестрами,

набивала льдом огромный общий ледник и, нечаянно поскользнувшись, упала на дно с высоты трех сажен. Ее подняли замертво, причем она жаловалась на смертельную боль в боку и в голове, и малейшее прикосновение повергало ее в продолжительный обморок. Приехавший лекарь нашел положение ее очень опасным. Спустя две недели, в течение которых она почти не спала от боли, в полночь на великий четверг забылась она тонким сном, в котором увидала, что преподобный Серафим вошел к ней в келлию и сказал: "я пришел навестить своих нищих (так и при жизни называл он вверенных его попечению Дивеевских сестер); давно здесь не был". Больная с горькими слезами воскликнула: "батюшка, как у меня бок-то болит!" Старец же, сложив три перста правой руки, три раза перекрестил расшибленное место, говоря: "прикладываю тебе пластырь и обвязания", — после чего стал невидим. Евдокия проснулась, но в келлии было совершенно пусто и тихо, и она снова заснула. В пять часов утра она проснулась лежащею на больном боку, не чувствуя никакой боли. Припомнив явление к ней старца Серафима, она говорила, что "долго чувствовала, как будто пластырь лежит на ушибленном месте". В тот же день она одна без всякой помощи встала с кровати и поведала всем о чудесном своем исцелении.

Многим преподобный подавал исцеления, советуя пить воду из своего источника и омываться ею. Так, два года спустя после кончины старца, одна сестра Дивеевской обители была больна горячкой и находилась при смерти, причем совершенно потеряла способность владеть рукой. И вот видит она во сне преподобного, который спрашивал, почему она не придет к нему на источник, и, взяв за больную руку, поднял, приказывая непременно исполнить это. Проснувшись, инокиня почувствовала, что рука ее исцелена; когда же сестры отвезли ее в Саров на источник Серафимов и облили водой из него, то она получила полное выздоровление.

Ротмистр Теплов, питавший особое уважение к преподобному Серафиму, в 1834 году приехал в Саров с

трехлетней дочерью, болевшей ногами. Отслужив панихиду на могиле старца, понесли дитя к Серафимову источнику, твердо веруя, что Господь за молитвы старца помилует больную. Напоив ребенка водой из сего источника и омыв ему ноги, взяли воды в монастырь, с намерением отслужить над ней молебен с водоосвящением. Но, при входе в монастырь, девочка вырвалась из рук няньки и побежала вперед, как здоровая, и получила совершенное исцеление.

В 1856 году единственный сын вице-губернатора Костромской губернии А.А.Борзко, восьми лет, начал страдать спазмами в желудке, превратившимися в сильную болезнь с страшными, изнурительными припадками, так что родители стали отчаиваться за его жизнь. В это время рясофорная монахиня Костромского женского монастыря С.Д.Давыдова подарила матери больного ребенка описание жизни и подвигов Серафима Саровского, которое и стали читать оба родители ребенка, дивясь действиям благодати Божией, явившимся в преподобном. В одну ночь ребенок увидел во сне Спасителя, окруженного ангелами, Который обещал больному выздоровление, если он исполнит то, что прикажет ему старец, который придет к нему. Потом явился ему старец и, называя себя Серафимом, сказал:

— Если хочешь быть здоровым, возьми воды из источника, находящегося в Саровском лесу и называемого Серафимовым, и три дня утром и вечером омывай голову, грудь, руки и ноги, и пей.

Утром ребенок рассказал свой сон родителям, которые недоумевали, как достать воды, и скорбели о том. На другое утро ребенок рассказал другой сон: к нему являлась окруженная ангелами Божия Матерь, и с любовью приказывала исполнить слова старца. В этот самый день вернулась путешествовавшая в Саров г-жа Давыдова, и родители просили помочь им достать воды из источника Серафимова. Та тотчас же прислала им бутылочку этой воды. И когда поступили по наставлению старца, дитя, постепенно оправляясь, совершенно выздоровело.

Иных преподобный Серафим спасал от разбойников и воров, чудесно являясь им с угрозами. Так, однажды, Муромскими лесами шла богомолка. Услыхав в глухом месте страшные крики и стоны, она вынула находившееся при ней изображение Серафима и перекрестила им себя и то место, откуда раздавались крики. Вскоре неподалеку были найдены два изувеченных человека, которые рассказали, что разбойники хотели их убить, но вдруг разбежались. Пойманные впоследствии, разбойники, каясь о разбое в Муромском лесу, рассказали, что когда они готовились нанести своим жертвам последний удар, вдруг из лесу выбежал седой, согбенный, в измятой камилавке монах, с грозящим пальцем, в белом балахоне, с криком: "вот я вас!" А за ним бежала с кольями толпа народа. Им показали изображение Серафима, отобранное от странницы, и они признали его.

Шацкой купчихе Петаковской, знавшей старца при жизни и глубоко чтившей его, однажды явился во сне преподобный Серафим и сказал:

— В ночь воры взломали лавку твоего сына, но я взял метелку, и стал мести около лавки, и они ушли.

Действительно, поутру все запоры были найдены вырванными, но лавка — целой и нетронутой.

В 1865 году, в доме некоей г-жи Бар, перед Рождеством, когда там раздавали, по обычаю, пособия нуждающимся, преподобный явился в виде согбенного, седого старца. Раздатчице подаяний он объяснил, что пришел не за подаянием, а ему нужно самому видеть хозяйку. Когда одна прислуга шепнула другой, что это, вероятно, бродяга, старец, обещая вскоре зайти, когда будет хозяйка, ушел. На раздатчицу напало раскаяние, и она бросилась за ним на крыльцо. Но он исчез, а от хозяйки все скрыли.

Подозрительной же слуге кто-то сказал во сне:

— Ты напрасно говорила: у вас был не бродяга, а великий старец Божий.

На следующее же утро г-же Бар была прислана по почте посылка с изображением преподобного Серафима кормящим медведя, в каковом изображении беседовавшие накануне со святым старцем узнали его.

Много и иных чудесных знамений и исцелений являл преподобный Серафим по блаженном своем преставлении. В продолжение семидесяти лет со дня кончины преподобного Серафима совершались непрерывно исцеления по вере прибегающих к нему с молитвой и с верой в предстательство его пред Господом. В 1891 году над гробницей преподобного Серафима выстроена была часовня. Память о высоком подвижническом житии святого старца и вера в силу его молитвенного предстательства, с течением времени, не только не ослабевала, но все более и более возрастала и утверждалась среди православного народа во всех его сословиях. Вполне разделяя народную веру в святость старца Серафима, Святейший Синод неоднократно признавал необходимым приступить к надлежащим распоряжениям о прославлении угодника Божия. В 1895 году преосвященным Тамбовским было представлено в Святейший Синод произведенное особою комиссиею расследование о чудесных знамениях и исцелениях, явленных по молитвам старца Серафима, коих обследовано было до 94 случаев. После того преосвященным Тамбовским дважды, в начале и в конце 1897 года, представлялись в Святейший Синод собрания копий письменных заявлений разных лиц о чудесных знамениях и исцелениях, совершавшихся по молитвам святого Серафима. Наконец в 1902 году 19 июля, в день рождения старца Серафима, Его Императорскому Величеству, Государю Императору Николаю Александровичу благоугодно было воспомянуть и молитвенные подвиги почившего и всенародное к памяти его усердие, и выразить желание, дабы доведено было до конца начатое уже в Святейшем Синоде дело о прославлении благоговейного старца. В начале следующего 1903 года Святейший Синод, в полном убеждении в истинности и достоверности чудес, совершающихся по

молитвам старца Серафима, определил признать его в лике святых, благодатью Божией прославленных, а все честные останки его — святыми мощами. Иждивением Их Императорских Величеств для них была изготовлена богатая сребропозлащенная рака. Торжественное прославление новоявленного угодника Божия было совершено, в присутствии Их Императорских Величеств Государя Императора и Государынь Императриц и других членов Августейшей фамилии и многотысячных масс народа, 19 июля 1903 года и сопровождалось многочисленными исцелениями, истекавшими по молитвенному предстательству преподобного Серафима, Саровского чудотворца.

Молитвами его да сохранит Господь Бог и нас всех от всякой скорби и болезни! Богу же, дивному во святых Своих, да будет всякая честь, слава и поклонение — всегда, ныне и присно, и во веки веков.

Аминь.

ИЗНЕМОЖЕНИЕ О.СЕРАФИМА

ПРИМЕРЫ ПРОЗОРЛИВОСТИ ЕГО И ИСЦЕЛЕНИЯ

За год до смерти о. Серафим почувствовал крайнее изнеможение сил душевных и телесных. Ему было теперь около 72 лет. Обыкновенный порядок жизни его, заведенный с окончания затвора, неминуемо подвергся теперь изменению. Старец стал реже ходить в пустынную келлию. В монастыре также тяготился постоянно принимать посетителей. Народ, свыкшийся с мыслью беспрепятственно видеть о. Серафима во всякое время, скорбел, что теперь он начал уклоняться от взоров. Однакоже усердие к нему заставляло многих не малое время проживать на монастырской гостинице, чтобы изыскать необременительный для глубокого старца случай увидеть его и выслушать из уст его желаемое слово назидания или утешения.

Старец о. Серафим, как и в прежние годы, продолжал, хотя изредка, наставлять людей, больным подавал молитвами своими исцеления и предвозвещал будущие события. К этому году относятся следующие замечательные случаи из отношений его к посетителям.

Рясофорный монах Нижегородского Печерского монастыря Василий рассказывал следующее обстоятельство о свидании своем с Саровским подвижником:

"В 1825 году отец мой, Владимирской губернии, Муромского уезда, села Зяблицкого погоста, крестьянин графини Юлии Самойловой, отправился с двумя малолетними своими детьми, мною, 6-летним Василием, и братом моим Кириллом в Саровскую пустынь помолиться и принять благословение от о. Серафима. Мы прибыли туда накануне праздника Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня, и на другой день, после ранней обедни, отправились к о. Серафиму. Богоугодный старец, благословляя нас, сказал обо мне отцу

моему, что я не буду его кормильцем, и попросил его купить для меня Евангелие; а о брате моем сказал, что он будет жить при родителях и помогать им. С тех пор отец и мать моя часто напоминали мне об этом предсказании.

На 14-м году возраста я пожелал сам удостовериться в словах прозорливого старца и с этой целью испросил у своих родителей позволение побывать в Саровской пустыни у о. Серафима; это было в 1832 году. Когда я пришел к старцу и хотел спросить его о будущей своей жизни, он сам, предупреждая слова мои, сказал мне: "радость моя, тебе следует поступить в монастырь". Когда же я отвечал ему, что я человек господский, он сказал: "гряди: Божия Матерь тебе поможет, и графиня, помещица твоя, чрез ходатайство великих людей, отпустит тебя на волю".

С этим утешительным предсказанием и с благословением о. Серафима я возвратился домой.

Достигши же 17-летнего возраста, я получил, наконец, от своих родителей согласие на поступление в монашество, и будучи еще господским человеком, поступил в Саровскую пустынь. По прошествии двух лет, игумен Саровский, о. Нифонт, благословил меня, как оказавшегося, по искусе, способным к монастырским послушаниям, хлопотать об увольнении из крепостного состояния. Это побудило меня отправиться в С.-Петербург, и здесь промысл Божий указал мне обратиться с просьбою об исходатайствовании столь желаемого мною увольнения к настоятелю Сергиевской пустыни, о. Архимандриту Игнатию. Добрый настоятель тотчас же согласился на мою просьбу, и вскоре действительно исхлопотал мне это увольнение. По представлении его о. Нифонту, я был принят в Саровской пустыни послушником, а оттуда перешел в Нижегородский Печерский монастырь, где и поныне нахожусь под покровом Царицы Небесной. Таким образом исполнилось в точности предсказание о. Серафима.

Родные сестры, из дворян, девицы Екатерина и Анна Васильевны Ладыженские, находившиеся в числе сестер Дивеевской обители, повествовали следующее:

"В 1832 году родной брат наш О. В-ч Ладыженский, находящийся ныне председателем военной комиссии в Оренбурге, был послан в Китай, для сопровождения духовной миссии. Так как дорога эта лежала через Нижний Новгород, где мы имели родную бабушку, чтимую всеми знающими ее, и даже отцом Серафимом, так равно и повидаться с нами, сестрами своими, жившими тогда в Пензе еще в мире, брат наш вызвал нас в Нижний Новгород.

Сам он прибыл туда на страстной неделе Великого поста, в самую распутицу, и по необходимости должен был дожидаться здесь лучшего пути, тем более, что от дурной дороги занемог. В последнюю турецкую кампанию он был ранен в левую руку, и теперь боль в руке возобновилась и заставила его лечиться и брать ванны.

Мы же, четыре сестры, имея счастье знать и питая горячую веру к молитвам преподобного о. Серафима, воспользовались этой невольной остановкой брата и начали убеждать его съездить с нами в Саровскую обитель, чтобы удостоиться видеть и получить благословение о. Серафима на такой долгий и опасный путь.

После многих усилий он, наконец, склонился на нашу просьбу, но не по вере в святость жизни и прозорливость о. Серафима, которого хотя и уважал, но далеко не разделял к нему наших чувств, а единственно для успокоения нашего, по любви к нам, так как мы твердили ему беспрестанно, что только тогда будем спокойны на его счет, когда он посетит с благоговением чтимого нами старца.

Накануне отъезда мы имели с братом большой разговор и спор о св. Иконах. Мы называли многие иконы чудотворными, а брат опровергал нас, говоря, что различать иконы и называть

некоторые из них чудотворными есть дело суеверия, и что все иконы одинаковы.

Поехали же мы в Саров с таким расчетом, чтобы пробыть там воскресный или какой-нибудь другой праздничный день; нам хотелось, чтобы брат увидел о. Серафима первый раз в церкви, когда он будет приобщаться св. Тайн.

По приезде мы все отправились к ранней обедне, за которой обыкновенно приобщался о. Серафим; и когда она кончилась, брат наш вошел в алтарь, чтобы принять там благословение от о. Серафима и передать ему несколько слов от бабушки нашей, игуменьи, и от преосвященного Афанасия, который управлял тогда Нижегородской епархией, а впоследствии был переведен в Тобольск, где и скончался; мы же возвратились в занимаемую нами гостиную келлию.

Вскоре возвратился и брат наш, и мы заметили в нем большое изменение. Первым словом его было сознание, что о. Серафим сотворил над ним чудо. Именно, он говорил: "пока я передавал о. Серафиму то, что поручили мне передать бабушка и преосвященный, он взял меня за больную мою руку и так крепко сжал, что я только от стыда не вскрикнул; но теперь не ощущаю в руке решительно никакой боли".

После трапезы мы все пошли в лес, к пустыни о. Серафима; увидав его издали, сидящего против своего источника, предложили брату идти к нему одному, а сами остались вдали смотреть на них. Брат пошел и принят был о. Серафимом, по-видимому, очень милостиво; потому что он благословил его и, посадив подле себя, разговаривал с ним с полчаса времени. Наконец, о. Серафим, подняв свою голову, сделал нам знак рукой, чтобы мы приблизились. Пока мы подходили, он уже встал с своего места и мы нашли его, с заступом в руках, копавшего свои грядки. Он был в белом балахончике и повязан тряпичкой, а плечи его были покрыты кожей. Мы получили его благословение, и когда брат подошел к нему также, он сказал ему: "подожди, батюшка, я сейчас выйду к тебе". С этим словом он пошел в пустынную свою

келию и тотчас же вынес оттуда половину просфоры и, подавая ее брату, сказал ему с любовью: "на тебе, от моей души". И потом прибавил как бы с грустью: "мы с тобою более не увидимся". Тронутый брат отвечал ему: "нет, батюшка, я еще завтра приду к вам; благословите". Но о. Серафим повторил: "мы с тобою более не увидимся". Брат возразил еще: "батюшка, я и на возвратном пути заеду к вам"; но отец Серафим в третий раз повторил: "нет, мы с тобою больше не увидимся".

Простившись с о. Серафимом, мы отправились в монастырь; сестры шли вперед, а я, грешная Екатерина, с братом немного позади них. Замечая в брате большую перемену, я спросила его о причине, и он отвечал мне так: "теперь я совершенно убежден в святости и прозорливости этого дивного мужа. Все, что вы ни говорили о нем, истинно и вы ничего не преувеличили". Прежде же он обыкновенно отзывался о нем так: "я верю, что он хорошей жизни, но вы слишком все преувеличиваете".

Я попросила брата рассказать мне все подробнее, и он рассказал следующее: когда я подошел к нему под благословение и объяснил, что отправляюсь в Китай, и потому нарочно заехал в Саров, чтобы принять от него благословение и попросить его святых молитв на такой дальний путь, тогда о. Серафим благословил меня и, посадив подле себя, сказал: "что, батюшка, мое грешное благословение? Проси помощи у Царицы Небесной; вот, в теплом соборе у нас икона Живоносного Источника: отслужи ей молебен; ведь она чудотворная, она тебе поможет". И потом с улыбкой продолжал: "читал ли ты, батюшка, житие Иоанникия Великого? Я советую прочесть. Это был военный, весьма добрый и хороший человек, и сначала не то, чтобы он не был христианин; он веровал в Господа, но в иконах-то заблуждал так же, как и ты". И при этих словах он показал на меня рукою. Я был весьма поражен этими словами. Отец же Серафим продолжал после того милостиво беседовать со мною и давать мне наставления, особенно, чтобы я сам был

милосерд, если хочу, чтобы Господь Бог был ко мне милосерд. В заключение он предсказал, что я исполню возложенное на меня поручение и возвращусь благополучно.

Из пустыни мы прошли прямо в теплый собор, потому что брат мой, воспламененный верою и любовью к о. Серафиму, пожелал немедленно исполнить его совет и отслужить молебен Царице Небесной. После молебна он вопросил у знакомого нам иеромонаха Анастасия Четью-Минею, отыскал там житие Иоанникия Великого и нашел, что действительно Иоанникий был военный, добрый и сострадательный; что он веровал в Господа, но заблуждался на счет икон, и наконец, что он нашел старца-затворника, подобного о. Серафиму, который вывел его из заблуждения. Таким образом, брат наш выехал из Сарова с полной верой и любовью к о. Серафиму. Он бросил все свои лекарства, потому что уже не нуждался в них более: он чувствовал себя исцеленным и душей и телом, и с дороги писал нам, что никогда не чувствовал себя столь здоровым.

Исполнив в точности, по благодати Божией и за молитвы праведника, поручение, данное ему Августейшим Монархом, он возвратился в отечество и хотел на возвратном пути еще раз посетить о. Серафима; но мы уведомили его, что уже не стало дивного угодника Божия. И таким образом исполнилось его пророчество, которое он говорил брату при прощании: "мы с тобою больше не увидимся".

Считаем не лишним поместить здесь еще одно обстоятельство, случившееся с братом нашим и доказывающее благодатный дар прозорливости в отце Серафиме.

Уезжая из Сарова, брат наш поручил вышеупомянутому иеромонаху Анастасию доставить о. Серафиму от его усердия одну неважную вещь. Отец Серафим, принявши ее, изволил сказать о брате, что: "он опять здесь будет, но не один; я, говорил он, приказал ему не оставлять жены". Отец Анастасий передал это известие мне, говорит Екатерина Васильевна, когда я приехала в Саров через несколько месяцев после отъезда брата; и я нисколько не сомневалась в истине слов

праведника, хотя брат и ничего не говорил нам о намерении своем вступить в брак. Возвратившись домой, я написала о слышанном брату, и он отвечал нам так: "дивный Серафим не ошибся и в этом случае: он проник в тайну души моей; я избрал себе по сердцу и положил твердое намерение жениться на избранной мною".

Екатерина Васильевна рассказывает еще следующий случай об о. Серафиме. "В один из приездов наших в Саровскую обитель сестра моя пожертвовала на образ Успения Божией Матери свои бриллиантовые серьги; и чтобы скрыть это дело, она вручила их, в моем присутствии, знакомому нам иеромонаху Дамаскину с просьбой передать их настоятелю и никому не сказывать ничего. Это происходило у крыльца келий о. Серафима. Едва мы вошли, вслед затем, к старцу в сени, как он встретил сестру мою, сделавшую пожертвование, с самым радостным видом и с сими словами: "Божия Матерь вознаградит тебя за твою жертву и здесь, и в будущем". Мы остались после наших родителей совершенными по всему сиротами и утешались только тем, что старец, между прочими спасительными наставлениями, всегда говаривал нам, что "он утешит нас, что он будет за нас молиться". - И действительно, мы считаем себя теперь вполне утешенными, потому что Господь Бог и Царица Небесная за молитвы о. Серафима сподобили нас, двух сестер, Екатерину и Анну, поступить в число сестер Дивеевской общины и принести хоть малейшую лепту нашего усердия в пользу этой св. обители.

Особенно замечательна, по содержанию своему, беседа старца Серафима с г. Богд-вым. В день Рождества Христова 1832 года он удостоился видеть о. Серафима в Саровской пустыни. "Я, - говорил г. Б., - пришел в больничную церковь к ранней обедне еще до начатия службы и увидел, что о. Серафим сидел на правом клиросе, на полу. Я подошел к нему тотчас под благословение, и он, благословивши меня, поспешно ушел в алтарь, отвечая на мою просьбу побеседовать с ним: "после, после". По окончании же обедни, когда я снова подошел к нему, он приветствовал меня словами: "молитвами

Пресвятыя Богородицы все благо будет!" Тогда я осмелился попросить о его назначении мне времени для выслушания от него спасительных советов. Старец на то отвечал мне так: "два дня праздника. Времени не надо назначать. Св. Апостол Иаков, брат Божий, поучает нас: аще Господь восхощет и живы будем, сотворим сие и сие". Я поднес к нему дочь свою Веру, и он, благословивши нас, дал нам обоим сухарей.

Наконец, приготовивши заблаговременно вопросы, которые хотел я предложить старцу, я пришел к нему в келлию. Он встретил меня в сенях, принял принесенные мною, по поручению других, свечи и масло, и благословил беседовать с собою.

Я спросил его: "продолжать ли мне мою службу, или жить в деревне?" О. Серафим отвечал: "ты еще молод, служи". "Но служба моя нехороша", - возразил я; "это от твоей воли", - отвечал старец. "Добро делай; путь Господень все равно! Враг везде с тобой будет. Кто приобщается - везде спасен будет; а кто не приобщается - не мню. Где господин, там и слуга будет. Смиряй себя, мир сохраняй, ни за что не злобься".

Я спросил еще: "Благополучно ли кончится мое дело? Старец отвечал: "Надобно полюбовно разделиться с родными, у кого есть что разделить. Было у двух родных братьев два озера; у одного все множилось, а у другого нет. Тот и хотел завладеть войною. Одному нивы надобно 12 сажен, а другому более. Не пожелай".

После того я спросил: "Учить ли детей языкам и прочим наукам?" И он отвечал: "Что же худого знать что-нибудь?" Я же, грешный, подумал, рассуждая по мирскому, что нужно, впрочем, ему самому быть ученым, чтобы отвечать на это, и тотчас же услышал от прозорливого старца обличение: "Где мне, младенцу, отвечать на это против твоего разума? Спроси кого поумней".

Вечером, когда я пришел к нему, первым его словом было: "Беседу лучше оставить. За каждое праздное слово воздадим

Богу ответ". Но я умолил его продолжить спасительную беседу и предложил ему следующий вопрос: скрывание дел, предпринятых во имя Господне, в случае, когда знаешь, что получишь за них скорее осмеяние, нежели похвалу, не похоже ли на отвержение Петра; и что делать при противоречиях? Старец на это отвечал мне так: "Св. Апостол Павел в послании к Тимофею говорит: пей вино вместо воды; а вслед за сим следует: не упивайтесь вином. На это надо разум. Не вотруби; а где нужно, не премолчи".

Я спросил еще: что прикажет он мне читать? И получил ответ: "Евангелие по 4 зачала в день, каждого Евангелиста по за-чалу, и еще жизнь Иова. Хотя жена и говорила ему: лучше умереть; а он все терпел и спасся. Да не забывай дары посылать обидевшим тебя".

На вопросы мои: должно ли лечиться в болезнях, и как вообще проводить жизнь, он отвечал: "Болезнь очищает грехи. Однакоже воля твоя. Иди средним путем; выше сил не берись - упадешь и враг посмеется тебе; аще юн сын, удержись. Однажды диавол предложил праведнику прыгнуть в яму, тот было согласился, но Григорий Богослов удержал его. Вот что делай: укоряют - не укоряй; гонят - терпи; хулят - хвали; осуждай сам себя, так Бог не осудит, покоряй волю свою воле Господней; никогда не льсти; познавай в себе добро и зло: блажен человек, который знает это, люби ближнего твоего: ближний твой - плоть твоя. Если по плоти поживешь, то и душу, и плоть погубишь; а если по Божьему, то обоих спасешь. Эти подвиги больше, чем в Киев идти, или и далее, кого Бог позовет". Последние слова о. Серафима относились к желанию моему отправиться на богомолье в Киев и далее, если благословит. Впрочем, я не открыл ему еще этого желания, и о. Серафим узнал о нем единственно по дару прозрения, которое имел он по благодати Божией.

После того я спросил старца: "Обязан ли человек для поддержания своего звания вовлекаться в издержки, превышающие его достатки и не составляющие у людей

необходимости?" Он отвечал: "Кто как может; но лучше, чем Бог послал. Хлеба и воды довольно для человека. Так было и до потопа".

Еще спросил я: "Должно ли угождение людям простираться и на те случаи, которые несогласны с волей Божией, например, праздно проводить время и т.п.?" На это о. Серафим возразил: "За эту любовь многие погибли: аще кто не творит добра, тот и согрешает. Надобно любить всех, а больше всего - Бога".

Я попросил его помолиться обо мне, он отвечал: "За всех молюсь всякий день. Устрой мир душевный, чтобы никогда не огорчать и ни на кого не огорчаться; тогда Бог даст слезы раскаяния", и опять подтвердил: "Укоряют - не укоряй и т.д.".

На вопрос мой: как сохранить нравственность людей, мне подчиненных, и не противны ли Богу законные, по-видимому, наказания? Он отвечал: "милостями, облегчением трудов, а не ранами. Напои, накорми, будь справедлив, Господь терпит; Бог знает, может быть, и еще протерпит долго. Ты так делай; аще Бог прощает, и ты прощай. Сохрани мир душевный, чтобы в семействе у вас ни за что не было ссоры; тогда благо будет. Исаак, Авраамов сын, не злобился, когда у него колодцы засыпали, и отходил; а потом его же стали просить к себе, когда Господь Бог благословил его стократным плодом ячменя".

Спрашивал я также о. Серафима на счет опасности нынешних советов, и можно ли вериться учению других. Он отвечал: "это вам необновленным", и улыбнулся. "Довольно одного Ангела-хранителя, от св. Купели нам данного. Если ярость в коем есть - не слушай; если девство кто хранит - Дух Божий таких принимает. Однакоже сам разум имей, и Евангелие читай".

Я попросил о. Серафима растолковать мне сон: я видел кого-то, который приказывал мне выстроить церковь. О. Серафим сказал мне: "это твое собственное желание, и если

Бог избрал тебя на это и потребует нужда, то с Богом! В терпении нашем стяжите души ваши, то и будете Богу подобны, а иначе я не мню, чтобы кто спасся".

Я спросил старца: нужно ли молиться Богу об избавлении от опасных случаев? Старец отвечал: "в Евангелии сказано: молящеся не лишше глаголите: весть во Отец наш, ихже требуете, прежде прошения вашего. Сице убо молитеся вы: Отче наш и проч., тут благодать Господня; а что приняла и облобызала св. Церковь, все для сердца христианина должно быть любезно. Не забывай праздничных дней: будь воздержен, ходи в церковь, разве немощи когда; молись за всех: много этим добра сделаешь; давай свечи, вино и елей в церковь: милостыня много тебе блага сделает".

Когда я спросил о посте и браке, старец сказал:

"Царство Божие не брашно и питие; но правда, мир и радость о Дусе Святе; только не надобно ничего суетного желать а все Божие хорошо: и девство славно и посты нужны для побеждения врагов телесных и душевных. И брак благословен Богом: и благослови их Бог, глаголя: растителся и множитеся. Только враг смущает все".

На вопрос мой о духе мнительности и о хульных помыслах, от отвечал: "Неверного ничем не уверишь. Это от себя. Псалтирь купи: там все есть. Три рубля стоит".

Я спросил его: можно ли есть скоромное по постам, если кому постная пища вредна, и врачи приказывают есть скоромное? Старец отвечал: "Хлеб и вода никому не вредны. Как же люди по 100 лет жили? Не о хлебе едином жив будет человек; но о свяком глаголе, исходящем из уст Божиих. А что Церковь положила на семи Вселенских соборах, то исполняй. Горе тому, кто слово одно прибавит к сему, или убавит. Что врачи говорят про праведных, которые исцеляли от гниющих ран одним прикосновением, и про жезл Моисея, которым Бог из камня извел воду? Какая польза человеку, аще мир весь приобрящет, душу же свою отщетит? Господь призывает нас:

приидите ко Мне вси труждающиися и овремененнии и Аз упокою вы: иго во Мое благо и время Мое легко есть: да мы сами не хотим". "Чем, - спросил я, - истребить гордость и приобресть смирение?" Он отвечал: "Молчанием. Бог сказал Исайи: на кого воззрю, токмо на кроткаго и молчаливаго и трепещущаго словес Моих". Касательно духовной гордости он прибавил еще: "Проси Бога, чтобы он продлил твои лета. Этого без труда не сделаешь. Молчанием же большие грехи побеждаются".

Во все время нашей беседы о. Серафим был чрезвычайно весел. Он стоял, опершись на дубовый гроб, приготовленный им для самого себя, и держал в руках зажженную восковую свечу. Начиная отвечать, часто приветствовал меня словами: "ваше боголюбие!" О дочери моей сказал: "у нея путь трудный: выйдет за такого мужа, что и Бога знать не будет".

Прощаясь со мною, он благодарил меня за посещение его убожества, как сам он выразился. Благословляя же, хотел даже поцеловать мою руку, кланялся мне все до земли и, наделяя сухарями, приказывал разделить их с моими подчиненными, и наконец, отпуская, сказал: "Гряди с Богом! Эти сухари свежие: только что из печки".

К большому прославлению чудного дара прозорливости в благодатном старце о. Серафиме, нужно объяснить, что я не имел возможности расспрашивать его так подробно и помнить все его ответы. Притом же, он говорил чрезвычайно поспешно. Для этого все свои вопросы я предварительно написал для памяти на бумаге и едва успевал я прочитывать их пред старцем, как тотчас же и получал на них ответы.

Прозорливостью своею о. Серафим весьма много содействовал к счастью и благоустройству семейной жизни ближних.

Пришел к нему в пустынь один приезжий офицер принять благословение на вступление в брак. О. Серафим сказал, что

его невеста здесь, в Сарове, на гостинице. Чрез несколько времени пришла девица к о. Серафиму и также поведала ему свое желание выйти в замужество и виды, открывающиеся по сему предмету в будущем. Старец сказал: "Нет! Твой жених здесь, в Сарове". Оба приходившие никогда не знали друг друга и не видались. Простой случай, указанный Провидением, свел их между собою; молодые люди познакомились, с участием родных решили судьбу свою, вместе пришли к о. Серафиму и старец благословил их к венцу. Вступивши в брак, эти лица жили очень счастливо.

Это не был простой случай, а дело Божие, совершившееся чрез старца. Дела Божий всегда созидаются с удивительной простотой: это их особенность. Невнимание к советам старца сопровождалось в подобных случаях точным исполнением последствий, им предвозвещаемых. Так, один Рязанский помещик, будучи в Сарове, просил молитв и благословения о. Серафима на вступление в брак. Старец указал ему невесту, Богом назначенную, в лице одной особы, жившей по имению в соседстве с просителем, называя ее по имени. Молодой человек отказался исполнить совет его, потому что он имеет уже невесту из живущих в том месте, где стоял его полк. О. Серафим сказал: "Тебе сия не принадлежит в радость, но в печаль и слезы". Молодой человек женился, однакоже, по-своему, но жена его, не пережив и года, умерла, и были мужу "печаль и слезы". Вдовцем он был опять у о. Серафима и, по вторичному его совету, взял ту, которую и прежде назначал старец. После брака жили они счастливо.

Членов семейства, живших порознь, о. Серафим соединял вместе в исполнение Писания: *яже Бог сонета, человека да не разлучает.* Господа Т-вы, Пензенской губернии и из Таганрога, разошлись между собою по неприятностям и детей развели. Муж проживал в Пензе, а жена в Таганроге. К счастью обоих, г. Т-в посетил Саров. О. Серафим только что взглянул на него, стал обличать его и грозил ему, говоря: "Зачем ты не живешь с женой? Ступай к ней, ступай!" Речь старца привела заблудшего в сознание: он отправился из Сарова в Таганрог,

взял свою жену, съездил с ней на богомолье в Киев и стали они жить с тех пор вместе в деревне, близ Таганрога, благополучно и по закону Божию. "Я видала, - пишет боголюбивая Мария к затворнику Георгию, - письма их после известия о смерти старца: они исполнены горести, что умер отец их и благодетель".

Одна мать очень скорбела о своем сыне, которого совсем потеряла из вида. С растерзанным сердцем припала она к ногам о. Серафима и просила молитв его о том, кого считала она погибшим. Старец сказал в ответ матери, чтобы она пожила в Сарове на гостинице и подождала своего сына. Она и ждала день, два, три, и наконец, недоумевая на счет ответа о. Серафима, пришла к нему принять благословение, имея в виду отправиться восвояси. Что же? В то время, как она пошла в келлию старца, у него был на благословении и сын ее. О. Серафим взял его за руку, подвел к матери и поздравил ее с возвращением к ней сына.

Кроме предсказаний другим, старец начал теперь предсказывать и о своей смерти.

Так, пришла раз к нему сестра Дивеевской общины Параскева Ивановна с другими сотрудницами из сестер же. Старец начал говорить им: "Я силами слабею; живите теперь одне: оставляю вас". Скорбная беседа о разлуке растрогала слушательниц; они заплакали и с тем расстались со старцем. Однакоже они подумали, по поводу этой беседы, не о смерти его, а о том, что о. Серафим, по преклонности лет, хочет отложить попечение о них, чтобы удалиться в затвор.

В другой раз старца посетила одна Параскева Ивановна. Он был в лесу, в ближней пустыни. Благословивши ее, о. Серафим сел на отрубок дерева, а сестра около него стала на колени. О. Серафим повел духовную беседу и пришел в необыкновенный восторг: встал на ноги, руки поднял горе, взоры - к небу. Благодатный свет озарил его душу от представления блаженства будущей жизни. Ибо старец беседовал в настоящий раз собственно о том, какая вечная

радость ожидает человека на небе за недолговременные скорби временной жизни. "Какая радость! Какой восторг! - говорил он, - объемлют душу праведника, когда, по разлучении с телом, ее сретают Ангелы и представляют пред лице Божие!" Раскрывая эту мысль, старец несколько раз спрашивал сестру: "Понимает ли она его?" Сестра же все слушала, не говоря ни слова. Она понимала беседу старца, но не видела, чтобы речь клонилась к его кончине. Тогда о. Серафим снова стал говорить прежнее: "Я силами ослабеваю; живите теперь одне, оставляю вас". Сестра подумала, что он хочет опять укрыться в затвор, но о. Серафим на ее мысли ответил: "Искал я вам матери (настоятельницы), искал... и не мог найти. После меня никто вам не заменит меня. Оставляю вас Господу и Пречистой Его Матери". А сестра все еще не понимала, что старец говорил о своем успении и подумала про себя, что хотя батюшка о. Серафим вручает их Господу и Божией Матери, но нельзя же обители остаться и без человека - духовного руководителя ко спасению. Старец же ответствовал: "Человека-то, матушка, днем с огнем не найдешь. Оставляю вас Господу и Пречистой Его Матери". Тут он прямее выразился о своей кончине. Тогда сестра, припавши к ногам старца, так горько зарыдала, что не могла ни сама говорить, ни слышать слов его. О. Серафим начал читать на память Евангелие от Матфея, зачало 11: *вы есть свет мира,* и когда кончил, перешел к Евангелию от Иоанна, зачитал 14 главу: *Да не смущается сердце ваше,* прочел также главу 15 и кончил 55 зачалом 16 главы словами: *аминь, аминь, глаголю вам, яко елико аще просите от отца во имя Мое, даст вам. Доселе не просите ничесоже во имя Мое: просите и приимете, да радость ваша исполнена будет.* Здесь о. Серафим остановился и сказал: "Что же ты, матушка, все плачешь? По времени и у вас будет мать - праведница". После сих слов о. Серафим встал на ноги и сказал сестре: "Гряди, матушка, за мною". Сестра, вся в слезах, встала на ноги и последовала за ним.

Когда другие сестры Дивеевской обители посещали о. Серафима в его келлии незадолго до его смерти, то он,

обыкновенно, указывая на икону Божией Матери Умиление, много раз говаривал им в утешение: "Поручаю и оставляю вас на попечение вот этой Царице Небесной". Это рассказывают даже до сего дня старицы Дивеевской обители из современных о. Серафиму.

За пять месяцев до кончины была у о. Серафима Платонида, монахиня Симбирского монастыря Нерукотворенного Спаса. Она ехала в Арзамас к известному в то время врачу посоветоваться на счет ревматических страданий головы, лица и уха в одной половине тела, но заехала наперед в Саров, чтобы от Серафима принять благословение на лечение. Пять суток прожила она в Сарове, и хотя раза по четыре каждые сутки приходила к келлии старца, но не могла видеть его. Старец, по изъясненным выше причинам, реже принимал посетителей. Наконец, она была принята им в пустыни наедине. Поклонившись о. Серафиму в ноги, она просила благословения лечиться. Старец на слова ее отвечал: "Нет, не лечись", и, показав рукою на небо, прибавил: вот Кто (т.е. Бог) тебя исцелит". Затем он приказал ей умыться в источнике. Она же не умывалась во все продолжение своей болезни, около трех лет, справедливо опасаясь, чтобы от прикосновения к воде не получить большей простуды. Но по вере в слова праведного старца, она, нимало не сомневаясь, умылась и от того не только облегчения не почувствовала, но, напротив, почувствовала ужаснейшую боль. Потом старец приказал ей напиться этой воды, после чего сделались у нее мучительнейшие боли в лице и зубах. Наконец старец, приложив свою правую руку к больной ее щеке, сказал: "До успения Бог успокоит тебя; гряди с миром!" Платонида тотчас же почувствовала, как стала утихать боль ее; она совершенно прошла и с тех пор не возвращалась. При отпуске, благословляя ее крестом, висевшим у него на груди, о. Серафим сказал: "Не скорби, что долго не видела меня: я поминовение творил о скончавшейся монахине". Платонида, с своей стороны, спросила: "Может ли она надеяться еще когда-нибудь увидеть его?" Старец, показывая рукою на небо, сказал:

"Там увидимся: там лучше, лучше, лучше", Справедливо: больше она не видела его.

В этом же году посетил о. Серафима блаженный старец Тимон, живший, как известно, в Надеевской пустыни и не видавший своего духовного наставника и учителя более двадцати лет. В весеннее время пеший пришел он в Саровскую пустынь и, добравшись до келий о. Серафима, ожидал сладостной минуты увидеть его. Но о. Серафим не допускал его до себя. На этот раз он принимал всех; беспрепятственно входили к нему и мужи и жены: одному Тимону закрыт был вход, и он тщетно простоял у келлии до самого вечера. Наконец было благословлено и ему взойти в келлию. "Аз же, - говорил старец Тимон, - взошедши, падох ему на ноги, и от радости много плакал, что чрез много лет сподобился видеть еще его в живых и сказал ему: "Отче святый! За что вы на меня, грешного, прогневались и целый день меня до себя не допускали?" Он же меня посадил и начал говорить: "Нет, не тако, отче Тимоне! Аз тебя люблю; но это я сделал потому, что ты монах, да еще и пустынножитель, потому должен ты иметь терпение; да еще испытывал тебя, чему ты научился, живши столько лет в пустыни: не пустой ли ты из нее вышел? А прочие люди - мирские, да еще и больные: их надобно прежде полечить и отпустить: ибо *здравии врача не требуют, но болящий,* как Господь сказал. А с тобой надобно при свободном времени больше побеседовать". И тако с ним всю нощь препроводили в беседе.

О. Серафим дал ему, между прочим, следующее наставление: "Сей, отец Тимон, сей, всюду сей данную тебе пшеницу. Сей на благой земле, сей на на песке, сей на камени, сей при пути, сей и в тернии: все где-нибудь да прозябнет и возрастет, и плод принесет, хотя и не скоро. И данный тебе талант не скрывай в земле, да не истязай будеши от своего господина; но отдавай его торжникам: пусть куплю делают. Еще скажу тебе, отче Тимоне: не води дружбы и не имей союза, во-первых, с врагами Христовой Церкви, т.е. с еретиками и с раскольниками, во-вторых, с теми, которые святых постов не

соблюдают, в-третьих, с женами, ибо они много нас, иноков, повреждают. А в своей новоустроенной (т.е. Надеевской) обители положи и утверди устав совершенного общежития, по правилам и по уставу св. Отец, чтобы никто не творил своей воли: винного пития и табаку отнюдь никому не позволяй: даже сколько возможно удерживай и от чая: чревоугодие - не монашеское дело". "Тако мене наставив, - говорит старец Тимон, - о. Серафим благословил в путь. Аз же паки возвратихся в свою пустынь и живу в ней, благодаря Господа моего Иисуса Христа и Пречистую Его Матерь Владычицу Богородицу Деву Марию" ("Путеш. Парфения", ч. 1,с. 196-197).

Отцу Серафиму пришлось потерпеть в этом году неудовольствия, в которых он видел признаки своего приближения к исходу из настоящей жизни. Одна беглая девушка, чтобы глубже скрыть свое бродяжничество, остригла свои волосы в кружок, надела на себя послушническое платье и так бродяжничала по миру. Полицейское начальство, предуведомленное о ее побеге, разыскивало и наконец открыло ее. При допросе она показала, будто бы о. Серафим благословил ей так одеваться. Но о. Серафим никогда не благословлял, и по дару прозорливости, конечно, не мог благословить ей скрывать, быть может, свои злодеяния. Между тем, светское начальство, следуя своим порядкам, писало к о. Игумену Нифонту разыскать и о сем. Оказалось, что беглая оболгала безвинно старца Божия, надеясь, что, из снисхождения к распоряжению о. Серафима, ей простят укрывательство под одеждою послушника. Тем не менее, обстоятельство это огорчило старца, и он на тот раз целые сутки не выходил из келлии, проводя время в молитве. Другие доблестные подвижники Сарова, например, о. Иларион и Никодим, горько сожалели об огорчении, которое испытал о. Серафим в настоящем обстоятельстве.

Работавший в Сарове крестьянин Лихачевский Е.В., раз, подходя к пустыни о. Серафима, увидел издали, что с ним сидит и беседует неизвестная ему молодая лет шестнадцати

девица, очень хорошо одетая. Как неопытный в духовной жизни, он подумал: "О чем это батюшка так беседует с ней? Какие еще наставления идут к ее возрасту?" Только что подошел он с своими мыслями поближе, старец, указывая на признаки своей глубокой старости, сказал: "Я ко всему мертв, а ты что это думаешь?" Тогда крестьянин упал ему в ноги и покаялся в своей вине. Отец же Серафим милостиво благословил его, отпустил ему вину его и сказал: "Успокойся и больше не повторяй".

Приходилось старцу испытывать в этом году и другие огорчения безвинно и несправедливо. И он насчет всех их сказал однажды следующие слова: "Все сии обстоятельства означают то, что я скоро не буду жить здесь, что близок конец моей жизни".

Предчувствуя свою кончину, усматривая в самых обстоятельствах ее приближение, о. Серафим в это время приготовлялся и к исходу. Он реже выходил теперь в пустыню, менее принимал и в келлии приходящих, чтобы беспрепятственнее заниматься окончательным приготовлением себя к вечности. В это время его нередко видали в сенях: старец сидел на своем гробе и предавался размышлениям о конце жизни, о загробной участи человека и своей собственной. Размышления сии нередко сопровождались горьким плачем, а начинались и оканчивались они продолжительными молитвами.

За полгода до смерти о. Серафим, прощаясь со многими, с решительностью говорил: "Мы не увидимся более с вами". Некоторые просили благословения приехать в Великий пост поговеть в Сарове и еще раз насладиться лицезрением и беседой его. "Тогда двери мои затворятся, - отвечал на это старец: вы меня не увидите". Стало очень заметно, что жизнь о Серафима угасает: только дух его по-прежнему, и еще более прежнего, бодрствовал: "Жизнь моя сокращается, - говорил он некоторым между братиею, - духом я как бы сейчас родился, а телом по всему мертв".

За четыре месяца до смерти, а именно в августе 1832 года, высокопреосвященный Арсений, впоследствии митрополит Киевский, бывши епископом Тамбовским и обозревая в первый раз епархию, посетил и Саровскую обитель. Старец Серафим, несмотря на то, что был тогда в пустыни, почел долгом придти в монастырь единственно для того, чтобы вместе с братиею встретить своего нового архипастыря. По окончании встречи, он снова возвратился в пустынь. Преосвященный Арсений, осмотрев внимательно и подробно все церкви, братские келлии и хозяйственные постройки внутри монастыря, пожелал видеть и все принадлежащие к монастырю заведения и здания, вне оного находящиеся. В сопровождении Саровского казначея иеромонаха Исайи и ключаря Тамбовского собора Никифора Телятинского он посетил пустыни Серафимову и Дорофееву. О. Серафим занимался укладыванием камней при береге небольшого ручейка, протекавшего подле его пустынной келлии. Но как скоро он увидел приближение архипастыря к месту своему, тотчас же оставил занятия и, повергшись к стопам его, испросил себе и получил от него благословение.

"Что это такое ты делаешь?" - благосклонно и с участием спросил его преосвященный Арсений.

— А вот, святый владыко, — отвечал старец, — камешками берег выкладываю, чтобы вода-то не обмывала берега и не портила его.

"Доброе дело, старец Божий, — сказал преосвященный. — Ну, покажи же ты мне теперь свою пустынку среди пустыни".

— Хорошо, батюшка, — отвечал он, и с радушием повел преосвященного в келлию.

По описанию лиц, бывших при сем случае, келлия не имела в себе ничего особенного: это обыкновенная деревянная изба с небольшими сенцами. Мебель ее состояла вся из простого липового некрашенного стола и двух таких же стульев. В переднем углу стояли св. Иконы с возженной перед

ними лампадой. Еще лежали две богослужебные книги. По входе в келлию о. Серафим поднес преосвященному в подарок: четки, пук восковых свеч, обернутых холстиной, бутылку деревянного масла и шерстяные чулки. Преосвященный с отеческим радушием принял подарок. Потом он спросил о. Серафима:

"Где же у тебя в этой пустынке еще другая пустынка, другое еще более уединенное место?"

Сам же, зная по рассказам, где находится это место, и не дожидаясь ответа о. Серафима, пошел по направлению к печке. А о. Серафим, останавливая его, говорил простосердечно:

— Не ходи, батюшка, замараешься.

Но преосвященный, отворив дверь, закрывающую пустое пространство между стеной келлии и печкой, увидел там небольшое помещение, столь тесное, что едва один человек может войти туда и остаться там в стоящем или коленопреклоненном положении, но присесть или облокотиться никак нельзя. И здесь, как в первой келлии, в углу, между стеною и дверным косяком, стоял небольшой образок с горящей лампадой. Очевидно, старец по временам уединялся туда на бдение и молитву. Отсюда преосвященный отправился в Дорофееву пустынь, имея в намерении на возвратном пути опять зайти к о. Серафиму. Старец, оставаясь с ключарем о. Никифором Телятинским, ожидал его здесь, проводя время в беседе. Между разговорами он, указывая на владыку, сказал о. Ключарю:

"Много, много будет ему трудов, но Бог ему поможет".

Когда преосвященный опять воротился, то о. Серафим, взяв его за руку, благоговейно обратился к нему с вопросом:

"Вот, батюшка, богомольцы приходят ко мне, убогому Серафиму, и просят меня дать им что-нибудь в благословение: я

и даю им сухариков черного или белого хлеба и по ложке красного церковного вина: можно ли мне это делать?"

На это преосвященный отвечал:

— Можно, можно, но только в раздельном виде, так что кому даешь сухариков, тому не давай уже красного вина. А то простолюдины, как слышал я, думают, по простоте своей и между другими разглашают, будто ты причащаешь их св. Тайн. А и того лучше, — прибавил далее преосвященный, — вина вовсе не давать, давать же только сухарики.

"Хорошо, батюшка, отозвался на это старец, я так и буду поступать".

После замечено было, что о. Серафим так действительно и поступал до конца своей жизни.

После этого разговора преосвященный простился с о. Серафимом. Со стороны блаженного старца прощанье это совершилось не совсем обыкновенным образом. Приняв от владыки последнее благословение, он поклонился в ноги и, несмотря на то, что преосвященный поднимал его и просил встать на ноги, старец Серафим, оставаясь на коленях, продолжал ему кланяться до тех пор, пока преосвященный совсем не скрылся из виду.

В следующую за сим ночь о. Серафим, как бы в доказательство своего послушания, сам принес небольшой сосуд церковного вина в келлию, в которой останавливался преосвященный Арсений, и, отдавая приношение келейнику его, сказал: "Отдай это батюшке от Серафима грешнаго".

По соображении сих обстоятельств с последствиями оказалось, что все это было предвестием близкой кончины старца Серафима и относилось к его просьбе о поминовении, которую он высказал преосвященному и словесно. Преосвященный Арсений, со своей стороны, в точности исполнил желание о. Серафима: из его подарка свечи, масло и вино, сохранившиеся в целости, были употреблены при

служении преосвященным заупокойной литургии о вечном покое блаженного старца Серафима. А четки, чулки и холстину преосвященный оставил у себя.

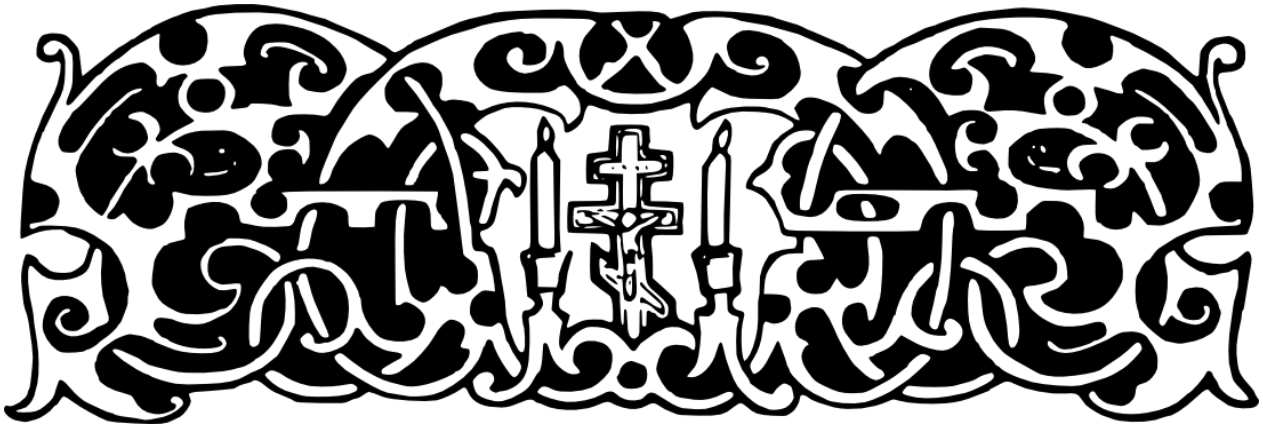
В Саровской обители хранится письмо владыки Арсения, где он, по прошествии 23 лет, описывает подробно свое посещение старца. Вот что он пишет в этом письме: "По совести мирные отношения о. Игумена Нифонта к о. Серафиму ни малейшей не бросают тени на жизнь и характер того и другого, а напротив, в первом показывают, как высоко он понимал и верно исполнял должность настоятеля пустынной обители и как дорого ценил и строго соблюдал чистоту монашеской жизни, а в последнем обличают евангельскую простоту и незлобие, по которым он никак не догадывался, что мнимые или истинные ученики или ученицы его иногда злоупотребляют его именем для достижения своих суетных и еще не очищенных от примеси тщеславия или своенравия видов. Надлежало бы также и в жизнеописании о. Серафима упомянуть о первом его свидании со мною: оно полно высокого значения и бесспорно открывает в нем дар прозорливости. Его слова и действия во время посещения моего вместе с вами (о. Исайя сопутствовал ему тогда в должности казначея) пустынной его хижины, его потом подарки мне: деревянное масло, красное вино, несколько свеч, кусок полотна и шерстяные чулки, и, наконец, многократное коленопреклоненное прощание его со мною, которого я многими убеждениями не мог прекратить в нем и от которого я должен был поспешно с вами уехать, дабы не трудить более старца, продолжавшего стоять на коленях и кланяться, были, как после оказалось, выразительными символами, изображавшими его и мою судьбу: он вскоре затем помер, а я, при помощи Божией, продолжаю еще полагать камни на камни для ограждения церковного берега от напора вод мирских".

В том же году, 13 сентября, за три с половиной месяца до кончины о. Серафима, была у него Екатерина Егоровна Извольская с четырехлетней своей дочерью, Анной, у которой так болели глаза, что близкие опасались, не сделалась бы

она в дороге совсем слепой. Мать привела ее к батюшке Серафиму. Он подал ей в руки бутылку воды, которой приказал окропить глаза дочери и сказал, что "молитвами Пресвятыя Богородицы Живоноснаго Источника она исцелится". И действительно, на утро она встала со здоровыми глазами. О. Серафим приказал им остаться в Сарове, отстоять 14 числа раннюю обедню, позднюю и отобедать. Но как она последнего приказания не исполнила и выехала тотчас после поздней литургии, то за ослушание блуждала в дороге целый день.

После сих обстоятельств, еще за несколько месяцев до кончины, о. Серафим поручил послать некоторым особам письма, призывая их к себе в обитель, а тем из близких, которые не могли быть у него, поручил после смерти своей сказать, что нужно и полезно было для их души, прибавляя объяснение поручений: "сами-то они меня не увидят".

Незадолго до кончины о. Серафима, видя его истинно подвижническую жизнь, один брат, в назидание самому себе, спросил его: "Почему мы, батюшка, не имеем такой строгой жизни, какую вели древние подвижники благочестия?" "Потому, - отвечал старец, - что не имеем к тому решимости. Если бы решимость имели, то и жили бы так, как отцы, древле просиявшие подвигами и благочестием: потому что благодать и помощь Божия к верным и всем сердцем ищущим Господа ныне та же, какая была и прежде: ибо, по слову Божию, Иисус Христос *вчера и днесь, той же и во веки* (Евр. 13, 8). Эта глубокая и святая истина, которую о. Серафим уразумел из опыта собственной жизни, была, так сказать, *заключительным* словом его уст и печатью его подвигов.



ДУХОВНЫЕ НАСТАВЛЕНИЯ ПРЕПОДОБНОГО СЕРАФИМА САРОВСКОГО МИРЯНАМ И ИНОКАМ

1.О Боге

Бог есть огонь, согревающий и разжизающий сердца и утробы. Итак, если мы ощущаем в сердцах своих хлад, который от диавола, ибо диавол хладен, то призовем Господа, и Он, пришед, согреет наше сердце совершенною любовию не только к Нему, но и к ближнему. И от лица теплоты изгонится хлад доброненавистника.

Отцы написали, когда их спрашивали: ищи Господа, но не испытуй, где живет.

Где Бог, там нет зла. Все происходящее от Бога мирно и полезно, и приводит человека к смирению и самоосуждению.

Бог являет нам свое человеколюбие не только тогда, когда мы делаем доброе, но и когда оскорбляем и прогневляем Его. Как долготерпеливо сносит Он наши беззакония, и когда наказывает, как благоутробно наказывает!

Не называй Бога правосудным, говорит преподобный Исаак, ибо в делах твоих не видно Его правосудия. Если Давид и называл Его правосудным и правым, но Сын Его показал нам, что Он более благ и милостив. Где Его правосудие? Мы были грешники, и Христос умер за нас (Исаак Сирин, Слово 90).

Поколику совершенствуется человек пред Богом, потолику вслед Его ходит; в истинном же веке Бог являет ему лице Свое. Ибо праведные, по той мере, как входят в созерцание Его, зрят образ как в зерцале, а там зрят явление истины.

Если не знаешь Бога, то невозможно, чтобы возбудилась в тебе и любовь к Нему; и не можешь любить Бога, если не увидишь Его. Видение же Бога бывает от познания Его: ибо созерцание Его не предшествует познанию Его.

О делах Божиих не должно рассуждать по насыщении чрева: ибо в наполненном чреве нет видения тайн Божиих.

2. О таинстве Святой Троицы

Чтобы воззреть к Святейшей Троице, надобно просить о сем учивших о Троице Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоустого, которых ходатайство может привлечь на человека благословение Святейшия Троицы; а самому прямо взирать надобно остерегаться.

3. О причинах пришествия в мир Иисуса Христа

Причины пришествия в мир Иисуса Христа, Сына Божия, суть:

1-я. Любовь Божия к роду человеческому: *тако бо возлюби Бог мир, яко и Сына Своего Единороднаго дал есть* (Ин. 3, 16).

2-я. Восстановление в падшем человеке образа и подобия Божия, как о сем воспевает святая Церковь (1-й канон на Рождество Господне, песнь 1-я): *истлевша преступлением, по Божию образу бывшаго, всего тления суща, лучшим отпадоша Божественныя жизни, паки обновляет мудрый Содетель.*

3-я. Спасение душ человеческих: *не посла бо Бог Сына Своего в мир, да судит мирови, но да спасется Им мир* (Ин. 3, 17).

Итак, мы, следуя цели Искупителя нашего Господа Иисуса Христа, должны жизнь свою препровождать согласно Его

Божественному учению, дабы чрез сие получить спасение душам нашим.

4. О вере

Прежде всего должны веровать в Бога, яко есть, и взыскающим Его мздовоздаятель бывает (Евр. 11,6).

Вера, по учению преподобного Антиоха, есть начало нашего соединения с Богом: истинно верующий есть камень храма Божия, уготованный для здания Бога Отца, вознесенный на высоту силою Иисуса Христа, то есть Крестом, помощию вервия, то есть благодати Духа Святого.

Вера без дел мертва есть (Иак. 2, 26); а дела веры суть: любовь, мир, долготерпение, милость, смирение, упокоение от всех дел, как и Бог почил от Своих дел, несение креста и жизнь по духу. Только такая вера вменяется в правду. Истинная вера не может быть без дел; кто истинно верует, то непременно имеет и дела.

5. О надежде

Все, имеющие твердую надежду на Бога, возводятся к Нему и просвещаются сиянием вечного света.

Если человек не имеет вовсе никакого попечения о себе ради любви к Богу и дел добродетели, зная, что Бог печется о нем, таковая надежда есть истинная и мудрая. А если человек сам печется о своих делах, и обращается с молитвою к Богу тогда только, когда уже постигают его неизбежные беды, и в собственных силах не видит он средств к отвращению их, и начинает надеяться на помощь Божию, такая надежда суетна и ложна. Истинная надежда ищет единого царствия Божия и уверена, что все земное, потребное для жизни временной, несомненно дано будет.

Сердце не может иметь мира, доколе не стяжает сей надежды. Она умиротворит его и вольет в него радость. О сей то надежде сказали достопоклоняемые и святейшие уста: *приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии, и Аз*

упокою вы (Мф. 11, 28), то есть надейся на Меня, и утешишься от труда и страха.

В Евангелии от Луки сказано о Симеоне: *и бе ему обещано Духом Святым не видети смерти, прежде даже не видит Христа Господня* (Лк. 2, 26). И он не умертвил надежды своей, но ждал вожделенного Спасителя мира и, с радостию приняв на руки свои, сказал: ныне отпущаеши меня, Владыко, идти в вожделенное для меня царствие Твое, ибо я получил надежду мою — Христа Господня.

6. О любви к Богу

Стяжавший совершенную любовь существует в жизни сей так, как бы не существовал. Ибо считает себя чужим для видимого. Он весь изменился в любовь к Богу и забыл всякую другую любовь.

Кто любит себя, тот любить Бога не может. А кто не любит себя ради любви к Богу, тот любит Бога.

Истинно любящий Бога считает себя странником и пришельцем на земле сей; ибо душею и умом в своем стремлении к Богу созерцает Его одного.

Душа, исполненная любви Божией, во время исхода своего из тела не убоится князя воздушного, но со ангелами возлетит, как бы от чужой страны на родину.

7. О страхе Божием

Человек, принявший на себя проходить путь внутреннего внимания, прежде всего должен иметь страх Божий, который есть начало премудрости.

В уме его всегда должны быть напечатлены сии пророческие слова: *работайте Господеви со страхом и радуйтеся Ему с трепетом* (Пс. 2, 11).

Он должен проходить путь сей с крайнею осторожностию и благоговением ко всему священному, а не небрежно.

В противном случае опасаться должно, чтоб не отнеслось к нему сие Божие определение: *проклят человек, творяй дело Господне с небрежением* (Иер. 48, 10).

Благоговейная осторожность здесь нужна для того, что *сие море,* то есть сердце с своими помыслами и желаниями, которое должно очистить посредством внимания, *велико и пространно, тамо гади, имже несть числа,* то есть многие помыслы суетные, неправые и нечистые, порождения злых духов.

[Бойся Бога, говорит Премудрый, *и заповеди Его храни* (Еккл. 12, 13). А соблюдая заповеди, ты будешь силен во всяком деле, и дело твое будет всегда хорошо. Ибо, боясь Бога, ты из любви к Нему все делать будешь хорошо. А диавола не бойся; кто боится Бога, тот одолеет диавола: для того диавол бессилен.

Два вида страха: если не хочешь делать зла, то бойся Господа и не делай; а если хочешь делать добро, то бойся Господа и делай.

Но никто не может стяжать страха Божия, доколе не освободится от всех забот житейских. Когда ум будет беспопечителен, тогда движет его Страх Божий и влечет к любви благости Божией.]

8. О хранении познанных истин

Не должно без нужды другому открывать сердца своего; из тысячи можно найти только одного, который бы сохранил твою тайну.

Когда мы сами не сохраняем ее в себе, то как можем надеяться, что может она быть сохранена другим.

С человеком душевным надобно говорить о человеческих вещах; с человеком же, имущим разум духовный, надобно говорить о небесных.

Исполненные духовною мудростию люди рассуждают о духе какого-либо человека по Священному Писанию, смотря, сообразны ли слова его с волею Божиею; и потому делают о нем заключение.

Когда случится быть среди людей в мире, о духовных вещах говорить не должно, особенно, когда в них не примечается и желания к слушанию.

Надобно в сем случае следовать учению святого Дионисия Ареопагита (в книге "О Небесной Иерархии", гл. 2): соделавшися сам божествен божественных вещей познанием, и в тайне ума святая сокрыв от неосвященного народа, яко единообразная, храни: не бо праведно есть, яко же Писание глаголет, повергнута в свиния умных маргаритов чистое, световидное и драгоценное благоукрашение. Надобно содержать в памяти слово Господне: *не пометайте бисер перед свиниями, да не поперут их ногами своими и вращшеся расторгнут вы* (Мф. 7, 6).

А потому всеми мерами должно стараться скрывать в себе сокровище дарований.

В противном случае потеряешь, и не найдешь. Ибо, по опытному учению святого Исаака Сирина, лучше есть помощь, яже от охранения, паче помощи, яже от дел (Слово 89).

Когда же надобность потребует, или дело дойдет, то откровенно в славу Божию действовать должно по глаголу: *Аз прославляющий Мя прославлю* (1 Цар. 2, 30); потому что путь уже открылся.

9. О многословии

Одного многословия с теми, которые противных с нами нравов, довольно расстроить внутренность внимательного человека.

Но всего жалостнее то, что от сего может погаснуть тот огонь, который Господь наш Иисус Христос пришел воврещи на

землю сердца: ибо ничто же тако устужает огнь, от Святого Духа вдыхаемый в сердце инока ко освящению души, якоже сообращение и многословие и собеседование, кроме оного, еже со чады тайн Божиих, еже к возвращению разума его и приближению (Исаак Сирин, Слово 8).

Особенно же должно хранить себя от обращения с женским полом: ибо как восковая свеча, хотя и не зажженная, но поставленная между возженными, растаевает, так и сердце инока от собеседования с женским полом неприметно расслабевает, о чем и святой Исидор Пелусиот изъясняет так: аще (глаголющу Писанию) сия беседы злыя тлят обычаи благи: то беседа с женами, аще и добра будет, обаче сильна есть растлити внутреннего человека тайно помыслы сквернымы и, чистоту сущу телу, пребудет душа осквернена: что бо твердее есть камене; что же воды мягчае, обаче всегдашнее прилежание и естество побеждает; аще убо естество едва подвижимое, подвизается, и от тоя вещи, юже имать ни во чтоже, страждет и умаляется, то како воля человеческая, яже есть удобь колеблема, от обыкновения долгого не будет побеждена и превращена (Исид. Пелус. письмо 284, и Чет. Мин. в житии его февр. 4).

А потому для сохранения внутреннего человека надобно стараться удерживать язык от многословия: *муж бо мудр безмолвие водит* (Притч. 11, 12), и *иже хранит свои уста, соблюдает свою душу* (Притч. 13, 3), и помнить слова Иова: положих завет очима моима, да не помышлю на девицу; и слова Господа Иисуса Христа: всяк, иже воззрит на жену, во еже вожделети ея, уже любодействова с нею в сердце своем (Мф. 5, 28).

Не выслушав прежде от кого-либо о каком-либо предмете, отвечать не должно: иже бо отвещает слово прежде слышания, безумие ему есть и поношение (Притч. 18, 13).

10. О молитве

Истинно решившиеся служить Господу Богу должны упражняться в памяти Божией и непрестанной молитве ко Иисусу Христу, говоря умом: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного;* в часы же послеобеденные можно говорить сию молитву так: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, молитвами Богородицы помилуй мя грешного;* или же прибегать собственно ко Пресвятой Богородице, моляся: *Пресвятая Богородице, спаси нас;* или говорить поздравление ангельское: *Богородице Дево, радуйся.* Таковым упражнением при охранении себя от рассеянности, и при соблюдении мира совести, можно приблизиться к Богу и соединиться с Ним. Ибо, по словам святого Исаака Сирина, кроме непрестанныя молитвы мы приблизиться к Богу не можем (Слово 69).

Образ молитвы весьма хорошо расположил святой Симеон Новый Богослов (Добротолюбие, ч. 1, л. 61. Слово о трех образах молитвы).

Достоинство же оной очень хорошо изобразил святой Златоуст: велие, говорит он, есть оружие молитва, сокровище неоскудное, богатство никогда же иждиваемо, пристанище безволненно, тишины вина и тьмам благих корень, источник и мати есть (Маргарит, Слово 5. О непостижимом).

В церкви на молитве стоять полезно с закрытыми очами во внутреннем внимании; открывать же очи разве тогда, когда уныешь, или сон будет отягощать тебя и склонять к дреманию; тогда очи обращать должно на образ и на горящую пред ним свещу.

Если в молитве случится плениться умом в расхищение мыслей, тогда должно смириться пред Господом Богом и просить прощения, говоря: согреших, Господи, словом, делом, помышлением и всеми моими чувствы.

Почему должно всегда стараться, чтоб не предавать себя рассеянию мыслей; ибо чрез сие уклоняется душа от памяти Божией и любви Его по действию диавола, как святый

Макарий говорит: "Все супостата нашего тщание сие есть, да мысль нашу от памятования о Боге и страха и любви отвратить" (Слово 2, гл. 15).

Когда же ум и сердце будут соединены в молитве, и помыслы души не рассеяны, тогда сердце согревается теплотою духовною, в которой воссияет свет Христов, исполняя мира и радости всего внутреннего человека.

О всем мы должны благодарить Господа и предавать себя Его воле; должны также представлять ему все свои мысли, слова и деяния, и стараться, чтобы все служило только к Его благоугождению.

11. О слезах

Все святые и отрекшиеся мира иноки во всю жизнь свою плакали, в чаянии вечного утешения, по уверению Спасителя мира: *блажени плачущий, яко тии утешатся* (Мф. 5, 4).

Так и мы должны плакать о оставлении грехов наших. К сему да убедят нас слова Порфироносного: *ходящий хождаху и плакахуся, метающе семена своя: грядуще же приидут радостию, вземлющерукояти своя* (Пс. 125,6), и слова святого Исаака Сирина: омочи ланите твои плачем очию твоею, да почиет на тебе Святый Дух и омыет тя от скверны злобы твоея. Умилостиви Господа твоего слезами, да приидет к тебе (Слово 68. Об отречении мира).

Когда мы плачем в молитве, и тут же вмешивается смех, то сие есть от диавольския хитрости. Трудно постичь врага нашего тайные и тонкие действия.

У кого текут слезы умиления, такового сердце озаряют лучи Солнца Правды, Христа Бога.

12. О печали

Когда злой дух печали овладеет душею, тогда, наполнив ее горестию и неприятностию, не дает ей совершать молитву с должным усердием, мешает заниматься чтением Писаний с надлежащим вниманием, лишает ее кротости и благодушия в

обращении с братиями и рождает отвращение от всякого собеседования. Ибо душа, исполненная печали, делаясь как бы безумною и исступленною, не может спокойно ни принимать благого совета, ни кротко отвечать на предлагаемые вопросы. Она убегает людей, как виновников ее смущения, и не понимает, что причина болезни внутри ее. Печаль есть червь сердца, грызущий рождающую его мать.

Печальный монах не движет ума к созерцанию и никогда не может совершать чистой молитвы.

Кто победил страсти, тот победил и печаль. А побежденный страстями не избежит оков печали. Как больной виден по цвету лица, так обладаемый страстью обличается от печали.

Кто любит мир, тому невозможно не печалиться. А презревший мир всегда весел. Как огонь очищает золото, так печаль по Бозе очищает греховное сердце (Антиох, Слово 25).

13. О скуке и унынии

С духом печали неразлучно действует и скука. Она, по замечанию отцов, нападает на монаха около полудня и производит в нем такое страшное беспокойство, что несносны ему становятся и место жительства, и живущие с ним братия, а при чтении возбуждается какое-то отвращение, и частая зевота, и сильная алчба. По насыщении чрева демон скуки внушает монаху помыслы выйти из келлии и с кем-нибудь поговорить, представляя, что не иначе можно избавиться от скуки, как непрестанно беседуя с другими. И монах, одолеваемый скукою, подобен пустынному хворосту, который то немного остановится, то опять несется по ветру. Он как безводное облако, гонимое ветром.

Сей демон, если не может извлечь монаха из келлии, то начинает развлекать ум его во время молитвы и чтения. Это, говорит ему помысл, лежит не так, а это не тут, надобно

привести в порядок, и это все делает для того, чтобы ум сделать праздным и бесплодным.

Болезнь сия врачуется молитвою, воздержанием от празднословия, посильным рукоделием, чтением слова Божия и терпением; потому что и рождается она от малодушия и праздности, и празднословия (Антиох, Слово 26; Исаак Сирин, 212).

Трудно избежать ее начинающему жизнь монашескую, ибо она первая нападает на него. Потому прежде всего и должно остерегаться ее посредством строгого и беспрекословного исполнения всех возлагаемых на послушника обязанностей. Когда занятия твои придут в настоящий порядок, тогда скука не найдет места в сердце твоем. Скучают только те, у кого дела не в порядке. Итак, послушание есть лучшее врачество против сей опасной болезни.

Когда одолевает тебя скука, то говори себе, по наставлению преподобного Исаака Сирина: ты опять желаешь нечистоты и постыдной жизни. И если помысл скажет тебе: великий грех убивать себя, — ты скажи ему: убиваю себя потому, что не могу жить нечисто. Умру здесь, чтобы не увидеть истинной смерти — души моей в отношении к Богу. Лучше мне умереть здесь за чистоту, нежели жить в мире жизнию злою. Я предпочел смерть сию грехам моим. Убью себя, потому что я согрешил Господу, и не буду более прогневлять Его. Что мне жить в удалении от Бога? Озлобления сии стерплю, чтобы не лишиться небесной надежды. Что Богу в моей жизни, если я буду жить худо и прогневлять Его? (Слово 22).

Иное — скука, а иное — томление духа, называемое унынием. Бывает иногда человек в таком состоянии духа, что, кажется ему, легче бы было уничтожиться или быть без всякого чувства и сознания, нежели долее оставаться в этом безотчетно-мучительном состоянии. Надобно спешить выйти из него. Блюдись от духа уныния, ибо от него рождается всякое зло (Варсонофий. Ответы 73, 500).

Есть уныние естественное, учит святой Варсонофий, от бессилия; и есть уныние от беса. Хочешь ли знать это? Испытай так: бесовское приходит прежде того времени, в которое должно дать себе отдохновение. Ибо когда кто предположит себе сделать что-нибудь, оно прежде, нежели исполнена будет треть или четверть дела, нудит его оставить дело и встать. Тогда не надобно слушать его, но надобно сотворить молитву, и сидеть за делом с терпением. И враг, видя, что он поэтому творит молитву, удаляется, потому что не хочет давать повода к молитве (Варсонофий. Ответы 562-565).

Когда Богу угодно, говорит святой Исаак Сирин, повергнуть человека в большие скорби, попускает ему впасть в руки малодушия, оно рождает в нем крепкую силу уныния, в котором он испытывает душевную тесноту, и это есть предвкушение геенны; вследствие же сего находит дух исступления, от которого происходят тысячи искушений: смущение, ярость, хула, жалоба на свою участь, развращенные помыслы, переселение из места в место и тому подобное. Если спросишь: какая сему причина? то скажу: твое нерадение; потому что ты не позаботился поискать уврачевания их. Ибо врачевание для всего этого одно, при помощи которого человек скоро находит утешение в душе своей. И что ж это за врачевство? — Смиренномудрие сердца. Ничем, кроме него, человек не может разрушить оплот сих пороков, а напротив того, находит, что сии превозмогают над ним (Исаак Сирин, лист 156 об.). Уныние у святых отцов иногда называется праздностию, леностию и разленением.

14. Об отчаянии

[Отчаяние, по учению св. Иоанна Лествичника, рождается или от сознания множества грехов, отчаяния совести и несносной печали, когда душа, множеством язв покрытая, от невыносимой их боли погружается во глубину отчаяния, или от гордости и надмения, когда кто почитает себя не заслуживающим того греха, в который впал. Первого рода отчаяние влечет человека во все пороки без разбора, а при

отчаянии второго рода человек держится еще своего подвига, что, по словам Иоанна Лествичника, и несовместно разуму. Первое врачуется воздержанием и благою надеждою, а второе — смирением и неосуждением ближнего (Летвица, лист 102, степень 26)].

Как Господь печется о нашем спасении, так человекоубийца диавол старается привести человека в отчаяние.

Душа высокая и твердая не отчаивается при несчастиях, каких бы то ни было. Жизнь наша есть как бы дом искушений и пыток; но мы не отступим от Господа, доколе не повелит Он оставить нас пытающим, и пока мы не будем оживлены терпением и твердым бесстрастием.

Иуда предатель был малодушен и не искусен в брани, и потому враг, видя его отчаяние, напал на него и принудил его удавиться; но Петр — твердый камень, — когда впал в великий грех, как искусный в брани, не отчаялся и не потерял духа, но пролил горькие слезы от горячего сердца, и враг, увидя их, как огнем палимый в глаза, далеко убежал от него с болезненным воплем.

Итак, братия, учит пр. Антиох, когда отчаяние будет нападать на нас, не покоримся ему, но, укрепляясь и ограждаясь светом веры, с великим мужеством скажем лукавому духу: "Что нам и тебе, отчужденный от Бога, беглец с небес и раб лукавый? Ты не смеешь сделать нам ничего. Христос, Сын Божий, власть имеет и над нами и над всем. Ему согрешили мы, Ему и оправдаемся. А ты, пагубный, удались от нас. Укрепляемые честным Его Крестом, мы попираем твою змиину главу" (Антиох, Слово 27).

15. О Болезнях

Тело есть раб, душа — царица, а потому сие есть милосердие Господне, когда тело изнуряется болезнями: ибо от сего ослабевают страсти и человек приходит в себя; да и самая болезнь телесная рождается иногда от страстей.

Отними грех, и болезни оставят; ибо они бывают в нас от греха, как сие утверждает святой Василий Великий (Слово о том, что Бог не есть причина зол, с. 213): "Откуда недуги? Откуда повреждения телесные? Господь создал тело, а не недуг; душу, а не грех. Что же паче всего полезно и нужно? Соединение с Богом и общение с Ним посредством любви. Теряя любовь сию, мы отпадаем от Него, а отпадая, подвергаемся различным и многообразным недугам".

От неспокойного и не в меру принужденного мысленного занятия бывает головная боль.

[Кто переносит болезнь с терпением и благодарением, тому вменяется она вместо подвига, или даже более.

Один старец, страдавший водяною болезнию, говорил братиям, которые приходили к нему с желанием лечить его: "Отцы, молитесь, чтобы не подвергся подобной болезни мой внутренний человек, а что касается до настоящей болезни, то я прошу Бога о том, чтобы Он не вдруг освободил меня от нее; ибо, поколику *внешний наш человек тлеет,* потолику *внутренний обновляется"* (2 Кор. 4, 16)].

16. О терпении и смирении

Надобно всегда терпеть что-нибудь Бога ради с благодарностью.

Наша жизнь — одна минута в сравнении с вечностью; и потому *недостойны,* по апостолу, *страсти нынешнего времени к хотящей славе явитися в нас* (Рим. 8, 18).

В молчании переноси, когда оскорбляет враг, и Господу открывай сердце свое. Когда твою честь кто уничижает, или отнимает, то всеми мерами старайся, чтобы простить ему, по слову Евангелия: *от взимающего твоя не истязуй* (Лк. 6, 30).

Когда нас люди поносят, то мы должны считать себя недостойными похвалы. Ежели бы были достойны, то бы все кланялись нам.

Мы всегда и пред всеми должны уничижать себя, следуя учению святого Исаака Сирина: уничижи себе, и узришь славу Божию в себе (гл. 57, л. 121 об.).

Посему возлюбим смирение и узрим славу Божию; идеже бо истекает смирение, тамо слава Божия источается.

Не сущу свету, вся мрачна; так и без смирения ничего нет в человеке, как только одна тьма.

[Как воск, не разогретый и не размягченный, не может принять налагаемой на него печати, так и душа, не искушенная трудами и немощами, не может принять на себя печати добродетели Божией. Когда диавол оставил Господа, тогда приступили Ангелы и служили Ему (Мф. 4, 11). Так, если во время искушения несколько отходят от нас Ангелы Божий, то не далеко, и скоро приступают и служат нам Божественными помышлениями, умилением, услаждением, терпением. Душа, потрудившись, стяжавает и прочие совершенства. Почему святой пророк Исайя говорит: *терпящий Господа изменят крепость, окрылатеют, аки орли, потекут и не утрудятся, пойдут и не взалчити*(Ис. 40, 31).

Так терпел и кротчайший Давид: ибо, когда Семей поносил его и метал на него камни, говоря: *изыди, мужу беззаконный,* он не сердился; и когда Авесса, вознегодовав на сие, сказал ему: *почто проклинает пес умерший сей Господина моего Царя?* он запретил ему, говоря: *оставите его, и тако да проклинает мя,* ибо Господь увидит и воздаст мне благое (2 Цар. 16, 7-12). Почему после и воспел: *терпя потерпел Господа, и внят ми, и услыша молитву мою* (Пс. 39, 2).

Сосуды скудельничи искушает пещь: и искушение человеческое в помышлениях его (Сир. 27, 5). *Но горе вам, погубльшим терпение! и что сотворите, егда посетит Господь* (2, 14)?

Как чадолюбивый отец, когда видит, что его сын живет беспорядочно, наказывает его; а когда увидит, что он малодушен и наказание сносит с трудом, тогда утешает; так поступает с нами и благий Господь и Отец наш, употребляя все для нашей пользы, как утешения, так и наказания, по своему человеколюбию. И потому мы, находясь в скорбях, как дети благопокорливые, должны благодарить Бога. Ибо если станем благодарить Его только в благополучии, то подобны будем неблагодарным иудеям, которые, насытившись чудной трапезы в пустыне, говорили, что Христос воистину есть Пророк, хотели взять его и сделать царем: а когда Он сказал им: *делайте не брашно гиблющее, но брашно пребывающее в живот вечный,* тогда говорили Ему: *кое убо Ты твориши знамение? Отцы наши ядоша манну в путыни* (Ин. 6, 31). Прямо на таких падает слово: *исповестся Тебе, егда благо сотвориши ему* — и таковый *даже до века не узрит света* (Пс. 48, 19, 20).

Посему апостол Иаков учит нас: *всяку радость имейте, братия моя, егда во искушения впадаете различна, ведяще, яко искушение вашея веры соделывает терпение: терпение оке дело совершенно да имать,* и прибавляет: *блажен муж, иже претерпит искушение: зоне искусен быв приимет венец жизни* (Иак. 1,2-4, 12).]

17. О милостыне

Должно быть милостиву к убогим и странным; о сем много пеклись великие светильники и отцы Церкви.

Мы должны всеми мерами стараться исполнять слово Божие: *Будите убо милосерди, якоже и Отец ваш милосерд есть* (Лк. 6, 36). И паки: *милости хощу, а не жертвы* (Мф. 9, 13).

Сим спасительным словам разумные внимают, а невежды не внимают; и потому сказано: *сеющий скудостию, скудостию и пожнут; сеющий же о благословении, о благословении и пожнут* (2 Кор. 9, 6).

Пример Петра Хлебодара (Чет.-Мин., сентября 22), который бросил хлебом в нищего, может нас побудить к тому, чтобы были мы милостивы к ближним.

Творить милостыню должны мы с душевным благорасположением, по учению святого Исаака Сирина (Слово 89, л. 168 об.): аще даси что требующему, да предварит деяние твое веселие лица твоего, и словесы благими утешай скорбь его.

18. О должностях и любви к ближним

С ближними надобно обходиться ласково, не делая даже и видом оскорбления.

Когда мы отвращаемся от человека или оскорбляем его, тогда на сердце прикладывается как бы камень.

Дух смущенного или унывающего человека надобно стараться ободрить любовным словом.

Брату грешащу, покрой его, как советует святой Исаак Сирин (Слово 89, л. 169): простри ризу твою на согрешающем и покрой его.

Мы все милости Божией требуем, как Церковь поет: аще не Господь бы был в нас, кто доволен цел сохранен быти от врага, купно же и человекоубийцы.

Мы в отношении к ближним должны быть как словом, так и мыслию чисты и во всем равны; иначе жизнь нашу сделаем бесполезною.

Мы любить ближнего должны не менее, как самих себя, по заповеди Господней: *возлюбиши ближнего своего яко сам себе* (Лк. 10, 27).

И не так, чтоб любовь к ближнему, выходя из границ умеренности, отвлекала нас от исполнения первой и главной заповеди, то есть любви Божией, как о сем поучает Господь наш Иисус Христос во Евангелии: *иже любит отца или матерь*

паче Мене, несть Мене достоин; и иже любит сына или дщерь паче Мене, несть Мене достоин (Мф. 10, 37).

О сем предмете весьма хорошо рассуждает святой Димитрий Ростовский (ч. 2, поучение 2, л. 165): там видна неправдивая к Богу в христианском человеке любовь, где тварь со Творцем сравнивается, или более тварь, нежели Творец, почитается; а там видна правдивая любовь, где один Создатель паче всего создания любится и предпочитается.

19. О должности подчиненных к начальникам

Не должно входить в дела начальнические и судить оные; сим оскорбляется величество Божие, от Коего власти поставляются; *ибо несть власть аще не от Бога, сущия же власти от Бога учинены суть* (Рим. 13, 2).

Не должно противиться власти, во благое, чтоб не согрешить пред Богом и не подвергнуться Его праведному наказанию: противляяйся власти, Божию повелению противляется; противляющиися же, себе грех приемлют.

Должно быть у начальника в повиновении: ибо послушливый чрез сие много к созиданию души преуспевает, кроме того, что он приобретает чрез сие понятие в вещах, и приходит в умиление.

20. О неосуждении ближнего

Не должно судить никого, хотя бы собственными очами видел кого согрешающим, или коснеющим в преступлении заповедей Божиих, по слову Божию: *не судите да не судими будете* (Мф. 7, 1), и паки: *ты кто еси судяй чуждему рабу? своему Господеви стоит или падает; станет же, силен бо есть Бог по-ставити его* (Рим. 14, 4).

Гораздо лучше всего приводить себе на память сии апостольские слова: *мняйся стояти да блюдется, да не падет* (1 Кор. 10, 12).

Ибо неизвестно, сколько времени мы можем в добродетели пребывать, как опытом сие дознавший Пророк

говорит: *Рех во обилии моем: не подвижуся во век. Отвратил же еси лице Твое, и бых смущен* (Пс. 29, 7, 8).

21. О прощении обид

За обиду, какая бы ни нанесена была, не токмо не должно отмщать, но напротив того должно еще прощать от сердца, хотя бы оно и противилось сему, и склонять его убеждением слова Божия: *аще не отпущаете человеком согрешения их, ни Отец ваш небесный отпустит вам согрешений ваших* (Мф. 6, 15), и паки: *молитеся за творящих вам напасть* (Мф. 5, 44).

Не должно питать в сердце злобы или ненависти к ближнему враждующему; но должно стараться любить его и, сколько можно, добро творить, следуя учению Господа нашего Иисуса Христа: *любите враги ваша, добро творите ненавидящим вас* (Мф. 5, 44).

Итак, если мы будем, сколько есть сил, стараться все сие исполнять, тогда можно надеяться, что рано воссияет свет Божественный в душах наших, открывающий нам путь к горнему Иерусалиму.

[Поревнуем возлюбленным Божиим; поревнуем кротости Давида, о котором преблагий и любоблагий Господь сказал: нашел Я мужа по сердцу Моему, который исполнит все хотения Мои. Так он говорит о Давиде незлопамятном и добром к врагам своим. И мы не будем делать ничего в отмщение брату нашему, дабы, как говорит преподобный Антиох, не было остановки во время молитвы. Закон велит заботиться об осле врага (Исх. 23,5). Об Иове свидетельствовал Бог, как о человеке незлобивом (Иов. 2, 3); Иосиф не мстил братиям, которые умыслили на него зло; Авель в простоте и без подозрения пошел с братом своим Каином. По свидетельству слова Божия, святые все жили в незлобии. Иеремия, беседуя с Богом (Иер. 18, 20), говорит о гнавшем его Израиле: *егда воздаются злая за благая? Помяни стоящего мя пред Тобою, еже глаголати за них благая* (Антиох, Слово 52).

Бог заповедал нам вражду только против змия, то есть против того, кто изначала обольстил человека и изгнал из рая — против человекоубийцы-диавола. Повелено нам враждовать и против Мадианитян, то есть против нечистых духов блуда и студодеяния, которые сеют в сердце нечистые и скверные помыслы.

Предел добродетели и мудрости есть бесхитростное действие с разумом.

Отчего мы осуждаем братии Своих? Оттого, что не стараемся познать самих себя. Кто занят познанием самого себя, тому некогда замечать за другими. Осуждай себя, и перестанешь осуждать других.

Осуждай дурное дело, а самого делающего не осуждай.

Самих себя должно нам считать грешнейшими всех и всякое дурное дело прощать ближнему, а ненавидеть только диавола, который прельстил его. Случается же, что нам кажется, другой делает худо, а в самом деле, по благому намерению делающего, это хорошо. Притом дверь покаяния всем отверста, и неизвестно, кто прежде войдет в нее — ты ли осуждающий или осуждаемый тобою.

Если осуждаешь ближнего, учит преподобный Антиох, то вместе с ним и ты осуждаешься в том же, в чем его осуждаешь. Судить или осуждать не нам надлежит, но единому Богу и Великому Судие, ведущему сердца наша и сокровенные страсти естества (Антиох, Слово 49).

Итак, возлюбленные, не будем наблюдать за чужими грехами и осуждать других, чтобы не услышать: *сынове человечестии, зубы их оружия и стрелы, и язык их меч остр* (Пс. 56, 5).

Ибо когда Господь оставит человека самому себе, тогда диавол готов стереть его, яко мельничный жернов зерно пшеничное.]

22. О попечении о душе

Человек по телу подобен зажженной свече. Она должна сгореть; так и он должен умереть. Но душа бессмертна, потому и попечение наше должно быть более о душе, нежели о теле: *кая бо польза человеку, аще приобрящет мир весь, и отщетит дущу свою* (Мк. 8, 36), [за которую, как известно, ничто в мире не может быть выкупом? Если одна душа сама по себе драгоценнее всего мира и царства мирского, то несравненно дороже царство небесное. Душу же почитаем драгоценнее всего по той причине, как говорит Макарий Великий, что Бог ни с чем не благоволил сообщиться и соединиться своим духовным естеством, ни с каким видимым созданием, но с одним человеком, которого возлюбил более всех тварей Своих (Макарий Великий. Слово о свободе ума, гл. 32).]

Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, Кирилл Александрийский, Амвросий Медиоланский и прочие от юности до конца жизни были девственники; вся их жизнь была обращена на попечение о душе, а не о теле. Так и нам все старание должно иметь о душе, тело же подкреплять для того только, чтобы оно способствовало к подкреплению духа.

Если самовольно изнурим свое тело до того, что изнурится и дух, то таковое удручение будет безрассудное, хотя бы сие делалось для снискания добродетели.

Буде же Господу Богу угодно будет, чтоб человек испытал на себе болезни, то Он же подаст ему и силу терпения.

Итак, пусть будут болезни не от нас самих, но от Бога.

23. Чем должно снабдевать душу?

Душу снабдевать надобно словом Божиим: ибо слово Божие, как говорит Григорий Богослов, есть хлеб ангельский, им же питаются души, Бога алчущие. Всего же более должно упражняться в чтении Нового Завета и Псалтири, что делать должно стоящему. От сего бывает просвещение в разуме, который изменяется изменением Божественным.

Надобно так себя приучить, чтобы ум как бы плавал в законе Господнем, которым руководствуясь, должно управлять жизнь свою.

Очень полезно заниматься чтением слова Божия в уединении, и прочитать всю Библию разумно. За одно таковое упражнение, кроме других добрых дел, Господь не оставляет человека Своею милостию, но исполняет его дара разумения.

Когда же человек снабдит душу свою словом Божиим, тогда исполняется разумением того, что есть добро и что есть зло.

Чтение слова Божия должно быть производимо в уединении, для того чтоб весь ум чтущего углублен был в истины Священного Писания и принимал от сего в себя теплоту, которая в уединении производит слезы; от сих человек согревается весь, и исполняется духовных дарований, услаждающих ум и сердце паче всякого слова.

Следует также снабдить душу и познаниями о Церкви, как она от начала и доселе сохраняется, что терпела она в то или другое время; знать же сие не для того, чтоб желать управлять людьми, но на случай могущих встретиться противностей.

Более же всего оное делать должно собственно для себя, чтоб приобрести мир душевный, по учению Псаломника: *мир много любящим закон Твой, Господи* (Пс. 118, 165).

24. О мире душевном

[Мир душевный приобретается скорбями. Писание говорит: *проидохом сквозь огнь и воду, и извел еси ны в покой* (Пс. 65, 12). Хотящим угодить Богу путь лежит сквозь многие скорби. Как ублажать нам святых мучеников за страдания, которые претерпели они ради Бога, когда мы не можем стерпеть и огневицы?]

Ничто же лучше есть во Христе мира, в нем же разрушается всякая брань воздушных и земных духов: *Несть*

бо наша брань к крови и плоти, но к началам и ко властем и к миродержителем тьмы века сего, к духовом злобы поднебесным (Еф. 6, 12).

Признак разумной души, когда человек погружает ум внутрь себя и имеет делание в сердце своем.

Тогда благодать Божия приосеняет его, и он бывает в мирном устроении, а посредством сего и в премирном: в мирном, то есть с совестью благою; в премирном же, ибо ум созерцает в себе благодать Святаго Духа, по слову Божию: *в мире место Его* (Пс. 75, 3).

Можно ли, видя солнце чувственными очами, не радоваться? Но сколько радостнее бывает, когда ум видит внутренним оком Солнце правды, Христа. Тогда воистину радуется радостию ангельскою; о сем-то и апостол сказал: наше житие на небесах есть (Флп. 3, 20).

Когда кто в мирном устроении ходит, тот как бы лжицею черпает духовные дары. Святые отцы, имея мирное устроение и будучи осеняемы благодатию Божиею, жили долго.

Когда человек приидет в мирное настроение, тогда может от себя и на прочих издавать свет просвещения разума; прежде же всего человеку надобно повторять сии слова пророчицы: *да не изыдет велеречие из уст ваших* (1 Цар. 2, 3), и слова Господни: лицемере! изми первее бревно из очесе твоего, и тогда узриши изъяти сучец из очесе брата твоего (Мф. 7, 5).

Сей мир, как некое бесценное сокровище, оставил Господь наш Иисус Христос ученикам Своим пред смертию Своею, глаголя: мир оставляю вам, мир Мой даю вам (Ин. 14,27). О нем также говорит и апостол: и мир Божий, превосходяй всяк ум, да соблюдет сердца ваша и разумения ваша о Христе Иисусе (Флп. 4, 7).

Итак, мы должны все свои мысли, желания и действия сосредоточивать к тому, чтобы получить мир Божий и с

Церковию всегда вопиять: Господи Боже наш! Мир даждь нам (Ис. 26, 12).

25. О сохранении мира душевного

Всеми мерами надобно стараться, чтоб сохранить мир душевный и не возмущаться оскорблениями от других; для сего нужно всячески стараться удерживать гнев и посредством внимания ум и сердце соблюдать от непристойных движений.

И потому оскорбления от других переносить должно равнодушно, и приобучаться к такому расположению духа, как бы их оскорбления не до нас, а до других касались. Таковое упражнение может доставить человеческому сердцу тишину и соделать оное обителию для Самого Бога.

Образ такового безгневия мы видим на Григории чудотворце, с которого в публичном месте жена некая блудница просила мзды, аки бы за содеянный с нею грех; а он, на нее нимало не разгневавшись, кротко сказал некоему своему другу: даждь скоро ей цену, колико требует. Жена только что приняла неправедную мзду, подверглась нападению беса; святый же от-гнал от нее беса молитвою (Чет.-Мин., ноября 17, в житии его).

Ежели же невозможно, чтобы не возмутиться, то по крайней мере надобно стараться удерживать язык, по Псаломнику: *смятохся и не глаголах* (Пс. 76, 5). В сем случае можем в образец себе взять святителя Спиридона Три мифу нтского и преподобного Ефрема Сирина. Первый (Чет.-Мин., 12 декабря, в житии его) так перенес оскорбление: когда, по требованию царя греческого, входил он во дворец, то некто из слуг, в палате царской бывших, сочтя его за нищего, рассмеялся над ним, не пускал его в палату, а потом ударил и в ланиту: святитель Спиридон, будучи незлобив, по слову Господню, обратил ему и другую (Мф. 5, 39). Преподобный Ефрем (Чет.-Мин., января 28, в житии его), постясь в пустыне, лишен был учеником пищи таким образом: ученик, неся ему пищу, сокрушил на пути, не хотя, сосуд. Преподобный, увидев

печального ученика, сказал к нему: не скорби, брате, аще бо не восхоте прийти к нам пища, то мы пойдем к ней; и пошел, сел при сокрушенном сосуде и, собирая снедь, вкушал ее: так был он безгневен.

А каким образом побеждать гнев, сие можно видеть из жития великого Паисия (Чет.-Мин., июня 19, в житии его), который явившегося ему Господа Иисуса Христа просил, дабы Он освободил его от гнева; и рече ему Христос: *аще гнев и ярость купно победити хощеши, ничесоже возжелай, ни возненавиди кого, ни уничижи.*

Дабы сохранить мир душевный, должно отдалять от себя уныние и стараться иметь радостный дух, а не печальный, по слову Сираха: *Печаль бо многих уби и несть пользы в ней* (Сир. 30, 25).

Когда человек имеет большой недостаток в потребных для тела вещах, то трудно победить уныние. Но сие, конечно, к слабым душам относить должно.

Для сохранения мира душевного также всячески должно избегать осуждения других. Неосуждением и молчанием сохраняется мир душевный: когда в таком устроении бывает человек, то получает Божественные откровения.

Чтобы избавиться осуждения, должно внимать себе, ни от кого не принимать посторонних мыслей и быть ко всему мертву.

К сохранению душевного мира надобно чаще входить в себя и спрашивать: где я? При сем должно наблюдать, чтобы телесные чувства, особенно зрение, служили для внутреннего человека и не развлекали душу чувственными предметами: ибо благодатные дарования получают токмо те, кои имеют внутреннее делание и бдят о душах своих.

26. О хранении сердца

Мы неусыпно должны хранить сердце свое от непристойных помыслов и впечатлений, по слову Приточника:

Всяцем хранением блюди твое сердце, от сих бо исходища живота (Притч. 4, 23).

От всегдашнего хранения сердца рождается в нем чистота, в которой зрится Господь по уверению Истины вечныя: *Блажени чистии сердцем: яко тии Бога узрят* (Мф. 5,8).

Что втекло в сердце лучшего, того мы без надобности выливать не должны: ибо тогда только собранное может быть в безопасности от видимых и невидимых врагов, когда оно хранится во внутренности сердца. [Не всем открывай тайны сердца твоего.]

Сердце тогда только кипит, будучи возжигаемо огнем Божественным, когда в нем есть вода живая; когда же сия выльется, то оно хладеет, и человек замерзает.

27. О распознавании действий сердечных

Когда человек приимет что-либо Божественное, то в сердце радуется; а когда диавольское, то смущается.

Сердце христианское, приняв что-либо Божественное, не требует еще другого со стороны убеждения в том, точно ли сие от Господа; но самым тем действием убеждается, что оно небесное: ибо ощущает в себе плоды духовные, *любы, радость, мир* и проч. (Гал. 5, 22).

Напротив же, хотя бы диавол преобразился и *во ангела светла* (2 Кор. 11, 14), или представлял мысли благовидные; однако сердце все чувствует какую-то неясность и волнение в мыслях. Что объясняя святой Макарий Египетский говорит: *хотя* (сатана) *и светлые видения представлял, благого обаче действия подати отнюдь не возможет: чрез что и известный знак его дел бывает* (Макарий Великий, Слово 4, гл. 13).

Итак, из сих разнообразных действий сердечных может человек познать, что есть Божественное и что диавольское, как о сем пишет святитель Григорий Синаит: *от действа убо возможети познати возсиявый свет в душе твоей, Божий ли есть или сатанин* (Добротолюбие, ч. 1, л. 96 О безмолвии).

28. О свете Христовом

Дабы приять и узреть в сердце свет Христов, надобно, сколько можно, отвлечь себя от видимых предметов. Предочистив душу покаянием и добрыми делами, и с верою в Распятого, закрыв телесные очи, погрузить ум внутрь сердца, где вопиять призыванием имени Господа нашего Иисуса Христа; и тогда по мере усердия и горячности духа к возлюбленному находит человек в призываемом имени услаждение, которое возбуждает желание искать высшего просвещения.

Когда через таковое упражнение укоснит ум в сердце, тогда возсиявает свет Христов, освещая храмину души своим Божественным осиянием, как говорит пророк Малахия: *и воссияет вам боящимся имене Моего солнце правды* (Мал. 4, 2). Сей свет есть купно и жизнь по евангельскому слову: *в том живот бе, и живот бе свет человеком* (Ин. 1, 4).

Когда человек созерцает внутренне свет вечный, тогда ум его бывает чист и не имеет в себе никаких чувственных представлений, но весь будучи углублен в созерцание несозданной доброты, забывает все чувственное, не хочет зреть и себя, но желает скрыться в сердце земли, только бы не лишиться сего истинного блага — Бога.

29. О помыслах и плотских движениях

[Мы должны стараться быть свободными от помыслов нечистых, особенно, когда приносим молитву Богу. Ибо нет единения между смрадом и благовонием.

Для сего нужно отражать первое нападение греховных помыслов и движений и рассевать их от земли сердца нашего. Пока дети Вавилонские, то есть движения и помыслы злые, еще младенцы, должно разбивать и сокрушать их о камень, который есть Христос; особенно же нужно сокрушать следующие три страсти: чревоугодие, сребролюбие и тщеславие, которыми ухищрялся диавол искусить даже Самого Господа нашего Иисуса Христа в конце подвигов Его в пустыне.

Диавол, как лев, скрываясь в ограде своей (Пс. 9, 30), тайно расставляет нам сети нечистых и нечестивых помыслов. Итак, немедленно, как только увидим, надобно расторгать их посредством благочестивого размышления и молитвы.

Требуется подвиг и великая бдительность, чтобы во время псалмопения ум наш согласовался с сердцем и устами, дабы в молитве нашей к фимиаму не примешивалось зловоние. Ибо Господь гнушается сердцем с нечистыми помыслами. Закон говорит: *не ори юнцем и ослятем* (Втор. 22,10), то есть с помыслом чистым и нечистым не приноси молитвы.

Будем подражать Давиду, который говорит: *во утрия извивах вся грешныя земли, еже потребити от града Господня вся делающая беззаконие* (Пс. 100, 8). Законом запрещено было нечистому входить в дом Господа. Дом сей — мы, и Иерусалим внутри нас. Грешные земли суть кроющиеся в сердце нашем змиевидные помыслы. Будем и мы с ним взывать ко Господу: устрой душу мою от злодейства их (Пс. 34, 17); *расточи языки, хотящия бранем* (Пс. 67, 31), дабы и нам услышать: *в скорби призвал Мя еси, избавих тя* (Пс. 80, 8).

Будем непрестанно, день и ночь, со слезами повергать себя пред лицом благости Божией, да очистит Он сердца наши от всякого злого помышления, чтобы мы достойно могли проходить путь звания нашего и чистыми руками приносить Ему дары служения нашего.]

Ежели мы не согласны со влагаемыми от диавола злыми помышлениями, то мы добро творим.

Нечистый дух только на страстных имеет сильное влияние; а к очистившимся от страстей приражается только со стороны, или внешне.

Человеку в младых летах можно ли гореть и не возмущаться от плотских помыслов? Но должно молиться

Господу Богу, да потухнет искра порочных страстей при самом начале. Тогда не усилится в человеке пламень страстей.

30. О внимании к самому себе

Путь внимания проходящий не должен только одному сердцу своему верить, но должен сердечные свои действия и жизнь свою поверять с законом Божиим и с деятельною жизнию подвижников благочестия, которые таковой подвиг проходили. Сим средством удобнее можно и от лукавого избавиться , и истину яснее узреть.

Ум внимательного человека есть как бы поставленный страж, или неусыпный охранитель внутреннего Иерусалима. Стоя на высоте духовного созерцания, он смотрит оком чистоты на обходящие и приражающиеся к душе его противные силы, по Псаломнику: *и на враги моя воззре око мое* (Пс. 53, 9).

От ока его не скрыт диавол, *яко лев рыкая иский кого поглотити* (1 Пет. 5, 8), и те, которые напрягают лук свой *состреляти во мраце правым сердцем* (Пс. 10, 2).

[По учению святых отцов, при каждом человеке находятся два ангела: один добрый, другой злой. Ангел добрый тих, кроток и безмолвен. Когда он войдет в сердце человека, то говорит с ним о правде, чистоте, честности, спокойствии, о всяком благом деле и о всякой добродетели. Когда почувствуешь это в сердце твоем, очевидно, в тебе находится ангел правды. А дух лукавый острожелчен, жесток и безумен. Когда он войдет в сердце твое, то узнавай это по делам его (Антиох, Слово 61). Внимай себе, возлюбленный, говорит Исаак Сирин, и, при непрестанном делании, имей пред глазами и приключающиеся тебе скорби, и место пустыни, в которой живешь, и тонкость ума своего вместе с грубостию своего познания, и продолжительность безмолвия вместе со многими врачевствами, т.е. искушениями, какие наводятся на тебя то истинным Врачем ко здравию внутреннего человека, то иногда и бесами, и состоят иногда в болезнях и трудах телесных, иногда в ужасающих помышлениях души твоей и в

страшных напоминаниях о том, что будет при конце; иногда прививаются и обвязываются благодатная теплота и сладкие слезы и духовная радость и подобное. И теперь, во всех ли этих обстоятельствах совершенно видишь, что язва твоя начала подживать и закрываться, т.е. страсти стали ослабевать? Положи примету, и непрестанно входи сам в себя, и смотри, какие страсти, по твоему замечанию, изнемогли пред тобой, какие истребились и совершенно оставили тебя, какие начали умолкать вследствие выздоравливания души твоей, а не удаления только того, что возбуждало их, и какие научился ты одолевать разумом своим, а не одним лишением себя причин страсти. И еще внимай, совершенно ли видишь, что в гниющей язве твоей начала нарастать живая плоть, то есть мир душевный; и какие страсти преследуют тебя одна за другою последовательно и стремительно, и чрез какой промежуток времени; телесные ли или душевные это страсти, или сложные и смешанные, и проходят ли в памяти только как слабые, или сильно восстают на душу, и как восстают — властительски, или яко тать; как смотрит на них царь-ум, этот властитель чувств; вступает ли с ними в брань, когда выступят вперед и объявят войну, и доводит ли их до бессилия своею крепостью, или и видя не видит их и вовсе и не занимается ими; и какие остались из старых страстей, и какие вновь образовались; притом, возникают ли страсти в живых образах, или в чувстве — без живых образов, и в памяти — без страстного движения, без размышления о них и без раздражения. И по этому можно узнавать меру душевного здравия (Исаак Сирин, Слово 45, л. 76 об.)]

А потому таковой человек, следуя учению Божественного Павла, принимает *вся оружия Божия, да возможет противитися в день лют* (Ефес. 6, 13), и сими оружиями, содействующей благодати Божией, отражает видимые приражения, и побеждает невидимых ратников.

Проходящий путь сей не должен внимать посторонним слухам, от которых голова может быть наполнена праздными и

суетными помыслами и воспоминаниями; но должен быть внимателен к себе.

Особенно на сем пути наблюдать должно, чтоб не обращаться на чужие дела, не мыслить и не говорить о них, по Псаломнику: *не возглаголют уста моя дел человеческих* (Пс. 16, 4), а молить Господа: *от тайных моих очисти мя и от чуждих пощади раба Твоего* (Пс. 18, 13, 14).

Чтобы сохранить внимание, надобно уединяться в себя, по глаголу Господню: *никогоже на пути целуйте* (Лк. 10, 4), т.е. без нужды не говорить, разве бежит кто за тобою, чтоб услышать от тебя полезное.

Встречающихся старцев или братию поклонами почитать, имея очи всегда заключены.

31. Против излишней попечительности

Излишнее попечение о вещах житейских свойственно человеку неверующему и малодушному. И горе нам, если мы, заботясь сами о себе, не утверждаемся надеждою нашею в Боге, пекущемся о нас! Если видимых благ, которыми в настоящем веке пользуемся, не относим к Нему, то как можем ожидать от Него тех благ, которые обещаны в будущем? Не будем такими маловерными, а лучше будем *искать прежде Царствия Божия, и сия вся приложится нам,* по слову Спасителя (Мф. 6, 33).

Лучше для нас презирать то, что не наше, то есть временное и преходящее, и желать нашего, то есть нетления и бессмертия. Ибо когда будем нетленны и бессмертны, тогда удостоимся видимого Богосозерцания, подобно апостолам при божественнейшем Преображении, и приобщимся превыше умного единения с Богом подобно небесным умам. Ибо будем подобны ангелам и сынами Божиими, *воскресения сынове суще* (Лк. 20, 36).

[Есть недуг, говорит Екклесиаст, *егоже видех под солнцем, богатство хранит от стяжателя во зло ему: и погибнет*

богатство оно в попечении лукавне: еси дние его во тме, и плаче, и в ярости мнозе, и в недузе, и в гневе (Еккл. 5, 12, 16).]

32. Об отречений от мира

Страх Божий приобретается тогда, когда человек, отрекшись от мира и от всего, что в мире, сосредоточит все свои мысли и чувства в одном представлении о законе Божием, и весь погрузится в созерцание Бога и в чувство обещанного святым блаженства.

Нельзя отречься от мира и прийти в состояние духовного созерцания, оставаясь в мире. Ибо доколе страсти не утишатся, нельзя стяжать мира душевного. Но страсти не утишаются, доколе нас окружают предметы, возбуждающие страсти. Чтобы прийти в совершенное бесстрастие и достигнуть совершенного безмолвия души, нужно много подвизаться в духовном размышлении и молитве. Но как возможно всецело и спокойно погружаться в созерцание Бога, и поучаться в законе Его, и всею душею возноситься к Нему в пламенной молитве, оставаясь среди неумолчного шума страстей, воюющих в мире? Мир во зле лежит.

Не освободясь от мира, душа не может любить Бога искренно. Ибо житейское, по словам преподобного Антиоха, для нее есть как покрывало.

Если мы, говорит тот же учитель, живем в чужом граде и наш град далеко от града сего, и если мы знаем град наш, то для чего мы медлим в чужом граде и в нем уготовляем себе поля и жилища? И како воспоем песнь Господню на земли чуждей? Мир сей есть область иного, то есть князя века сего (Слово 15).

33. О подвигах

Выше меры подвигов предпринимать не должно, а стараться, чтобы друг — плоть наша — был верен и способен к творению добродетелей.

Надобно идти средним путем, *не уклонятися ни на десно, ни на шуее* (Притч. 4, 27); и давать духу духовное, телу телесное, для поддержания временной жизни потребное, и жизни общественной ею законно требуемое, по словам Священного Писания: *воздадите кесарева кесари, и Божия Богови* (Мф. 22,21).

Должно снисходить душе своей в ее немощах и несовершенствах, и терпеть свои недостатки, как терпим других, но не облениться и побуждать себя к лучшему.

Употребил ли пищи много, или что другое подобное сему, сродное слабости человеческой сделал, не возмущайся сим, и не прилагай ко вреду вред; но мужественно подвигни себя ко исправлению, а между тем старайся сохранить мир душевный, по слову апостола: *блажен не осуждаяй себе, о нем же искушается* (Рим. 14, 22).

Тот же смысл заключают и слова Спасителя: *аще не обратитеся и будете яко дети, не внидете в Царство Небесное* (Мф. 18,3).

Тело, изможденное подвигами или болезнями, должно подкреплять умеренным сном, пищею и питием, не наблюдая даже и времени. Иисус Христос, по воскрешении дщери Иаировой от смерти, тут же *повелел дати ей ясти* (Лк. 8, 55).

Всякий успех в чем-либо мы должны относить ко Господу и с Пророком говорить: *не нам, Господи, не нам, но имени Твоему даждь славу* (Пс. 113, 9).

Лет до тридцати пяти, то есть до преполовения земной жизни, велик подвиг бывает человеку в сохранении себя, и многие в сии лета не устаивают в добродетели, но совращаются с правого пути к собственным пожеланиям, как о сем святитель Василий Великий свидетельствует (в Беседе на начало Притчей, с. 305): многие много собрали в юности, и посреде жития бывши, восставшим на них искушениям от духов лукавствия, не стерпели волнения; всего того лишились.

А потому, чтоб не испытать такового превращения, надобно поставить себя как бы на мериле испытания и внимательного за собою наблюдения, по учению святого Исаака Сирина: яко же на мериле, приличествует извесити коемуждо жительство свое (Слово 40. О молитве).

34. О покаянии

Желающему спастися всегда должно иметь сердце к покаянию расположенное и сокрушенное, по Псаломнику: *жертва Богу дух сокрушен, сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит* (Пс. 50, 19).

В каковом сокрушении духа человек удобно может безбедно проходить сквозь хитрые козни гордого диавола, коего все тщание состоит в том, чтоб возмутить дух человеческий и в возмущении посеять свои плевелы, по словеси евангельскому: *Господи, не доброе ли семя сеял еси на селе Твоем? Откуду убо имать плевелы? Он же рече им: враг человек сие сотвори* (Мф. 13,28).

Когда же человек старается в себе иметь сердце смиренное и мысль не возмущенную, но мирную, тогда все козни вражий бывают бездейственны; ибо где мир помыслов, там почивает Сам Господь Бог — *в мире место Его* (Пс. 75, 3).

Начало покаяния происходит от страха Божия и внимания, как говорит святой мученик Вонифатий (Чет.-Мин., 19 декабря, в житии его): страх Божий отец есть внимания, а внимание — матерь внутреннего покоя, той же рождает совесть, которая сие творит, да душа, якоже в некоей воде чистой и невозмущенной, свою зрит некрасоту, и тако рождаются начатки и корения покаяния.

Мы во всю жизнь свою грехопадениями своими много или мало оскорбляем величество Божие, а потому и должны всегда смиряться пред Ним, прося оставления долгов наших.

Вопрос. Можно ли облагодатствованному человеку по падении восстать?

Ответ. Можно, по Псаломнику: *превратихся пасти, и Господь прият мя* (Пс. 117, 13); ибо когда Нафан пророк обличал Давида во грехе его, то он, покаявшись, тут же получил прощение (2 Цар. 12,13).

К сему примером служит и пустынник оный, который, пошедши за водой, на источнике пал ея в грех с женою и, возвратясь в келлию, сознав свое согрешение, паки начал провождать жизнь подвижническую, как и прежде, не вняв советам врага, представлявшего ему тяжесть греха и отводившего его от подвижнической жизни. О сем случае Бог открыл некоему отцу, и велел падшего в грех брата ублажить за таковую победу над диаволом.

[Когда мы искренно каемся во грехах наших и обращаемся ко Господу нашему Иисусу Христу всем сердцем нашим, Он радуется нам, учреждает праздник и созывает на него любезные Ему Силы, показывая им драхму, которую Он обрел паки, то есть царский образ Свой и подобие. Возложив на рамена заблудшую овцу, Он приводит ее ко Отцу Своему. В жилище всех веселящихся Бог водворяет и душу покаявшегося вместе с теми, которые не отбегали от Него.

Итак, невознерадим обращаться к благоутробному Владыке нашему скоро, и не предадимся беспечности и отчаянию, ради тяжких и бесчисленных грехов наших. Отчаяние есть совершеннейшая радость диаволу. Оно есть грех к смерти, как гласит Писание (1 Ин. 5, 16; Ант. Сл. 77). «Аще не предашься унынию и нерадению, — говорит Варсонофий, — то имаши почудитися и прославити Бога, как Он применяет тя от еже небыти во еже быти» (то есть из грешника в праведника, ответ 114).

Покаяние во грехе между прочим состоит в том, чтобы не делать его опять.

Как всякой болезни есть врачевание, так и всякому греху есть покаяние.

Итак, несомненно приступай к покаянию — и оно будет ходатайствовать за тебя пред Богом. Непрестанно твори сию молитву преподобного Антиоха: *Дерзая, Владыко, на бездну благоутробия Твоего, приношу Тебе от скверных уст и нечистых устен молитву сию: помяни, яко призвася на мне имя святое Твое, и искупил мя еси ценою крове Твоея, яко запечатлел мя еси обручением Святаго Духа Твоего, и возвел мя еси от глубины беззаконий моих; да не похитит мя враг. Иисусе Христе, заступи мя и буди ми помощник крепкий в брани, яко раб есмь похоти и воюем от нея. Но Ты, Господи, не остави мя на земли повержена во осуждении дел моих: свободи мя, Владыко, лукавого рабства миродержителя и усвой мя в заповедех Твоих. Путь живота моего, Христе мой, и свет очей моих — лице Твое. Боже, Владыко и Господи, возношения очей моих не даждь ми, и похоть злую отстави от мене; заступи мя рукою Твоею святою. Пожелания и похотствования да не объимут мя, и душе безстыдней не предаждь мене. Просвети во мне свет лица Твоего, Господи, да не объимет мене тма, и ходящий в ней да не похитят мя. Не предаждь, Господи, зверем невидимым душу исповедающуюся Тебе. Не попусти, Господи, уязвитися рабу Твоему от псов чуждих. Приятелище Святаго Духа Твоего бытимя сподоби, и дом Христа Твоего, Отче Святый, созижди мя. Путеводителю заблуждших, путеводствуй мя, да неуклонюся в шуяя. Лице Твое, Господи, видети вожделех. Боже, светом лица Твоего путеводи мя. Источник слез даруй ми, рабу Твоему, и росу Святаго Духа даждъ созданию Твоему, да не изсохну яко смоковница, юже Ты проклял еси: и да будут слезы питием моим, и молитва моя пищею. Обрати, Господи, плач мой в радость мне, и приими мя в вечныя Твоя скинии. Да постигнет мя милость Твоя, Господи, и щедроты Твоя да объимут мя, и отпусти вся грехи моя. Ты бо еси Бог истинный, отпущаяй беззакония. И не попусти, Господи, посрамитися делу рук Твоих по множеству*

беззаконий моих, но воззови мя, Владыко, единородным Твоим Сыном, Спасителем нашим. И воздвигни мя лежащего, яко Левию мытаря, и оживотвори мя грехми умерщвленного, яко сына вдовицы. Ты бо един еси Воскресение мертвых, и Тебе слава подобает во веки. Аминь. (Антиох, Слово 77).]

35. О посте

[Пост состоит не в том только, чтобы есть редко, но в том, чтобы есть мало; и не в том, чтобы есть однажды, но в том, чтобы не есть много. Неразумен тот постник, который дожидается определенного часа, а в час трапезы весь предается ненасытному вкушению и телом и умом.

В рассуждении пищи должно наблюдать и то, чтобы не разбирать между снедями вкусными и невкусными. Это дело, свойственное животным, в разумном человеке не достойно похвал. Отказываемся же мы от приятной пищи для того, чтобы усмирить воюющие члены плоти и дать свободу действиям духа.

Истинный пост состоит не в одном изнурении плоти, но и в том, чтобы ту часть хлеба, которую ты сам хотел бы съесть, отдать алчущему. *Блажени алчущий, яко тии насытятся* (Мф. 5, 6). Подвигоположник и Спаситель наш Господь Иисус Христос, пред выступлением на подвиг искупления рода человеческого, укрепил Себя продолжительным постом. И все подвижники, начиная работать Господу, вооружали себя постом и не иначе вступали на путь крестный, как в подвиге поста. Самые успехи в подвижничестве измеряли они успехами в посте. К строгому посту святые люди приступали не вдруг, делаясь постепенно и мало-помалу способными довольствоваться самою скудною пищею. Преподобный Дорофей, приучая ученика своего Досифея к посту, постепенно отнимал от стола его по малой части, так что от четырех фунтов меру его ежедневной пищи низвел наконец до восьми лотов хлеба.

При всем том святые постники, к удивлению других, не знали расслабления, но всегда были бодры, сильны и готовы к делу. Болезни между ними были редки и жизнь их текла чрезвычайно продолжительно.

В той мере, как плоть постящегося становится тонкою и легкою, духовная жизнь приходит в совершенство и открывает себя чудными явлениями. Тогда дух совершает свои действия как бы в бестелесном теле. Внешние чувства точно закрываются, и ум, отрешаясь от земли, возносится к небу и всецело погружается в созерцание мира духовного.

Однакож не всякий сможет наложить на себя строгое правило воздержания во всем, или лишить себя всего, что может служить к облегчению немощей. *Могий же вместити да вместит* (Мф. 19, 12).]

Пищи употреблять должно каждый день столько, чтоб тело, укрепясь, было другом и помощником душе в совершении добродетели; а иначе может быть то, что, изнемогшу телу, и душа ослабевает.

По пятницам и средам, особенно же в четыре поста, пищу употребляй один раз в день, и ангел Господень прилепится к тебе.

36. О бодрствовлнии противу искушений

Надобно быть по приличию и потребности иногда младенцем, а иногда львом, особенно сим последним тогда, когда противу нас восстают страсти или лукавые духи; потому что *несть наша брань к крови и плоти, но к началом и ко властем и к миродержителем тмы века сего, духовом злобы поднебесным* (Еф. 6, 12).

Мы всегда должны быть внимательны к нападениям диавола; ибо можем ли надеяться, чтоб он оставил нас без искушения, когда не оставил Самого Подвигоположника нашего и Начальника веры и Совершителя Господа Иисуса

Христа? Сам Господь апостолу Петру сказал/ *Симоне! Симоне! се сатана просит вас, дабы сеял, яко пшеницу* (Лк. 22, 31).

Итак, мы должны всегда во смирении призывать Господа и молить, да не попустит на нас быти искушению выше силы нашея; но да избавит нас от лукавого.

Ибо когда Господь оставит человека самому себе, тогда диавол готов стереть его, яко мельничный жернов пшеничное зерно.

37. Об уединении и молчании

Паче всего должно украшать себя молчанием; ибо Амвросий Медиоланский говорит: молчанием многих видел я спасающихся, многоглаголанием же ни одного. И паки некто из отцов говорит, что молчание есть таинство будущего века, словеса же орудие суть мира сего (Добротолюбие, иноков Калли-ста и Игнатия, ч. 2, л. 54).

Ты только сиди в келлии во внимании и молчании и всеми мерами старайся приблизить себя ко Господу, а Господь готов сделать тебя из человека ангелом: *на кого бо,* говорит, *воззрю; токмо на кроткого и молчаливого, и трепещущего словес Моих* (Ис. 66,2).

Когда мы в молчании пребываем, тогда враг-диавол ничего не успевает относительно к потаенному сердца человеку: сие же должно разуметь о молчании в разуме.

Проходящий таковой подвиг должен все упование свое возложить на Господа Бога, по учению апостола: *всю печаль вашу возверзите нань, яко Той печется о вас* (1 Пет. 5, 7).

Оный должен быть постоянен в сем подвиге, последуя в сем случае примеру святого Иоанна молчальника и пустынника (Чет.-Мин., декабря 3, в житии его), который в прохождении пути сего утверждался сими божественными словами: *не имам тебе оставити, ниже имам от тебе отступити* (Евр. 13, 5).

Ежели не всегда можно пребывать в уединении и молчании, живя в монастыре и занимаясь возложенными от настоятеля послушаниями, то хотя некоторое время, оставшееся от послушания, должно посвящать на уединение и молчание, а за сие малое не оставит Господь Бог ниспослать благодатную Свою милость.

От уединения и молчания рождаются умиление и кротость; действие сей последней в сердце человеческом можно уподобить воде оной тихой Силоамской, которая течет без шума и звука, как говорит о ней пророк Исайя: *воды Силоамли теку-щия тисе* (Ис. 8, 6).

Пребывание в келлии в молчании, упражнении, молитве и поучении день и нощь закону Божию делает человека благочестивым; ибо, по словам святых отец, келлия инока есть пещь Вавилонская, в ней же трие отроцы Сына Божия обретоша (Добротолюбие, ч. 3, Петр Дамаскин, кн. 1, с. 58).

38. О безмолвии

[Преподобный Варсонофий учит: доколе на море — корабль терпит беды и приражения ветров; а когда достигнет пристанища тихого и мирного, уже не боится бед и скорбей и приражения ветров, но остается в тиши. Так и ты, монах, доколе остаешься с людьми, ожидай скорбей и бед и приражений мысленных ветров; а когда в безмолвие вступишь, бояться тебе нечего (Варсонофий, ответ 8, 9)].

Совершенное безмолвие есть крест, на котором должен человек распять себя со всеми страстьми и похотьми. Но подумай, Владыка наш Христос сколько наперед претерпел поношений и оскорблений, и потом уже восшел на крест. Так и нам нельзя прийти в совершенное безмолвие и надеяться святого совершенства, если не постраждем со Христом. Ибо, говорит апостол, *аще* с *Ним страждем, с Ним и прославимся.* Другого пути нет (Варсонофий, ответ 342).

Пришедший в безмолвие должен непременно помнить, зачем пришел, чтобы не уклонилось сердце его к чему-либо другому.

39. О жизни деятельной и умозрительной

Человек состоит из души и тела, а потому и путь жизни его должен состоять из действий телесных и душевных — из деяния и умосозерцания.

Путь деятельной жизни составляют: пост, воздержание, бдение, коленопреклонение, молитва и прочие телесные подвиги, составляющие тесный путь и прискорбный, который, по слову Божию, *вводит в живот вечный* (Мф. 7, 14).

Путь умосозерцательной жизни состоит в возношении ума ко Господу Богу, в сердечном внимании, умной молитве и созерцании чрез таковые упражнения вещей духовных.

Всякому, желающему проходить жизнь духовную, должно начинать от деятельной жизни, а потом уже приходить и в умосозерцательную: ибо без деятельной жизни в умосозерцательную прийти невозможно.

Деятельная жизнь служит к очищению нас от греховных страстей и возводит нас на степень деятельного совершенства; а тем самым пролагает нам путь к умосозерцательной жизни. Ибо одни токмо очистившиеся от страстей и совершенные к оной жизни приступать могут, как сие видеть можно из слов Священного Писания: *блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят* (Мф. 5, 8), и из слов святого Григория Богослова (в Слове на Святую Пасху): к созерцанию безопасно могут приступать только совершеннейшие по своей опытности.

[Так и Церковь, ублажая Святителя Николая, воспевает: молчаньми прежде и бореньми с помыслы, деянию Богомыслие приложил еси, Богомыслием же разум совершен стяжал еси, имже дерзновенно с Богом и Ангелы беседовал еси (Акафист святителю Николаю. Кондак 10).]

К умосозерцательной жизни приступать должно со страхом и трепетом, с сокрушением сердца и смирением, со многим испытанием Святых Писаний, и, если можно найти, под руководством какого-либо искусного старца; а не с дерзостию и самочинием: дерзай бо и презорливый, по словам Григория Синаита (О прелести и о иных многих предлогах. Добротолюбие, ч.1, л. 95), паче достоинства своего взыскав с кичением, понуждается до того прежде времени доспети. И паки: аще мечтается кто мнением высокая достигнути, желание сатанино, а не истину стяжав, сего диавол своими мрежами удобь уловля-ет, яко своего слугу.

Если же не можно найти наставника, могущего руководствовать к умосозерцательной жизни, то в таком случае должно руководствоваться Священным Писанием, ибо Сам Господь повелевает нам учиться от Священного Писания, глаголя: *испытайте Писания, яко вымните имети в них живот вечный* (Ин. 5, 39).

Также должно тщиться прочитывать отеческие писания и стараться, сколько можно, по силе исполнять то, чему научают оные, и таким образом мало-помалу от деятельной жизни восходить к совершенству умосозерцательной.

Ибо по словам святого Григория Богослова (Слово на Святую Пасху), самое лучшее дело, когда мы каждый сам собою достигаем совершенства и приносим призывающему нас Богу жертву живую, святую и всегда и во всем освящаемую.

Не должно оставлять деятельную жизнь и тогда, когда бы в ней человек имел преспеяние и пришел бы уже в умосозерцательную, ибо она содействует умосозерцательной жизни и ее возвышает.

Проходя путь внутренней и умосозерцательной жизни, не должно ослабевать и оставлять оного потому, что люди, прилепившиеся ко внешности и чувственности, поражают нас противностию своих мнений в самое чувство сердечное и

всячески стараются отвлечь нас от прохождения внутреннего пути, поставляя нам на оном различные препятствия: ибо, по мнению учителей церковных (Блаженного Феодорита толкование на Песнь песней, лист 84), умосозерцание вещей духовных предпочитается познанию вещей чувственных. А потому никакими противностями в прохождении сего пути колебаться не должно, утверждаясь в сем случае на слове Божием: *страха же их не убоимся, ниже смутимся: яко с нами Бог. Господа Бога нашего освятим* в сердечной памяти Его Божественного имене и исполнения воли Его, *и Той будет нам в страх* (Ис. 8, 12, 13).

40. Наставление новоначальному иноку

По совету ли, или по власти других, или каким бы то ни было образом пришел ты в сию обитель, не унывай: посещение Божие есть. Аще соблюдеши, яже тебе сказано, спасешися сам и присные твои, о которых заботишься: *не видех,* глаголет Пророк, *праведника оставлена, ниже семене его* (Пс. 36,25). Живя же в сей обители, сие соблюдай: стоя в церкви, внимай всему без упущения, узнавай весь церковный порядок, то есть вечерню, повечерие, полунощницу, утреню, часы, выучись содержать в разуме.

Если находишься в келлии, не имея рукоделия, всячески прилежи чтению, а наипаче Псалтири; старайся каждую статью прочитывать многократно, дабы содержать все в разуме. Если есть рукоделие, занимайся оным; если зовут на послушание, иди на оное. За рукоделием, или будучи где-либо на послушании, твори беспрестанно молитву: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго. В молитве внемли себе, то есть ум собери и соединять с душею. Сначала день, два и множае твори молитву сию одним умом, раздельно, внимая каждому особо слову. Потом, когда Господь согреет сердце твое теплотою благодати Своея, и соединит в тебе оную в един дух, — тогда потечет в тебе молитва оная беспрестанно, и всегда будет с тобою, наслаждая и питая тебя. Сие-то самое есть реченное пророком Исаиею: *роса бо, яже от Тебе, исцеление им есть* (Ис. 26, 19). Когда же будешь содержать в себе сию

пищу душевную, т.е. беседу с Самим Господом, то зачем ходить по келлиям братии, хотя кем и будешь призываем? Истинно сказую тебе, что празднословие сие есть и празднолюбие. Аще себя не понимаешь, то можешь ли рассуждать о чем и других учить? Молчи, беспрестанно молчи, помни всегда присутствие Божие и имя Его. Ни с кем не вступай в разговор; но всячески блюдись осуждать много разговаривающих, или смеющихся. Будь в сем случае глух и нем, что бы о тебе ни говорили, пропускай мимо ушей. В пример себе взять можешь Стефана Нового (Чет.-Мин., 28 ноября, в житии его), которого молитва была непрестанна, нрав кроток, уста молчаливы, сердце смиренно, дух умилен, тело с душею чисто, девство непорочно, нищета истинная и нестяжание его было безропотно, повиновение тщательное, делание терпеливо и труд усерден.

Сидя за трапезой, не смотри и не осуждай, кто сколько ест, но внимай себе, питая душу молитвою. За обедом ешь довольно, за ужином повоздержись. В среду и пяток, аще можешь, вкушай пооднажды. Каждый день непрестанно в нощи спи четыре часа: 10-й, 11-й и 12-й, и час за полунощь; аще изнеможешь, можно вдобавок днем спать. Сие держи несомненно до кончины жизни: ибо оно нужно для успокоения головы твоей.

И я с молодых лет держал таковой путь. Мы и Господа Бога всегда просим о упокоении себя в нощное время. Аще тако будешь хранить себя, то не будешь унылъ, но здрав и весел.

Сказую тебе истинно, аще тако будешь вести себя, то неисходно пребудешь в обители до скончания твоего. Смиряйся, и Господь поможет тебе, *и изведет яко свет правду твою, и судьбу твою яко полудне* (Пс. 36, 6), *и просветится свет* твой *пред человеки* (Мф. 5, 16).

41. Ответ одному брату, тревовавшему настлвления к прохождению пустынной жизни

Один инок, когда намерен был удалиться в пустыню, пришел к отцу Серафиму, в пустыне живущему, вопросил его: как отче, другие говорят, что удаление из общежительства в пустыню есть фарисейство и что таковым применением делается пренебрежение братии или еще осуждение оной? Отец Серафим на сие отвечал: не наше дело судить других, и удаляемся мы из числа братства не из ненависти к ним, а для того более, что мы приняли и носим на себе чин ангельский, которому не вместительно быть там, где словом и делом прогневляется Господь Бог. И потому мы, отлучаяся от братства, удаляемся только от слышания и видения того, что противно заповедям Бо-жиим, что во множестве братии случается. Мы бегаем не людей, которые с нами одного естества и носят одно и то же имя Христово; но пороков, ими творимых, как и великому Арсению сказано было: бегай людей, и спасешися (Чет.-Мин., 8 мая).

Одному иноку благословлено было от настоятеля начать пустынническую жизнь, и настоятель сам писал к отцу Серафиму, чтобы принял того инока и наказал бы его в духовной жизни, так, как сам себя. С каковым писанием инок оный когда пришел к старцу Серафиму, то он принял его весьма ласково, и не так далеко от своей келлии благословил построить ему другую. Когда же инок оный начал требовать у него наставления, то он ему от глубочайшего смирения сказал, что я-де и сам ничего не знаю, и напомянул ему слова Спасителя: *научитеся от Мене, яко кроток и смирен сердцем: и обрящете покой душам вашим* (Мф. 11,29); потом присовокупил: по разуму святого Иоанна Лествичника, не от ангела или человека, но от Самого Господа мы должны научаться.

42. Каков должен быть настоятель?

Настоятель должен быть совершен во всякой добродетели и душевные свои чувства иметь *обучена долгим учением в рассуждение добра и зла* (Евр. 5, 14).

Настоятель должен быть искусен в Священном Писании; он день и нощь должен поучаться в законе Господнем; чрез таковые упражнения может он снискать себе дар рассуждения добра и зла.

Истинное познание добра и зла только можно иметь тогда, когда подвижник благочестия придет в сочувствие будущего осуждения и предвкушения вечного блаженства, что совершается в душе благочестивой еще в здешней земной жизни таинственным и духовным образом.

Прежде рассуждения добра и зла человек не способен пасти словесных овец, но разве бессловесных; потому что без познания добра и зла мы действий лукавого постигать не можем.

А потому настоятель, яко пастырь словесных овец, и должен иметь дар рассуждения, дабы во всяком случае мог давать полезные советы каждому требующему его наставления: ибо, как говорит Петр Дамаскин (Добротолюбие, Петра Дамаски-на. О назидании души добродетельми. Ч. 3, л. 52), несть всякий человек верен дати совет ищущим; но кто от Бога прием дар рассуждения и от многого пребывания в подвижничестве стя-жа ум прозрителен.

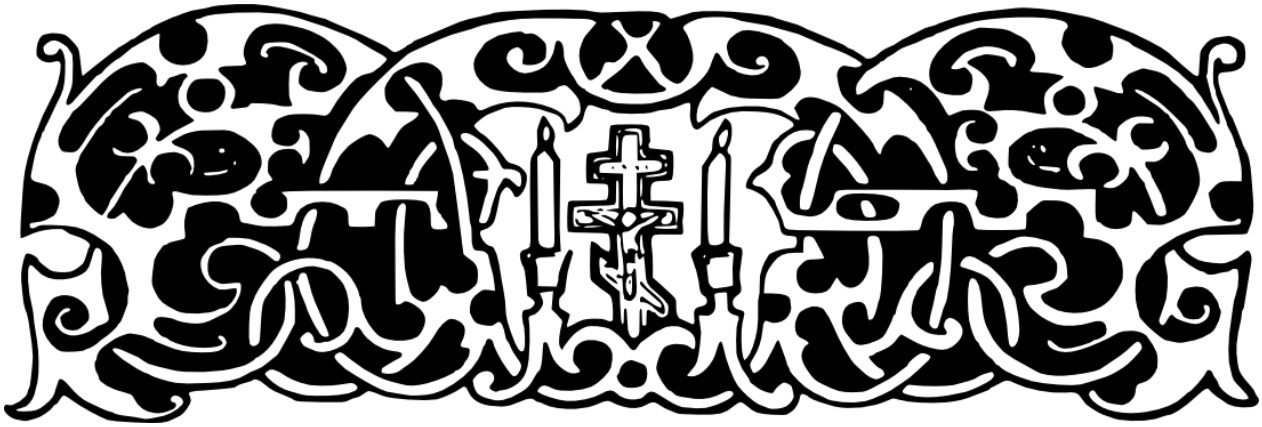
Настоятелю должно также иметь дар проницательности, дабы из соображения вещей настоящих и прошедших он мог предусматривать и будущие, и проразумевать козни вражий.

Отличительным характером настоятеля должна быть любовь его к своим подчиненным: истинного бо пастыря, по словам Иоанна Лествичника, показует любовь его к своему стаду. Ибо любовь принудила распяться на кресте Верховного Пастыря (В книге к пастырю, гл. 5, л. 178).

43. Наставление настоятелю, как управлять братиею

Некоторый настоятель, быв по случаю в Саровской пустыни, при встрече с отцом Серафимом просил у него совета, как управлять братиею. Отец Серафим дал ему следующее наставление: Всякий настоятель да сделается и пребудет всегда в отношении к подчиненным благоразумною матерью.

Чадолюбивая матерь не в свое угождение живет, но в угождение детей. Немощи немощных чад сносит с любовию; в нечистоту впадших очищает, омывает тихо мирно, облачает в ризы белые и новые, обувает, согревает, питает, промышляет, утешает и со всех сторон старается дух их покоить так, чтоб никогда не слышать ей малейшего их вопля, и таковые чада бывают благорасположены к матери своей. Так всякий настоятель должен жить не в свое угождение, но в угождение подчиненных, должен к слабостям их быть снисходителен, немощи немощных несть с любовию, болезни греховные врачевать пластырем милосердия, падших преступлениями подымать с кро-тостию, замаравшихся скверною какого-либо порока очищать тихо и омывать их возложением на них поста и молитв сверх определенных обще для всех; одевать учением и примерною жизнию своею в одежды добродетелей, непрестанно бдеть о них, всеми способами утешать их, и со всех сторон ограждать мир их и покой так, чтобы никогда не было слышно ни малейшего их вопля, ниже ропота; и тогда они с ревностию будут стремиться, чтобы доставить мир и покой настоятелю.



ПРОРОЧЕСТВА ПРЕПОДОБНОГО СЕРАФИМА САРОВСКОГО

I. Об устроении Дивеевской Лавры

1. Благословение Пресвятой Богородицы

"Послушай, радость моя! — продолжал отец Серафим ("да так-то сладостно, хорошо", — прибавляла Ксения), — я тебе открою тайну, только смотри, умолчи ее до времени. Сама Божия Матерь ведь избрала это место! А чего Царица-то Небесная не возможет; все будет у Ней! Вот она приказала мне, убогому Серафиму, поставить мельницу для девушек в два постава, чтобы она вечно кормила бы их. Потом благословила Матерь-то Божия и церковь им свою выстроить, матушка! Во, радость моя, благодать-то у нас какая: и мельница, и церковь, и земля, и все, все свое у нас будет! Это я тебе только говорю, а ты умолчи до времени". Ксения хотя и слушала батюшку, но странно показалось ей, как все это может возникнуть, когда ничего нет у обители и сама земля — чужая кругом. Тогда отец Серафим, провидя ее мысли, взял за руку, потрясая ее, и произнес: "Ведь вот ты какая! Говоришь, что любишь меня, а усумнилась и не веришь убогому Серафиму! Поверь, поверь мне, матушка, все это совершится!" Вид отца Серафима при этом был чудесен, привлекателен и весьма вдруг просветлел…(Летопись. С. 174.)

Старица Домна Фоминишна (впоследствии монахиня Дорофея) сообщила следующее (Летопись № 6, рассказ № 38): "Я

пришла, — говорила она, — по благословению батюшки Серафима в Дивеев на мельницу. Старшая Прасковья Степановна приняла меня; тут было уже двенадцать сестер, я — тринадцатая. Ничего еще не имея, жили мы все в одной келлейке; потом постепенно выстроил нам батюшка еще келлию, под названием больничной; после еще две келлии, а сестры-то все поступали да прибывали, и приказал нам батюшка, кроме этих четырех, еще выстроить большую келлию, сказав: "В ней госпожа будет жить!" Мы все так и думали, что в нее приедет к нам жить какая-либо высокородная госпожа-барыня, но все нет да нет никого. Так наконец и скончался наш батюшка, а по кончине его принесли к нам по завету батюшки и прямо в эту келлию и поставили чудотворную икону его — Умиления Божией Матери, "Всех радостей радость", как он ее всегда называл, пред которой на коленочках во время молитвы и отошел, словно будто и не умер. Стал этот корпус наш трапезою, и тут только поняли мы все, о какой Высокой Госпоже предрекал наш батюшка! И все служили мы Ей, потому что пред Нею всегда, не переставая, читались акафисты! Так-то вот, все, все знал батюшка, все было ему открыто, и по вере к нему собирались мы жить все равно, *что на нет — ничего;* было одно лишь голое поле, да и то чужое, а к смерти-то батюшкиной явились у нас и келлии, и корпуса, и церковь, и канавка, и земля своя, а по кончине-то его пришла Сама Матерь Божия и поселилась жить у нас! Теперь вот 1887 год, и дожила я, как предрекал батюшка, и все совершилось, и чего-чего только нет-то у нас! И во сне тогда никому бы того не приснилось!

Сестра из дворян Ольга Михайловна Климова рассказывала (№ 60), что, имея послушание быть "лошадницею", она возила лес и дрова. Однажды отец Серафим дал ей тысячу рублей денег, говоря: "Это, матушка, на устройство и обзаведение у вас большой келлии, для Высокой Госпожи, которая жить будет у вас! Надо все приготовить для Нее; ты вот и смотри, матушка, чтоб у вас все было готово. А когда прибудет Она, то вы все и служите Ей, а

Глафира Васильевна пусть за Ней и походит". [...] Далее Ольга Михайловна прибавила: "И мне было чудно, какая же это Госпожа Великая поселится в нем с нами? Скончался батюшка, и покойный игумен Нифонт призвал к себе отца Павла, келейника батюшки, отдал ему икону чудотворную Царицы Небесной Умиления, перед которой отец Серафим всегда молился, и приказал отдать ее мельничным. "Она туда им надлежит?" — сказал игумен. Тогда разъяснились слова батюшки, когда принесли в новую, приготовленную для Госпожи Высокой, келлию Владычицу нашу. Все служили ей, а Глафира Васильевна, как сказал батюшка, действительно ходила за Нею. На иконе не было ризы в то время, а так любила Глафира Васильевна Царицу Небесную, что, бывало, нечем украсить, то цветов полевых нарвет, сплетет с молитвой венки, да и украсит. Все ночи на молитве перед Ней стояла, читая по тысяче молитв к Богородице и более".

Это показание Ольги Михайловны очень важно, ибо никто не знает и не помнит, как образ Умиления Божией Матери оказался в Дивееве; некоторые предполагали, что он невидимо перенесся сам и оказался на окне трапезной.

2. Соединение Казанской общины схимонахини Александры и мельничной общины преподобного Серафима в единую общину — 1842 г.

Старица Екатерина Егоровна (монахиня Евдокия) передала, что раз привела она к батюшке свою маленькую сестру и он благословил ее в монашество, потом спросил: "Куда же нам, матушка, поместить-то ее, в прежнюю, что ли, обитель, или к Прасковье Степановне на мельницу?" "Это, — ответила сестра Екатерина, — как угодно вам, батюшка!" "Нет, — продолжал отец Серафим, — возьми ты ее теперь в прежнюю-то обитель, а придет время, будете вы все вместе, как единая семья!" (Отец Серафим предсказал соединение общин в один монастырь, которое состоялось в 1842 году). (Летопись, тетрадь № б)

3. Постройки мондстырских церквей и зданий, в особенности Троицкого собора — 1848-1875 гг.

О дальнейшей судьбе Дивеева батюшка отец Серафим говорил во время построения Рождественского храма следующее Елене Васильевне, Михаилу Васильевичу и Анне Михайловне Мантуровым, протоиерею отцу Василию Садовскому и еще многим старицам:

"Еще не было и нет примеров, чтобы были женские лавры, а у меня, убогого Серафима, будет в Дивееве лавра, — сказал батюшка. — Лавра-то будет кругом, т.е. за канавкою, в обители матушки Александры, потому что, как она была вдова, то у ней могут жить в обители и вдовы, и жены, и девицы, а кино-вия будет только в канавке, и так как я, убогий Серафим, был девственник, то и в обители моей будут одни лишь девицы. Выстроится большой, холодный собор, а будет и теплый. Эта Казанская церковь и место все будет монастырское, прихожанам дадут другое место, а так Казанская церковь, как есть, и Рождественская, как есть, останутся как бы в центре, а кругом нее еще много места захватят приделами другими, и из нее большой, теплый собор выйдет, и большая это будет пристройка наподобие Иерусалимского храма. С левой стороны Рождественской церкви будет непременно придел во имя Михаила Архангела. Каменная ограда как есть, так и останется, только Казанская церковь войдет в ограду и стена продолжится вплоть до берега, где, пройдя немного берегом, пойдет к западу и тут, как раз против дома Мишеньки (Михаила Васильевича Мантурова), выстроится колокольня и будут под ней святые воротам жета. Кругом обоих соборов будут каменные корпуса в следующем порядке".

Батюшка даже набросал первоначальный план, который, сохраненный в подлиннике, вставлен в рамку и хранится у игумений Марии. Этот план батюшка писал в своей келлии, на обрубке, что служил ему стулом; писал с Михаилом Васильевичем Мантуровым, стоя на коленках.

"С юга, против собора Святой Троицы, — говорит старец, — будет корпус треугольником: в этом корпусе одна из царского рода жить будет, батюшка. С севера собора Святой Троицы напротив его точно такой же треугольником корпус должен быть трапезой. Возле жилого треугольного корпуса с юга же корпус начальнический, правильным продолговатым четырехугольником. Напротив его с севера точно таким же правильным продольным четырехугольником должен быть корпус кли-росный. С юга против Казанского собора, рядом с начальническим корпусом, такой же продольный четырехугольный корпус — просто жилой. С севера против Казанского собора и напротив жилого такой же точно продольный четырехугольный корпус и тоже просто жилой. Опять с одной стороны корпус правильным треугольником, которого половина будет окнами в ограду; это будет жилая монастырская половина, а другая, отделенная стеной, окнами наружу, за ограду, будет служить гостиницей. С другой стороны напротив точно такой же треугольный корпус, разделенный надвое и для того же употребления. Вот так-то у нас все и устроится, батюшка, и Лавра и киновия у убогого Серафима в обители-то и будет!"

Ввиду важности следующего рассказа приведем еще подлинные выражения старицы Устиньи Ивановны (тетрадь № 1). "Однажды сестра обители нашей, Мария Семеновна, говорит мне, — начала она, — что батюшка Серафим многое предсказывал о нашей обители, что случится впоследствии времени.

Предвидя раннюю ее кончину, он приказывал слышанное от него передать мне. Очень много чудного, утешительного в устройстве обители говорил ей батюшка в то время, когда только сделано было основание ее — мельница и одна келлия поставлены. Мария Семеновна рассказывала мне так, как приняла это от батюшки Серафима, но по моей плохой памяти и давно прошедшем времени (25 лет) я не могу все рассказать, а вот что хорошо помню: в один летний день Мария Семеновна привела меня к Казанской церкви, тут стояли и

другие сестры, и, показывая на все это место, сказала: "вот помните, церковь эта будет наша, приходская же церковь будет выстроена на другом месте: при ней построится и духовенство прихожан. Здесь же, говорил батюшка Серафим, будет лавра, а где канавка — там киновия. Церковь ваша кладбищенская будет во имя Преображения Господня". — "Я, — говорит Мария Семеновна, — сказала: "Батюшка, кажется, на кладбищах более бывают церкви во имя Всех святых?" А батюшка ответил: "Престол Всех святых будет ранее этого устроен".

Старица Устинья Ивановна (впоследствии монахиня Илария) говорит (тетрадь № 1), что "покойную сестру нашу Марию Семеновну, высокой жизни, особо против всех любил батюшка Серафим. Он говорил и предсказывал ей об обители многое, по большей части запрещая кому-либо рассказывать, но некоторое завещал ей помнить и передать мне, грешнице. Из того вот, что я помню. Раз, выведя меня к Казанской церкви и показывая на все это место кругом, сказала она мне и тут же бывшим сестрам: "Вот помните, церковь эта будет наша, и священники тут жить не будут; приходская же церковь выстроена будет в другом месте, там будут при ней жить и священники, тут же будет лавра; а где канавка, там будет киновия!" И еще, по благословению же батюшки Серафима, говорила она мне: "Батюшка Серафим сказал, что кладбищенская церковь у нас будет во имя Преображения Господня, запомни!" А я на это возразила ей, что ведь на кладбищах, кажется, всегда строятся церкви Всем святым. "Так, — ответила она, — но батюшка Серафим сказал, что престол Всех святых будет еще ранее устроен". (Предсказание сбылось, ибо в 1847 году выстроена была ныне теплая церковь Божией Матери Тихвинской и в ней придел с левой стороны Всех святых, а кладбищенская церковь построилась уже после, в 1855 году, во имя Преображения Господня.) А о стесненных средствах обители всегда ей говаривал батюшка: "Убогий Серафим мог бы обогатить вас, но это не полезно, я мог бы и золу превратить в злато, но не

хочу; у вас многое не умножится, а малое не умалится! В последнее время будет у вас и изобилие во всем, но тогда уже будет и конец всему!"

[О себе самом так говорил батюшка Марии Семеновне: "Вот, матушка, теперь все дивятся, что убогий Серафим занимается вами, принимает участие в вас, но это еще что за диво; а будет диво, как плоть-то свою убогий Серафим принесет в Дивеево!"

Старица Евдокия Ефремовна, впоследствии монахиня Евпраксия, удостоившаяся вместе с отцом Серафимом в день Благовещения посещения Царицы Небесной, рассказывает следующее: "Быв раз у батюшки Серафима в келлии, вот что он говорил мне: "Слушай и помни, радость моя, что я скажу тебе: как у Господа было 12 апостолов, а у Царицы Небесной 12 дев, так и я себе избираю 12 же дев, и как Господь избрал в невесту Себе только великомученицу Екатерину, так и я избираю себе Марию — Марию Семеновну — невестою в будущем, и над всеми вами будет она там старшею; вас же избираю в сестры себе, а которые придут после, те будут дочки мои"].

Ксения Васильевна Путкова рассказывает следующее об этой пустынке (тетрадь № б, рассказ № 32): "И вот еще как задолго предсказал мне наш родименький батюшка, что пустынка-то его наша будет, к нам отойдет! Пришла я к нему в Саров и в самое то время, как усердием верующих ему строилась эта вот пустынка его. Посадил он меня возле и сам сел, и много-много говорил мне назидательно о кротости, смирении и любви; как, должны мы любить его и кто так будет поступать, тот всегда с ним будет; потом и говорит: "Я тебя к себе возьму! Вот смотри-ка, радость моя, ведь эта вот пустынка нам с тобою строится; ведь она у вас будет, пустынка-то, и будем мы жить как Авраам и Мария!" А я по молодости лет не понимая ничего, смеючись, просто говорю батюшке: "А я возьму и уйду от вас, как Мария-то от Авраамия". — "Нет, — отвечает, — радость моя, нет тебе дороги уйти-то, Авраам да Мария

жили во притворе, а я тебя внутрь себя возьму! Ты и не уйдешь, матушка!" Уж много лет после, когда привезли нам, пустынку, уразумела я слова батюшки; ведь всегда я была с ним духом и не могла уже уйти из обители"

"Батюшка Серафим насильно уговаривал меня остаться в обители, — рассказывала старица Екатерина Матвеевна Пучинская (Летопись № 6, рассказ 54), — я все отговаривалась болезнию, но, невзирая на то, отправил меня батюшка к своим девушкам на мельницу. [...] Нечего делать, осталась я, а все скучно; когда пришли лесом с нашей стороны девушки, смутили меня совсем, забрала я все свое, да и ушла с ними. Только что вышли мы из обители, на меня вдруг напала такая тоска, что и рассказать не умею. Не дойдя до села Елизарьева, бросила я их, да бегом пустилась в обитель. [...] Вскоре пришел батюшка, сурово взглянул на меня, даже отвернулся, и говорит Елене Васильевне про меня: "Радость моя! Что сделала у нас Екатерина-то Пучинская, забрала все пожитки свои да и ушла было от нас! А ведь скажу тебе, радость моя, никакой дороги ей нет уходить от нас, ведь ей назначено здесь жить!" Я заплакала, упала к его ногам и призналась во всем, как скучала и скучаю, как ушла было совсем... Он поднял меня и говорит мне: "Во, радость моя! Что нам скучать-то! Теперь у нас нет ничего, а будет-то у нас монастырь, матушка, да какой еще великий-то! Триста монахинь да пятьсот белиц!" Ну, не прозорлив ли батюшка-то; кто бы мог подумать тогда, а ведь вот и вправду дожила я до того, что уже восемьсот человек стало у нас сестер-то. После этого, обратясь к Елене Васильевне, батюшка меня ей и препоручил, прося: "Радость моя! Прошу тебя, не оставь, поддержи!" Помня батюшкину просьбу, она меня никогда не оставляла. Она была высокой жизни и такая добрая! И часто после говаривал мне батюшка, как только увидит меня: "Радость моя! Что нам унывать! Ты гляди какой у нас собор-то будет!" При этом, бывало, поднимет ручки, да и скажет: "Во, во, матушка, чудный собор! Вельми, матушка, чудный!" И сделается при этом личико у него необыкновенно светлое,

благодатное, и станет он такой веселый и радостный, точно весь уйдет в небеса! Даже жутко станет глядеть на него"

"Знаешь ли ты, матушка, где Мишенька-то (Мантуров) живет?" — спросил отец Серафим сестру Акулину Ивановну Малышеву (тетрадь № 6, рассказ 61). "Знаю, кормилец!" — ответила она. "Ну вот, — продолжал старец. — мы его снесем на угол, а тут, где он теперь-то живет, против него будет собор! Видишь ли, вот эдак будет порядок, на четыре угла, Акули-нушка, а собор-то у нас в середочках! А где мирское кладбище, знаешь, что ли, матушка?" — "Знаю", — говорит она. "Так вот это-то самое место, матушка, будет у нас коренная трапеза; а это-то, что кривая у вас, гостей принимать будет! А мы, матушка, как собор-то состроим и балясы голубые у нас будут, так прямо из собора в трапезу-то и пойдем. Вот как будет у нас, Акулинушка!"

Ничего тогда в Дивееве не было, и удивлялась старица, о какой такой трапезе говорил батюшка, указывая как бы уже на имеющуюся, называя ее "кривою", но впоследствии иеромонах Иоасаф, выдававший себя за ученика Серафимова, выстроил в Дивееве трапезу, которая по поспешности постройки вышла кривая.

Протоиерей отец Василий Садовский говорит в своих записках (тетрадь № б рассказ 74), как он однажды посетил батюшку Серафима, который его спросил: "Как батюшка, думаешь, хорош ли Саров?" — "Как не хорош, батюшка, — ответил отец Василий, — чего же еще лучше!" — "Во, во, батюшка! — воскликнул отец Серафим в восторге, — ведь Саров-то только рукав, а Дивеево-то — целая шуба!" И до трех раз повторил это отец Серафим, а затем спросил: "А хорош ли собор-то у нас, батюшка?" — "Хорош, батюшка", — ответил отец Василий. "Хорош, батюшка, как не хорош, очень хорош! — продолжал отец Серафим, — а я тебе говорю, что у нас в Дивееве еще лучше того собор будет! И в моем-то соборе у нас-то в Дивееве все иконы, какие только ни есть на всем

свете и даже на Афоне, всех явлений Матери Божией, у меня-то в соборе все они, батюшка, будут!""

[И ты не гляди, что теперь Дивеев, батюшка, скажу тебе; тогда Дивеев будет диво, когда убогий Серафим ляжет в Сарове, а плоть свою перенесет в Дивеево, и понесут-то его с одной стороны ангелы и херувимы, а с другой Дивеевские сироты! Много в Сарове почивает святых, батюшка, а открытых мощей нет, никогда и не будет, а у меня же, убогого Серафима, в Дивееве будут!"]

И как это он все знал, вперед и про всех, истинное диво, да и только! Вот отпустил их (посетителей — ред.) и говорит нам: "Что пришла, что надо-то, Акулинушка? Ксенья-то не берет, ну ничего, возьмет! Сходи-ка, Марьюшка, почерпни-ка, да принеси ты мне водицы из источника-то". Сестра принесла, он, сердечный, нас этой водой-то из своих уст спрыснул, да и говорит: "Видишь, Марьюшка, Акулинушка-то нам нужна будет, ее начало земля, землю пахать будет". — "Батюшка, — говорит сестра. — да у нас ведь и без того дьячок Ефим уже пашет". А батюшка-то: "Глупенькая, глупенькая, — говорит. — да это что у вас за земля; у вас разве столько земли-то будет, да все своя земля-то, матушка! Этой земли начало — Акулинушка, а конец, казакам, после нее казаки будут!" (Действительно, первые хлеба засевала и пахала Акулина Ивановна, а с 1855-го гола пашня идет волами, которыми и правят сестры-казачки).

4. Смута в обители — 1860 г.

"Скоро, уж скоро никого у вас не останется, — продолжал отец Серафим (рассказ 41), — и как на Саров бури, так и на вас еще хуже Сарова будут бури! Но я вас поручаю Господу и Царице Небесной! Ничего не бойтесь, хотя бы и все на вас, да Господь-то за вас! Мать вам Сама Царица Небесная, а по Ней все управят!"

Старице Матрене Петровой отец Серафим сказал (рассказ 43): "Запомни, матушка, у вас на двенадцатой начальнице устроится монастырь!" Еще сказал он ей (рассказ 44); "Радость

моя! Когда ты доживешь, не на все смотри, что летит по воздуху, и не все то лови, что плывет по морю! Готовьте вы и сумочки, и лапотки, да они храпом-то берут ведь, матушка; так больше их заготовляйте, не ровен ведь случай!" (Впоследствии эта притча объяснилась тем, что во время бури в обители много было речей, слухов и даже покачнулись многие столпы обители).

Старице Агафье Лаврентьевне батюшка предсказал следующее (рассказ 45): "Вот, доживешь ты, матушка, большое у вас будет смятение, большое смятение, и многие разойдутся! Готовьте лаптей, больше храпом лапти берутся; одни на ноги, другие за пояс! Ты, матушка, это увидишь, только не надолго!"

"Видела ли ты, матушка, коноплю?" — спросил отец Серафим сестру Варвару Ивановну (рассказ 46). "Как, — говорю, — батюшка, не знать!" — "Конопля вещь хорошая, преполезная конопля, матушка! Вот и у меня в Дивееве-то девушки, что конопля хорошая! А когда ее полют-то, радость моя, чтоб лучше была, посконь-то и выдергивают, матушка. Чай, тоже знаешь, видела, радость моя?" — "Как, — говорю, — не видать, батюшка, и сама дергала!" — "Ну, во, во, матушка! — ответил батюшка, — вот и помни; у вас то же будет. Как пополют да выдернут всю посконь-то, матушка, а конопля-то моя Дивеев-ская и загустеет еще более, еще выше поднимется да краше зазеленеет! Ты это помни, что я тебе говорю!.." (Отец Серафим предсказывал все ту же смуту в обители и что некоторые уйдут из монастыря, а тогда Дивеево зацветет.)

"Кто вас без меня будет кормить-то, — сказал отец Серафим Ксении Кузьминичне (рассказ 47). — Вручаю вас Самой Матушке Царице Небесной! Она одна вас не оставит!"

Старица Матрена Игнатьевна пришла к батюшке, чтобы он облегчил ее тоску (рассказ 48), а отец Серафим встретил ее словами: "Во, радость моя, что это ты, что нам скучать-то; земля, луга, лес, скот, все свое у нас! А собор-то, собор-то какой у нас, матушка, будет! Хоть пока он не от земли и не в землю!"

(Впоследствии стало понятно это предсказание: собор ввиду смут в обители долго не достраивался).

"Раз пришли мы с сестрою к батюшке Серафиму, — рассказывает старица Акулина Ивановна Малышева (тетрадь № 6, рассказ 62), — а он нам и говорит: "Вот, Марьюшка, то-то не доживешь, а Акулинушка-то у нас и до судов доживет!" Мы глядим, что это говорит батюшка-то, да и испугались. "Ничего, ничего, не убойтесь, матушка! — сказал батюшка. — До судов доживешь, Акулинушка! Приедут суды к нам, станут судить, а чего судить?! Ха! Ха! ха! Нет ничего!" И опять до трех раз повторил это батюшка, подожмет ручки и заливается. А мы все глядим, ничего не поймем. "Вот, — говорит, — Акулинушка, ты тогда мою заповедь себе и запомни, так и скажи: я глупа, я глуха, я слепа! Так и говори, Акулинушка". — "Слушаю, — говорю, — батюшка!" Так и не поняли мы ничего в ту пору, а затем сестрица Марьюшка померла. А когда впрямь приехали суды, я и вспомнила слова прозорливца нашего, кормильца батюшки!"

Дивной старице Прасковье Степановне Мелюковой, родной сестре Марии Семеновны, или схимонахини Марфы, отец Серафим сказал на прощание перед смертью (тетрадь № 6, рассказ 41): "Вот, матушка, упомни, как увидишь ты, что мой источник-то возмутится грязью, от кого он возмутится, тот человек всю обитель возмутит у вас! Тогда, матушка, не убойся и говори правду, и всем говори правду! Это тебе заповедь моя! Тут и конец твой!"

Важное это предсказание не могло быть понятно в то время. Сиротам своим отец Серафим строго приказал на прощание: "Кроме Михаила Васильевича Мантурова, Николая Александровича Мотовилова и священника отца Василия Никитича Садовского, никого не слушать и самим править, никому не доверяя, никого не допуская постороннего вмешиваться в дела обители. Кроме меня не будет у вас отца! Вручаю вас Самой Матери Божией, Она Сама вам Игумения, а по Ней все управят!" (тетрадь № 6).

Многим сестрам говорил он также пророчески о будущем: "Вы до антихриста не доживете, а времена антихриста переживете!"

5. Утверждение монастыря — 1862 г.

"Не хлопочите и не доискивайтесь и не просите монастыря, матушка, — сказал отец Серафим Ксении Васильевне (тетрадь № 6, рассказ 30), — придет время, без всяких хлопот сами прикажут вам быть монастырем, тогда не отказывайтесь!"

"Еще приказывал мне, — продолжает Ксения Васильевна, — если кто из рода твоего будет когда проситься в обитель и придет когда к. тебе, матушка, не изжени вон, а непременно прими! Ведь у меня, убогого Серафима, в обители моей, Серафимовой-то пустыни, матушка, целыми родами жить будут, так целыми родами и лягут в Дивееве". (Предсказание исполняется)

[Относительно Казанской церкви отец Серафим говорил Ксении Васильевне (тетрадь 1) "Казанская церковь, радость моя, такой будет храм, какого и нет подобного!

При светопредставлении вся земля сгорит, радость моя, и ничего не останется. Только три церкви по всему свету, со всего света будут взяты целиком, неразрушенными, на небо; одна-то в Киевской Лавре, другая (уж право, не вспомню), а третья-то ваша Казанская, матушка. Во, какая она Казанская-то церковь у вас!

Все место, освященное подвигами матушки Александры и прочих, взойдет в этот храм, а теперешняя-то церковь останется лишь как бы ядрышком. Землю с обеих сторон Рождественской церкви непременно отгородите заборчиком: тут стопочки Царицы Небесной. Эта земля святая! Матерь Божия обходила тут Свою-то церковь! Не ходите по этой земле, а загородите ее. Даже скотинке не дозволяйте ходить тут. А травку-то полите, да и то к себе в обитель ее уносите с

этого места, а так кидать не могите; травка эта святая, тут стопочки Царицы Небесной прошли!"]

6. Усыпальница четверых мощей при Казанской Рождественской церкви:

1) Схимонахиня Александра (Агафия Семеновна Мельгунова. -13 июня 1789);

2) Схимонахиня Марфа (Мария Семеновна Мелюкова. — 21 Августа 1829);

3) Еленд Васнльевна Мантурова (-28 мая 1832);

4) Блаженная Пелагия Серебренникова (30 января 1884)

Раки с честными мощами преподобных Александры, Марфы и Елены Дивеевских в церкви Рождества Богородицы. Светлая седмица. 2006 г.

Сестра обители Дарья Зиновьевна свидетельствовала (Летопись, тетрадь № 4), что отец Серафим говорил ей лично, в присутствии старицы Анны Алексеевны и отца Павла, соседа своего по келлии в монастыре, передавая два больших пука свеч, белых и желтых: "Вот, батюшка, смотри, — я им даю свеч в воспоминание матушки Александры? Она святая была! Я и сам доныне ее стопы лобызаю? Теперь пока ничего у вас нет, а как Бог благословит, в мощах она у вас будет, тогда все у вас

явится; как источник потечет со всех сторон! Народ будет смотреть и удивляться, откуда что возьмется!"

Рака со святыми мощами первоосновательницы Дивеевской обители преподобной Александры в день празднования ее памяти. 26 июня 2005 г.

Отец Серафим, по свидетельству многих лиц, говорил о будущем Дивеева, заповедуя всегда ходить и служить Казанской церкви и никогда не называть ее приходскою, так как со временем она присоединится к монастырю и будет теплым, зимним собором обители. Он положительно предрекал, что со временем, по Божиему изволению, должны в обители почивать открытыми святые мощи матери Александры, и приказывал всем каждый день утром и вечером ходить кланяться ее могиле, произнося при этом: "Госпожа наша и мать, прости меня и благослови! Помолись, чтобы и мне было прощено, как ты прощена, и помяни меня у престола Божия!"

Известно, что отец Серафим говорил также Елене Васильевне Мантуровой, Марии Семеновне Мелюковой, Дарье Зиновьевне, Екатерине Егоровне о том, что матушка Александра почивает в мощах, ныне же мы имеем обратное свидетельство лишь от престарелой Ксении Васильевны Прутковой, то есть монахини Капитолины, которая не подтверждает показаний покойных сестер и в свою очередь свидетельствует, будто отец Серафим ей говорил, что мать Александра достигла великого и находится вблизи Святой Троицы, но не почиет в мощах. Будущее покажет, чьи слова были справедливы.

Старица Екатерина Егоровна, впоследствии монахиня Евдокия, рассказывала (Летопись, тетрадь № 4), что отец Серафим на слова ее, "что гроб матери Александры у приходской церкви", так заметил ей: "Что это ты, матушка, говоришь, чего выдумала, какая там приходская церковь?! Нет у нас приходской церкви, и никогда не моги так говорить, матушка! Церковь Казанская наша церковь, нам матушка Александра и созиждила, она и мощами своими тут почивать будет; и никогда так не могите называть ее — приходскою!"

Старица Прасковья Ивановна, впоследствии монахиня Серафима, показала, что отец Серафим незадолго до своей кончины говорил ей (Летопись, тетрадь № 4): "У вас, матушка, первоначальница-то мать Александра больших и высоких лиц

была! Я и поднесь ее стопы лобызаю! Вот она обитель заводила, а я возобновлю! Она почивать в мощах у вас будет, матушка!"

Старице Устинье Ивановне, впоследствии монахине Иларии, отец Серафим говорил (Летопись, тетрадь № 4): "Если бы ты знала только, матушка, какая великая раба Божия заводила место это и покоится у вас в обители, ты бы не скучала? Одежда ее была многошвейная, плат ветхий, и зеницы ее не просыхали от слез! Я сам и доныне стопы ее лобызаю? Каждодневно ходи на ее могилу и проси ее помянуть тебя у престола Божия!": Старице Евдокии Ефремовне, впоследствии монахине Евпраксии, удостоившейся с отцом Серафимом посещения и видения Матери Божией в день Благовещения, батюшка так говорил (Летопись, тетрадь № 4): «Теперь будете скорбеть да скорбеть, никакой отрады, а после зато, как Господь мощи-то откроет, радость будет великая!"

(Ведь матери-то Александры мощи выйдут ранее, и приедет к вам тогда Царь, и Дивеев город будет, и всего у вас много будет, за ограду кидать будут, только берите!")

Мы привели здесь все эти показания покойных сестер ввиду существующего разногласия о предсказаниях отца Серафима насчет открытия мощей матери Александры и чтобы охарактеризовать этот почему-то спорный вопрос.

Старица Прасковья Ивановна (впоследствии монахиня Серафима) повествует нам следующее (тетрадь № 6):

"Батюшка говорил мне: "У вас матушка-то первоначальница, мать Александра, больших и высоких лиц была! Я и поднесь ее стопы лобзаю! Вот она обитель заводила, а я ее возобновлю! Там Будет Лавра, (а в канавке-то рай земной). Она почивает в мощах! Много ли их там, матушка?" Я молчала, недоумевая... Склонил батюшка головку, минутку спустя сказал твердым голосом: "Там? — три" Потом опять спросил: "А что, матушка, много ли места-то от Казанской Церкви, от

самого алтаря ее, до мельницы?" — "Да тут десятины три будет, батюшка, — ответила я, — но земля-то эта ведь чужая, только в серединке место ваше, что под собор купили, а кругом живут церковники, да хлеб засевают мирские". Он опять спросил: "А от соборного-то места, матушка, до мельницы далеко ли и хороша ли тут земля?" Я говорю: "Земля-то хороша, батюшка, да ведь она не наша!" А он будто и не слышит, — говорит мне: "Но вот, матушка, по правую-то сторону будет трапеза..." Я перебила его и опять говорю: "Батюшка, да место-то хотя тут и очень большое, и земля-то хороша, но ведь она засеяна мирскими!" Замолчал батюшка, склонил голову, потом вдруг и сказал: "Надобно променять!"

Впоследствии это сбылось; благодетели Дивеева и верные слуги батюшки отца Серафима Михаил Васильевич Мантуров и Николай Александрович Мотовилов частью скупили чресполосные владения и частью променяли их."

Когда Ксения Васильевна пришла на сороковой день по смерти Елены Васильевны к батюшке отцу Серафиму по его приказанию, то старец, утешая свою любимую церковницу, сказал радостно: "Какие вы глупые, радости мои! Ну что плакать-то! Ведь это грех! Мы должны радоваться; ее душа вспорхнула как голубица, вознеслась ко Святой Троице. Пред нею расступились херувимы и серафимы и вся небесная сила! Она прислужница Матери Божией, матушка! Фрейлина Царицы Небесной она, матушка! Лишь радоваться нам, а не плакать должно! Со временем ее мощи и Марии Семеновны будут почивать открыто в обители, ибо обе они так угодили Господу, что удостоились нетления! Во, матушка, как важно послушание! Вот Мария-то на что молчалива была и токмо от радости, любя обитель, преступила заповедь мою и рассказала малое, а все же за то при вскрытии мощей ее в будущем предадутся тлению одни только уста ее!" (Записки протоиерея Садовского и Н.А.Мотовилова, показание живой еще Ксении Васильевны)

[...] Радостно, в восхищении благодарил его [М.В.Мантурова.- *ред.]* старец и благословил строить эту новую церковь [нижнюю церковь Рождества Богородицы под церковью Рождества Христова.- *ред.]* Но так как свод потолка был очень полог и низок, то все увидели, что ему иначе нельзя держаться будет, как поставив четыре четырехугольных же здоровых каменных столба, которые своею массивностью весьма утеснят церковь и без того маленькую, низенькую, почти что в земле вырытую. Михаил Васильевич поехал в Саров объяснить это батюшке Серафиму, а батюшка, как услыхал это, преисполнился весь радостью неизреченною и в духовном восторге выкликнул: "Во, во, радость моя! Четыре столба — четверо мощей! Четыре столба — четверо мощей! Радость-то нам какая, батюшка! Четыре столба — ведь это значит четверо мощей у нас тут почивать будут! И это усыпальница мощей будет у нас, батюшка! Во, радость-то нам какая! Радость-то какая!" И с неизъяснимою, неземною радостью и мне, грешному, и всем, кто лишь ни приходил к нему, восклицал батюшка, угодник Божий: "Четыре столба — четверо мощей!"

Церковь Рождества Христова и Рождества Пресвятой Богородицы. 2005г.

Дарье Фоминой отец Серафим сказал (тетрадь № 6, рассказ 39): "Дивное Дивеево будет, матушка! Одна обитель будет лавра, а другая-то киновия! И есть там у меня церковь, матушка, а в церкви той четыре столба и у каждого-то столба будут все мощи! Четыре столба и четверо мощей! Во, радость-то какая нам, матушка!"

"В этой же нижней Рождественской церкви, [- вспоминал протоиерей Василий Садовский.- *ред.*] которую всегда батюшка называл усыпальницею мощей, предсказывая много раз и мне самому, что четверо мощей будут открыто почивать в ней, завещал на вечные времена читать денно и нощно неугасимую Псалтирь по усопшим, начиная с царских родов, иерархов Православной Церкви, благотворителей обители и кончая всеми просящими молитв о себе и присных своих, говоря: «Она будет вечно питать обитель, батюшка!"

7. Игуменство Царицы Небесной — Божией Матери

В записках протоиерея отца Василия Садовского помещены последние посещения его батюшки отца Серафима. Так он пишет (тетрадь № 6, рассказ 70): "Предсказывая мне будущие на обитель скорби и бури, убеждал меня батюшка ничего не бояться, говоря: "Убогий Серафим умолит за обитель, батюшка, а Царица Небесная Сама ей Игумения: тут же только наместницы по Царице-то Небесной, все и управит, батюшка!"

"Подружье-то твое ранее тебя отойдет ко Господу! — сказал мне батюшка Серафим (рассказ 76), — чрез два года после нее уйдешь и ты, батюшка! (Так и случилось!) Ты помни: двенадцать, а ты, батюшка, тринадцатый! (Когда двенадцать первых сестер скончались, умер и отец Василий тринадцатым). И вот что заповедаю тебе: как умирать-то будешь, то чтобы тебе лечь с правой стороны алтаря Рождественской церкви, а Мишенька-то (Мантуров) ляжет с левой. Так и вели себя похоронить тут; вот хорошо и будет, батюшка; ты-то с правой, а Мишенька с левой, а я у вас посередке; вместе все и будем!"

"Матерь Божия Единая вам Госпожа и Владычица. Она Сама избрала место сие, взяв в удел его, как Афон, Она Сама собрала и собирает и избирает вас, Единая Она вам Игумения ваша, вечно Верховная, игумения же только наместница Владычицы, исполнительница воли Ее. Не подобает поэтому никому входить в наши дела! Вы достояние Самой Матери Божией и Царицы Небесной; Ей того не угодно!"

II. О прославлении мощей преподобного Серафима и приезде Царской Фамилии

Когда к нему пришла Елена Васильевна, батюшка в восторге объявил ей, что она должна быть начальницею его обители. "Радость моя! — сказал отец Серафим, — когда тебя сделают начальницей, то тогда, матушка, праздник будет великий и радость у вас будет велия! Царская Фамилия вас посетит, матушка!" Елена Васильевна страшно смутилась. "Нет, не могу, не могу я этого, батюшка, — ответила она прямо. — Всегда и во всем слушалась я вас, но в этом не могу! Лучше прикажите мне умереть, вот здесь, сейчас, у ног ваших, но начальницею — не желаю и не могу я быть, батюшка!"

Несмотря на это, отец Серафим впоследствии, когда устроилась мельница и перевел в нее семь первых девушек, приказал во всем им благословляться и относиться к Елене Васильевне, начальнице их, хотя она так и осталась до самой смерти своей жить в Казанско-церковной общинке. Это до такой степени смущало юную подвижницу, что даже и перед смертью своей она твердила, как бы в испуге: "Нет, нет, как угодно батюшке, а в этом не могу я его слушаться, что я за начальница! Не знаю, как буду отвечать за свою душу, а тут еще отвечать за другие! Нет, нет, да простит мне батюшка, и послушать его в этом никак не могу?" Однако отец Серафим все время поручал ей всех присылаемых им сестер и, говоря о ней, называл всегда "Госпожа ваша! — Начальница!" Вообще начальствование Елены Васильевны было и осталось

загадочным и непонятным, так как вскоре она чудесно скончалась.

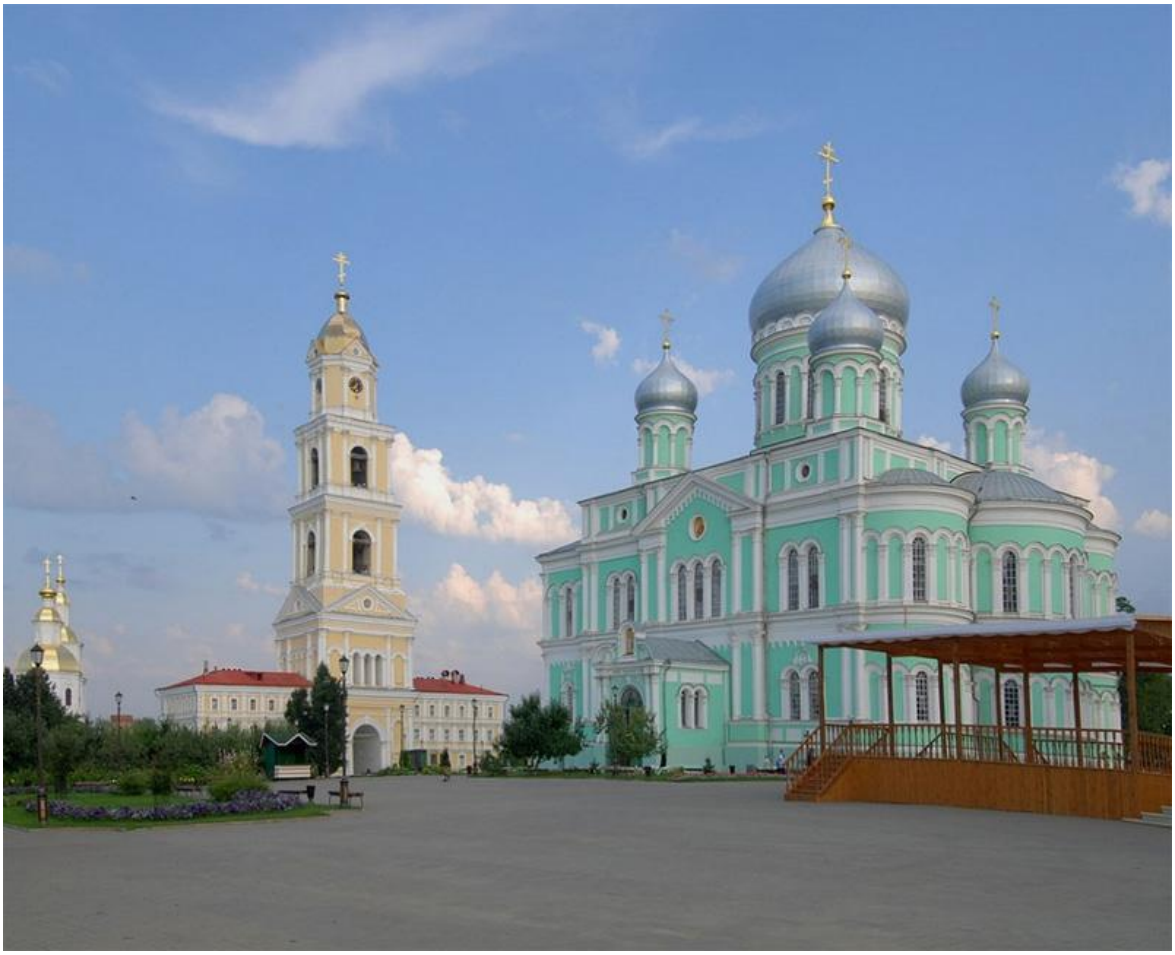
"Вот, матушка, — говорил он, — когда у нас будет собор, тогда московский колокол Иван Великий сам к нам придет! Когда его повесят, да в первый-то раз ударят в него и он загудит, — и батюшка изобразил голосом, — тогда мы с вами проснемся! О! Во, матушки вы мои, какая будет радость! Среди лета запоют Пасху! А народу-то, народу-то, со всех сторон, со всех сторон!" Помолчав немного, продолжал батюшка: "Но эта радость будет на самое короткое время: что далее, матушки, будет... такая скорбь, чего от начала мира не было!" — и светлое лицо батюшки вдруг изменилось, померкло и приняло скорбное выражение. Опустя головку, он поник долу, и слезы струями полились по щекам".

Великий прозорливец все-таки утешил сестер, бедствующих в мельничной обители, тем, что у них будет собор, и придал им силы. Остальное пророчество касалось состояния обители к концу мира, и много раз повторял он его сестрам, еще с большими подробностями в последние два года своей жизни.

Великая старица Евдокия Ефремовна (монахиня Евпраксия) рассказывала (тетрадь № 1, рассказ 17), что однажды батюшка ей сказал: "Вот этот лес, что Горячев ключ-то называется, это наш лес будет, матушка! (Что и исполнилось в 1869-м толу) Тут могут быть и пчелки у нас, потому что хороший приют тут будет, и вода близко, и всякий цвет! А воск-то занадобится нам, матушка, свечки Богу будем работать. А жители-то, жители-то, все вокруг нам служить будут, радость моя! И какая радость-то будет, но мы не доживем и я не доживу, как собор-то у нас пятиглавый будет! Только и ты, матушка, не узришь, как это совершится! А будет-то он в средине двух церквей, против Казанской церкви, а тут напротив нее будут святые врата, и какая радость-то будет, какая радость-то будет! Казанскую церковь вам отдадут, а приходскую-то на селе поставят, где Полуешкин-то живет, и

священнослужителей тут уже не будет, и пойдет ограда каменная вплоть до речки, и все наше будет! А на приходском кладбище трапеза будет и мост, с Пречистой-то туда так прямо и будут ходить, как у нас в Сарове. Во, что будет-то, матушка! Хоть ты и не доживешь, как собор-то совершится, а ведь какая радость-то тогда будет! Четверо мощей будут у нас, матушка! [Матушка-то Александра явится прежде; сиротиночки-то мои придут нощию с пением, да и унесут меня в новый собор свой, и буду я там почивать.][27] Вот какая радость-то будет, матушка! Какая великая радость-то будет! Среди лета запоют Пасху, радость моя! Приедет к нам Царь и вся Фамилия! Дивеево-то лавра будет, Вертьяново — город, а Арзамас — губерния! Станут все приходить к нам, матушка, запираться для отдыха-то будем; станут деньги давать, только берите; в оградку станут кидать, а нам уже не нужно, много своих тогда будет, матушка!"

Старшая сестра в мельничной обители Прасковья Степановна рассказала (тетрадь № 6, рассказ № 3) следующее о последних днях жизни о. Серафима: [...] "В последний же раз, когда я была у него за неделю до кончины его, много-много говорил он мне утешительного и назидательного, а потом взял меня за руку, прочитал мне разрешительную молитву и сказал: "Вот, матушка, от самого рождения твоего и до успения все твои грехи я беру на себя! Теперь ты и все вы не имеете нужды ни в чем, а после меня много-много вам будет скорби; но что делать — потерпите, такой уж путь ваш! Теперь только начало. Не я избрал вас, а Сама Царица Небесная избрала и дала мне вас, простых девушек; потом придут к вам, матушка, всякого рода и звания и по мне, убогому Серафиму, взыщут вас большие лица! Будут спрашивать вас тогда, все говорите, что слышали вы от меня, не убойтесь, так Господу будет угодно, и не скрывайте ничего; теперь же, пока не пришло время, умолчите!"



Свято-Троицкий Серафимо-Дивеевский монастырь в селе Дивеево Нижегородской области. Слева видны купола Казанской церкви, справа Троицкий собор. В центре кадра монастырская колокольня. Лето 2007 года

["Знаешь ли, матушка, Ивана Великого колокол, ведь он к нам перейдет, и все удивятся. А как ударит-то он, в Сарове тысячный колокол перешибет!.. Вот, матушка, тогда всем диво-то будет. А как Царская-то Фамилия у нас побывает, то ведь Дивеев-то — диво будет всему свету! Села тут уже не будет, а город. И земля вся, и вокруг все наше же будет, и жители кругом — все нам же служить станут!"]

"Незадолго перед своей кончиной говорит мне батюшка, — рассказывала Акулина Ивановна Малышева (тетрадь № 1): "Ну, — говорит, — Акулинушка, теперь тебе будет с землей-то возиться, казачки будут пахать, а ты, прошу тебя Царицей Небесной, Казанскую-то Божию Матерь не оставь. Казанскую-то Божию Матерь не оставь, матушка! — три раза повторил батюшка, — потому что ты одна только можешь, — продолжал

он, — больше никто не может, а тут против Казанской да Мишеньки у нас святые ворота будут; там ты живи всегда у святых-то ворот, матушка!" Пошел вдруг батюшка, и лицо-то так и просияло у него. "А как царская фамилия приедет к вам, матушка, то выйдете за святые-то ворота, да распахните их широко-широко, да низко-низко поклонитесь до земли, да и скажите: покорно просим пожаловать, покорно просим..." — и батюшка сам три раза низко до земли поклонился. Так вот это еще не совсем сбылось, а верую, что совершится, так никогда ничего не говорил батюшка.

III. О России

1. О бунте 14 декабря 1825 г.

Двадцатые годы XIX столетия. Саровская обитель. Старец Серафим, весь проникнутый любовью, добротою, строго взирает на приближающегося к нему офицера и отказывает ему в благословении. Прозорливец знает, что тот — участник заговора будущих декабристов. "Гряди, откуда пришел", — решительно говорит ему преподобный. Подводит затем великий старец послушника своего к колодцу, вода в коем была мутной и грязной: "Так и этот человек, который приходил сюда, намеревается возмутить Россию", — произносит праведник, ревнующий о судьбах русской монархии.

2. О Крымской войне 1853-1855 гг.

В 1831 году в беседе с одним из своих почитателей о судьбах России, которые, как в открытой книге, были известны благодатному прозорливцу, отец Серафим предсказал, что в близком будущем на Россию восстанут три европейские державы и сильно истощат ее, но что Господь за Православие ее помилует. Святое слово старца сбылось вскоре — Крымская война не замедлила обрушиться на Россию, но тогда Господь помиловал свою избранницу.

3. О царствовании императоров Николая I (1825-1855) и Александра II (1855-1881)

1855 год. 2 марта [...] Императрица говорила со мной также про предсказание, сделанное одним отшельником Михаилу Павловичу о смерти его дочери, о его собственной смерти и о смерти императора Николая. Великий князь Михаил никогда не хотел рассказать того, что было предсказано о детях императора Николая, говоря что он откроет это только императрице, но он так и умер, не решившись этого сказать. По-видимому, это было что-то зловещее.

1856 год. 1 января [...] Я послала императрице маленький образ Серафима, который должен был быть ей передан ровно в 12 часов. Я очень верю в молитву этого святого и уверена, что он оказывает ей особое покровительство, ибо он предсказал о ней еще прежде, чем она прибыла в Россию, что она будет "благодатная" и матерью для России и для Православной Церкви".

4. Что ждет Россию?

I

Россию невидимая рука вовлекла в стихийный круговорот невероятного страдания: события — одно страшнее другого, преступления, имени которым нет на обыкновенном человеческом языке, хаос мыслей, чувств, настроений — и над всем торжествующее царство ненависти, нечеловеческой злобы и общей муки, на кровавые клочья рвущих сердца всех, кто еще не утратил того, что прежние люди звали сердцем.

Кто живет жизнью своей Матери — Православной Церкви, тот знает, откуда и за что ниспосылаются эти муки, знает он также и к чему готовят человечество эти страдания, но... "Прочие же люди, которые не умерли от этих язв, не раскаялись в делах рук своих, так чтобы не поклоняться бесам и золотым, серебряным, медным, каменным и деревянным идолам, которые не могут ни видеть, ни слышать, ни ходить, и

не раскаялись они в убийствах своих, ни в чародействах своих, ни в блудодеянии своем, ни в воровстве своем..." (Апок. 9, 20, 21).

Так не к этим "прочим" я теперь обращаю это слово, — "дух заблуждений" так властно овладел теперь их душой, что "верить они могут только лжи", — а к тем "избранным", ради которых должны сократиться дни эти, а подкрепление и в радость их веры: пусть к ним идет, если Богу угодно, слово мое, да не "поклонятся они зверю, говоря: кто подобен зверю сему и кто может сразиться с ним?"

Отец Амвросий Оптинский, говоря о близости исполнения времен и объясняя 7-й стих второй главы Второго Послания к Фессалоникийцам, в котором указывается признак времени явления антихриста, — той "тайны беззакония", которая "не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь" — под "теперь удерживающим" разумел царя, или царскую, самодержавную, ничем и никем не ограниченную власть.

Толкование великого старца, подвижника и прозорливца, еще так недавно отошедшего от нас ко Господу, живо еще в памяти всех его современников, свято чтущих и соблюдающих в своих о нем воспоминаниях каждое его даже вскользь произнесенное слово.

Признак этого близкого пришествия антихриста указан и святыми отцами Православной Апостольской Церкви и истолкован ими в том же смысле.

II

Известный всем благоговейным чтителям святой памяти преподобного Серафима, Саровского и всея России чудотворца, Николай Александрович Мотовилов сохранил в своих о нем записках следующую, еще доселе не без Божией воли, сохранившуюся в моих бумагах беседу свою с ним о царской власти. Привожу без изменения подлинные слова записки, озаглавленной Мотовиловым так: "Копия с ответа

моего Следственной Комиссии — секретно спрашивавшей мнения моего о житии батюшки отца Серафима, прочитанного мною в рукописи, сочиненной бывшим иеродиаконом и поверенным Саровской пустыни, ныне же (1844 г.) иеромонахом и казначеем Святыя Троицко-Сергиевския Лавры, отцом Сергием — написанного во Святой Саровской Пустыни 1840 г. 1 или 2 сентября и сего 1844 года с 26 на 27 октября там же начавшегося переписываться мною:

"Тамбовской Духовной Консистории Чл(е)ну Соборному Ключарю, протоиерею Никифору Телятинскому и города Ка-дома соборному протоиерею, Иоанну Розанову.

Симбирского помещика, действительного студента Николая Александровича Мотовилова "Объяснение..."

Пропуская начало этого объяснения, — по содержанию своему представляющее многое уже известное читателям "Московских Ведомостей", частью из моего очерка о Мотовилове, частью из великой беседы преподобного Серафима "О цели жизни христианской", — я приведу здесь ту только часть его, в которой речь ведется преподобным о царской власти, не без пророческого, по моему разумению, указания на события и лица, нам современные.

III

Вот что, в ночь с 26 на 27 октября 1844 г., в Саровской Пустыни было написано Мотовиловым:

"...а в доказательство истинной ревности по Боге приводил он (преподобный) святого пророка Илию и Гедеона и, по целым часам распространяясь о них своею боговдохновенною и усладительнейшею беседой, каждое суждение свое о них заключал применением к жизни собственно нашей и указанием на то, какие мы и в каких наиболее обстоятельствах жизни можем из житий их извлекать душеспасительные наставления. Часто поминал мне о святом царе, пророке и богоотце Давиде, и тогда приходил в необыкновенный духовный восторг. Надобно было видеть его

в эти неземные минуты! Лицо его, одушевленное благодатию Духа Святого, сияло тогда подобно солнцу, и я, поистине, говорю, что, глядя на него, я чувствовал лом в глазах, как бы при взгляде на солнце. Невольно приводил я себе на память лицо Моисея, только что сшедшего с Синая. Душа моя, умиротворяясь, приходила в такую тишину, исполнялась такою великою радостию, что сердце мое готово было вместить в себя не только весь род наш человеческий, но и все творение Божие, преизливаясь ко всем Божественною любовию.

"Так-то, ваше боголюбие, так, — говаривал батюшка, скача от радости (кто помнит еще сего святого старца, тот скажет, что и он его иногда видывал как бы скачущим от радости), — избрах Давида, раба Моего, мужа по сердцу моему, иже исполнит вся хотения Моя... — и прибавлял: блаженно царство, имеющее такого царя!"

Разъясняя же, как надобно служить царю и сколько дорожить его жизнью, он приводил в пример военачальника Давида, Авессу.

"Однажды он, — так говорил батюшка Серафим, — для утоления жажды Давидовой прокрался в виду неприятельского стана к источнику и добыл воды и, несмотря на тучу стрел из неприятельского стана, пущенных в него, возвратился к нему ни в чем невредимым, неся воду в шлеме, сохранен будучи от тучи стрел только за усердие свое к царю. Когда же что когда приказывал Давид, то Авесса ответствовал: "Только повели, о царю, и все будет исполнено по-твоему". Когда же царь изъявил желание сам участвовать в каком-то кровопролитном деле для обозрения своих воинов, то Авесса умолял его о сохранении своего здравия и, останавливая его от участия в сече, говорил: "Нас много у тебя, а ты, государь, у нас один. Если бы и всех нас побили, то лишь бы ты был жив, Израиль цел и непобедим. Если же тебя не будет, что будет тогда с Израилем?.."

IV

Батюшка отец Серафим пространно любил объясняться о сем, хваля усердие и ревность верноподданных к царю, и, желая явственнее истолковать, сколько сии две добродетели христианские угодны Господу,говаривал:

"После Православия они суть первый долг наш русский и главное основание истинного христианского благочестия".

Часто он от Давида переводил разговор к нашему великому государю императору и по целым часам беседовал со мною о нем и о царстве Русском; жалел о зломыслящих противу всеавгустейшей особы его. Явственно говоря мне о том, что они хотели сделать, он приводил меня в ужас, а рассказывая о казни, уготовляемой им от Господа, и удостоверяя меня в словах своих, прибавлял:

"Будет это непременно: Господь, видя нераскаянную злобу сердец их, попустит их начинаниям немалое время, но болезнь их обратится на главу их и на верх их снидет неправда пагубных замыслов их. Земля Русская обагрится реками кровей, и много дворян побиено будет за великого государя и целость самодержавия его, но не до конца прогневается Господь и не попустит разрушиться до конца земле Русской, потому что в ней одной преимущественно сохраняется еще Православие и остатки благочестия христианского".

Когда же, устрашенный его рассказом, я спросить хотел о государе: что будет тогда с ним? — то он, не дав мне и выговорить, отвечал мне на мысль мою:

"А ты уж, батюшка, не о нем пекись — Его Господь сохранит: он велик перед Богом — он — в душе христианин".

И это всегда почти любимые выражения его о государе, которые он и в прочих беседах своих со мною о нем говаривал, приводя к тому и доказательство. И это я сам лично слышал из уст его и готов сказать во всеуслышание не только России, но и целому миру, повторяя с отцом Серафимом:

"Блаженны мы, что имеем такого царя!"

Кстати, не могу умолчать и о том, что, по словам келлейника его, Павла, батюшка отец Серафим в день самого бунта 14 декабря 1825 г., поутру, в этот день, спокойно перекладывая дрова возле своей келлии, вдруг стал бегать, восклицая:

"Драка! Драка!"

И на вопрос отца Павла: "О чем это ты, батюшка, кричишьтак?" — ответствовал: "В Петербурге бунт противу государя!" — и стал подробно объяснять, что там в это время происходило.

Когда же, через несколько после того дней, взошел на престол ныне благополучно царствующий государь император, Николай Павлович, то батюшка отец Серафим, еще до получения о том известий, говорил:

"Ну вот, это так! Слава Богу, слава Богу! Царя богоизбранного даровал Господь земле Русской. Сам Господь избрал и помазал его на царство!"

И тому же келлейнику своему, Павлу, в радости духа неоднократно говаривал он, ублажая мудрость и попечительность о благе августейшего дома государыни императрицы, Марии Феодоровны, и прибавлял:

"Я всегда молюсь, чтобы Господь продлил жизни его для счастия России".

До сих пор — рассказ отца Павла, келлейника, который и подтвердить все это не откажется. Далее же помещать буду мои собственные сведения о батюшке отце Серафиме.

V

Однажды я был в великой скорби, помышляя, что будет далее с нашею Православною Церковью, если современное нам зло будет еще более и более размножаться и, будучи убежден, что Церковь наша в крайнем бедствии, как от

приумножающегося разврата по плоти, так равно, если только немногим более, от нечестия по душе чрез рассеиваемые повсюду новейшими лжемудрователями безбожные толки, я весьма желал знать, что мне скажет о том батюшка отец Серафим.

Распространившись подробно беседою о святом пророке Илии, как я выше упомянул, он сказал мне между прочим:

"Илия Фесвитянин, жалуясь Господу на Израиля, будто весь он преклонил колено Ваалу, говорил в молитве, что уж только один он, Илия, остался верен Господу, но уже и его душу ищут изъяти... Так что же, батюшка, отвечал ему на это Господь? —

Седмь тысящ мужей оставил во Израили, иже не преклониша колен Ваалу... Так, если во Израильском царстве, отпавшем от Иудейского, верного Богу, царства и пришедшем в совершенное развращение, оставалось еще седмь тысящ мужей, верных Господу, то что скажем о России? Мню я, что по Израильском царстве было тогда не более трех миллионов людей. А у нас, батюшка, в России сколько теперь?"

Я отвечал: "Около шестидесяти миллионов".

И он продолжал:

"В двадцать раз больше. Суди же сам, сколько теперь у нас еще обретается верных Богу! Так-то, батюшка, так-то: *их же предуведе, сих и предъизбра; предъизбра, сих и предустави; их же преду стаей, сих и блюдет, сих и прославит.* Так о чем же унывать-то нам?! *С нами Бог! Надеющиеся на Господа, яко гора Сион, не подвижется в век живый во Иерусалиме. Горы окрест его, и Господь окрест людей Своих. Господь сохранит тя, Господь покров твой на руку десную твою. Господь сохранит вхождение твое и исхождение твое отныне и до века. Во дни солнце не ожжет тебе, ниже луна нощию ".*

И когда я спросил его, что значит это, к чему говорит он мне о том, — "К тому, — ответствовал батюшка отец

Серафим, — что таким-то образом *хранит Господь, яко зеницу ока Своего, людей Своих,* то есть православных христиан, любящих Его и всем сердцем, и всею мыслию, и словом, и делом, день и нощь служащих Ему. А таковы — хранящие всецело все уставы, догматы и предания нашей Восточной Церкви Вселенской и устнами исповедующие благочестие ею преданное, и на деле во всех случаях жизни творящие по святым заповедям Господа нашего Иисуса Христа".

В подтверждение же того, что еще много на земле Русской осталось верных Господу нашему Иисусу Христу православных и благочестиво живущих, батюшка отец Серафим сказывал некогда одному знакомому моему, — то ли отцу Гурию, бывшему гостиннику Саровскому, то ли отцу Симеону, хозяину Маслишенского двора, — что однажды, бывши в духе, видел он всю землю Русскую, и была она исполнена и как бы покрыта дымом молитв верующих, молящихся ко Господу".

5. Сон, рассказанный О.А.Нилусу

Приезжаю я как-то, в начале февраля 1900 года, к этому моему знакомому, прямо с вокзала. Поезд мой из деревни приходит в город в десятом часу вечера. Застаю моего знакомого и его семью за чаем. Не успел я со всеми поздороваться, а он мне и говорит:

Знаете, я ведь вас насилу дождался: очень любопытный сон я про вас видел. Садитесь-ка рядышком, да за чайком-то я его вам и расскажу...

А вы снам верите?

Смотря по тому — каким, а этому сну, — сказал он серьезно и проникновенно, — нельзя не верить. Вот сами посудите. Видел я, что будто я с женой у вас в деревне: небольшой такой домик — маленькая передняя, из передней направо комната побольше. В этой комнате посередине стоит обеденный стол. В углу довольно большая икона. Мы сидим с

вами и беседуем, и так все это последовательно, ясно, — ну совсем как наяву. Один из членов вашей семьи все что-то плачет... Подают обед. Кончили обедать, смотрю, — опять стол накрывают на четыре прибора. Это для кого же? — спрашиваю я, а вы мне отвечаете:

Царь поблизости охотится — как бы не заехал! Вот, думаю, радость-то какая: царя Господь удостоит видеть! Вот радость-то!..

Только проходит времени немало — уже дело идет к сумеркам. Царь не едет. А мне и царя-то хочется повидать, да и ехать пора. Вижу — царя все нет, и стали мы с женой собираться уезжать. Подают нам тройку лошадей рыжих, великолепных. Только что мы с женой собрались сесть в коляску, как вдруг в лесу, что против подъезда вашего дома, такая поднялась пальба, что я приостановился да и спрашиваю:

- Что это, точно война какая? А вы мне на это в ответ:

- Это, видно, государева охота стреляет!

И правда. Смотрю — из лесу скачет царская охота на конях, красиво так разряженная, и все стреляют, все птичек бьют. А мне все кажется, что это война, а не охота. Такое у меня чувство: не то охота, не то война, а разобраться не могу. Тут вы мне говорите:

— Должно быть, и государь сейчас приедет — оставайтесь!
Я и остался. Пошли назад к вам в дом, я по дороге, смотрю, лежат две собаки: одна рыжая, другая черная. Собак я до смерти боюсь — вот вы рыжую схватили за шею да к себе подмышку, а черная убежала да на крыльце дома и легла. А вы мне и говорите:

— Не бойтесь — эта не тронет!

И верно — мы вошли на крыльцо, она даже и не залаяла... Следом за нами в дом вошли генералы, все такие важные, а с вами ласковые, и говорят вам:

— Сейчас к вам царь приедет. Он вас очень любит и какое-то хочет поручить вам важное дело!

Смотрю: входят царь с царицей и с ними гувернантка с двумя маленькими великими княжнами. Государь вас обнимает и говорит:

— Я тебя очень люблю и хочу тебе поручить одно очень важное дело!

Государь говорит со мной ласково и для меня чрезвычайно и незаслуженно лестно...

Садимся за стол. А вы и говорите государю:

- Ваше императорское величество! Как же это великим княжнам-то нет приборов: надо велеть поставить!

Ничего, — говорит государь, — мы их с императрицей на колени посадим!

Каково это во сне-то просто как!

Сидим это мы, только вдруг смотрю я — из передней выходит и идет к нам отец Серафим Саровский, лицо у него цвета некрепкого чая, и я чувствую, что это его мощи восстали. Проходит он мимо нас, становится перед иконой и начинает молиться.

Мы все встали и тоже молимся. Только вдруг государь обращается к отцу Серафиму да и говорит:

— Отец Серафим, помолитесь за меня!

Отец Серафим не обернулся на эти слова и все продолжает молиться...

Опять государь говорит:

— Отец Серафим, помолитесь за меня, грешного.

Отец Серафим все продолжает молиться, не оборачиваясь. Тогда государь сказал:

— Отец Серафим! Я — Николай Второй, император всероссийский, помолитесь за меня, грешного.

Отец Серафим обернулся, взглянул на государя и ответил:

— Помолился, да и помолюсь!

И с этими словами благословил всех нас, проходя от иконы к столу, и сел за стол рядом со мною. Я и спрашиваю его:

Батюшка, отец Серафим! Это мощи ваши восстали?

- Да, — ответил он мне. — Мои мощи! — И добавил затем:

- Сегодня умрет!

6. Предсказание преподобного Серафима о царствовании императора Николая II

Письмо из департамента полиции

В роду царя передавалось, со слов будто бы очевидца, о существовании предсказания Серафима, отшельника в Сарове (Тамбовской губернии), которое относилось к роду будущих царствований. Самый текст предсказания был якобы записан одним отставным генералом и, по соображениям Александра III, должен был находиться в архиве жандармского корпуса, бывшем одновременно как бы архивом самодержавия. Поиски не привели, однако, ни к чему. Тогда догадались обратиться в департамент полиции, и здесь желанная бумага нашлась. К этому моменту неблагополучно вступил на престол и тот царь, о котором значилась самая интересная часть Серафимова прорицания.

"В начале царствования сего монарха, — говорилось там, — будут несчастья и беды народные. Будет война неудачная. Настанет смута великая внутри государства, отец подымется на сына и брат на брата. Но вторая половина правления будет светлая, и жизнь государя долговременна".

От издателей. Данное предсказание преподобного Серафима было опубликовано после отречения Николая II от престола государства Российского и сложения с себя верховной власти, но еще до его расстрела. Публикуя данное пророчество преподобного Серафима по уникальному документу из департамента полиции, издатели, вероятно, хотели посмеяться над «несбывшимся» пророчеством: вторая половина земного правления Николая II была уже невозможна, а сам государь находился под арестом, и можно было предполагать его скорую мученическую кончину. Однако публикаторы, далекие от жизни христианской, не могли уразуметь истинный смысл пророчества преподобного Серафима, которое истолковывается словами Апокалипсиса о вечной жизни в Новом Иерусалиме, Царстве Небесном: "Храма же я не видел в нем; ибо Господь Бог Вседержитель — храм его, и Агнец. И город не имеет нужды ни в солнце, ни в луне для освещения своего, ибо слава Божия осветила его, и светильник его — Агнец. Спасенные народы будут ходить во свете его, и цари земные принесут в него славу и честь свою. Ворота его не будут запираться днем; а ночи там не будет. И принесут в него славу и честь народов; и не войдет в него ничто нечистое и никто преданный мерзости и лжи, а только те, которые написаны у Агнца в книге жизни... И ночи не будет там, и не будут иметь нужды ни в светильнике, ни в свете солнечном, ибо Господь Бог освещает их; и будут царствовать во веки веков" (Откр. 21, 22-27; 22, 5).

Данное пророчество преподобного Серафима подтверждается также целым рядом сходных предсказаний других угодников Божиих.

7. Об открытии мощей преподобного Серафима

С кончины батюшки Серафима Саровского до открытия его мощей прошло 70 лет. Память о нем никогда не забывалась, терпеливо ждали обещанного открытия святых мощей. Рассказывали мне старые монахини, что до самого открытия мощей 2 января (день кончины батюшки Серафима) всегда в Сарове пекли блины, и для этого в Саров ездили из Дивеева наши сестры. Мать Амвросия рассказывала мне, что она молодая ездила в Саров мазать блины. Блинами кормили всех паломников.

В конце XIX-го столетия начал ездить в Саров будущий митрополит Серафим, тогда еще блестящий гвардейский полковник, Леонид Чичагов.

Рассказывала мне послушница блаженной Прасковьи Ивановны Дуня, что когда Чичагов приехал в первый раз, Прасковья Ивановна встретила его посмотрела из-под рукава и говорит:

— А рукава-то ведь поповские.

Тут же вскоре он принял священство. Прасковья Ивановна настойчиво говорила ему:

— Подавай прошение Государю, чтобы нам мощи открывали.

Чичагов стал собирать документы, написал "Летопись" и поднес ее Государю. Когда Государь ее прочитал, он возгорелся желанием открыть мощи.

Все это Чичагов описал во второй части "Летописи". Там были изложены подробности всех событий перед открытием мощей и описано само открытие. Все то, что нельзя было напечатать в старое время. Эта рукопись пропала при аресте в 1937 г.

Рассказывали мне те, кому митрополит лично читал эту рукопись, что перед прославлением преподобного в Синоде

была большая смута. Государь настаивал, но почти весь Синод был против. Поддерживали его только митрополит (впоследствии) Кирилл да обер-прокурор Синода Владимир Карлович Саблер. Отговорка: "Куда и зачем ехать в лес, нашлись только кости".

Евдокия Ивановна, послушница Дуня, рассказывала мне, что в это время блаженная Прасковья Ивановна 15 дней постилась, ничего не ела, так что не могла даже ходить, а ползала на четвереньках. И вот как-то вечером пришел Чичагов, тогда еще архимандрит Спаса-Евфимиевского монастыря в Суздале.

- Мамашенька, отказывают нам открыть мощи. Прасковья Ивановна ответила:

- Бери меня под руку, идем на волю.

С одной стороны блаженную подхватила ее келлейница мать Серафима, с другой архимандрит Серафим.

- Бери железку (лопату). Спустились с крыльца.

- Копай направо, вот они и мощи.

Обследование останков преподобного Серафима было в ночь на 12 января 1903 года. В это время в селе Ламасово, в 12 верстах от Сарова, увидели зарево над Саровом. И крестьяне побежали на пожар. Приходят и спрашивают:

— Где у вас был пожар? Мы видели зарево.

Нигде пожара не было. — им отвечают. Позже один монах тихонько сказал:

Сегодня ночью комиссия вскрывала останки батюшки Серафима. От батюшки Серафима уцелели лишь косточки, вот и смущался Синод:

— Ехать в лес, мощей нетленных нет, а лишь кости.

На это одна из бывших еще в живых стариц преподобного слазала:

— Мы кланяемся не костям, а чудесам.

Говорили сестры, будто бы Преподобный и сам явился Государю, после чего тот уже своей властью настоял на открытии мощей. Чудес, действительно, являлось много и до и после открытия мощей. Открытие мощей преподобного батюшки Серафима состоялось 19 июля 1903 года.

Тогда Казанской железной дороги еще не было, ездили через Нижний Новгород. Царский поезд вел начальник дистанции Борис Николаевич Веденисов. Была устроена временная станция против с. Выездного в лугах, на переезде возле мельницы. Надо было срочно устроить грунтовую дорогу до Сарова. Никто в такое короткое время не брался этого сделать. Вызвался Б.Н.Веденисов, и Преподобный, по словам Бориса Николаевича, сам ему помог. Сделали все очень просто. Время стояло жаркое. Дорогу вспахивали плугами, затем поливали водой из бочек и укатывали катками, которыми укатывают поле. Дорога получилась гладкая и твердая, как асфальт. Замечу, кстати, что перед смертью в 1950 году Б.Н.Веденисов на моих глазах получил исцеление от кусочка мантии преподобного Серафима.

Когда Государь входил в Саровский собор, народ стоял по сторонам стеной и одну беременную женщину так сдавили, что она тут же родила мальчика прямо на ковер почти под ноги Государя. Едва успели убрать. Государь узнал об этом случае и велел записать себя крестным новорожденному.

На открытие мощей в Саров поехала почти вся Царская Фамилия. Крестьяне, празднично разодетые, встречали их по селам и по дорогам, стоя плотными рядами.

В селе Пузе Государь велел остановиться и подозвал к себе празднично разодетых маленьких девочек. Все они были одеты в красные сарафаны (кумачники), разноцветные

фартуки и шелковые, "разливные" платки. Одна из них, Дуня, до сих пор жива. Ей тогда было 6 лет.

Приехали в Саров 17 или 18 июля (не знаю точно). Великие князья тут же поехали в Дивеево к блаженной Прасковье Ивановне. Они ей привезли шелковое платье и капор, в которые тут же и нарядили.

В то время в Царской Семье было уже 4 дочери, но мальчика-наследника не было. Ехали к Преподобному молиться о даровании наследника. Прасковья Ивановна имела обычай все показывать на куклах, и тут она заранее приготовила куклу-мальчика, настелила ему мягко и высоко платками и уложила: "Тише, тише, он спит..." Повела им показывать: "Это ваш". Великие князья в восторге подняли блаженную на руки и начали качать, а она только смеялась.

Все, что она говорила, передали по телефону Государю, но сам Государь приехал из Сарова только 20 июля. Евдокия Ивановна рассказывала, что келлейница Прасковьи Ивановны матушка Серафима собралась в Саров на открытие, но вдруг сломала ногу. Прасковья Ивановна ее исцелила. Им было объявлено, что как встретят Государя в игуменском корпусе, пропоют духовный концерт. Он усадит свиту завтракать, а сам приедет к ним.

Вернулись матушка Серафима с Дуней со встречи, а Прасковья Ивановна ничего не дает убрать. На столе сковорода картошки и холодный самовар. Пока с ним воевали, слышат в дверях:

Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас. — Государь, а с ним Государыня. Уже при них стелили ковер, убирали стол, сразу принесли горячий самовар. Все вышли, оставили одних, но они не могли понять, что говорит блаженная, и вскоре Государь вышел и сказал:

Старшая при ней, войдите.

Когда стали прощаться, вошли архимандрит Серафим Чичагов и келлейные сестры. Прасковья Ивановна открыла комод. Вынула новую скатерть, расстелила на столе, стала класть гостинцы: холст льняной своей работы (она сама пряла нитки), нецелую голову сахара, крашеных яиц, еще сахара кусками. Все это она завязала в узел очень крепко, несколькими узлами, и когда завязывала, от усилия даже приседала, и дала Государю в руки:

— Государь, неси сам, — и протянула руку, — а нам дай денежку, нам надо избушку строить (новый собор).

У Государя денег с собой не было, тут же послали. Принесли, и Государь дал ей кошелек золота. Этот кошелек сразу же передали матери игумений.

Прощались, целовались рука в руку. Государь и Государыня обещались опять скоро приехать открывать мощи матушки Александры, потому что она являлась во дворце и творила там чудеса.

Когда Государь уходил, то сказал, что Прасковья Ивановна единственная истинная раба Божия. Все и везде принимали его как царя, она одна приняла его как простого человека.

От Прасковьи Ивановны поехали к Елене Ивановне Мотовиловой. Государю было известно, что она хранила переданное ей Н. А. Мотовиловым письмо, написанное преподобным Серафимом и адресованное Государю Императору Николаю II. Это письмо преподобный Серафим написал, запечатал мягким хлебом, передал Николаю Александровичу Мотовилову со словами:

— Ты не доживешь, а жена твоя доживет, когда в Дивеево приедет вся Царская Фамилия, и Царь придет к ней. Пусть она ему передаст.

Мне рассказывала Наталия Леонидовна Чичагова (дочь Владыки), что когда Государь принял письмо, с

благоговением положил его в грудной карман, сказав, что будет читать письмо после.

А Елена Ивановна сделалась в духе и долго, полтора или два часа им говорила, а что, сама после не помнила. Елена Ивановна скончалась 27 декабря 1910 года. Она была тайно пострижена.

Когда Государь прочитал письмо, уже вернувшись в игуменский корпус, он горько заплакал. Придворные утешали его, говоря, что хотя батюшка Серафим и святой, но может ошибаться, но Государь плакал безутешно. Содержание письма осталось никому неизвестно.

В тот же день, 20 июля, к вечеру все уехали из Дивеева. После этого со всеми серьезными вопросами Государь обращался к Прасковье Ивановне, посылал к ней великих князей. Евдокия Ивановна говорила, что не успевал один уехать, другой приезжал. После смерти келлейницы Прасковьи Ивановны, матушки Серафимы, спрашивали все через Евдокию Ивановну. Она передавала, что Прасковья Ивановна сказала:

— Государь, сойди с престола сам!

Блаженная умерла в августе 1915 года. Перед смертью она все клала земные поклоны перед портретом Государя. Когда она уже была не в силах, то ее опускали и поднимали келлейницы.

- Что ты, мамашенька, так на Государя-то молишься?

- Глупые, он выше всех царей будет.

Было два портрета царских: вдвоем с Государыней и он один. Но она кланялась тому портрету, где он был один. Еще она говорила про Государя:

— Не знай преподобный, не знай мученик!

В эти годы многие приезжали в Саров и в Дивеево. Приезжал и Распутин со свитой — молодыми фрейлинами. Сам он не решился войти к Прасковье Ивановне и простоял на крыльце, а когда фрейлины вошли, то Прасковья Ивановна бросилась за ними с палкой, ругалась: "Жеребца вам стоялого". Они только каблучками застучали.

Приезжала и Вырубова. Но тут, боясь, что Прасковья Ивановна опять что-нибудь выкинет, послали узнать, что она делает. Прасковья Ивановна сидела и связывала поясом три палки — у нее было три палки, одна называлась "тросточка", другая "буланка", третья не помню как, — со словами:

— Ивановна, Ивановна (так она себя называла), а как будешь бить? — Да по рылу, по рылу! Она весь дворец перевернула!

Важную фрейлину не допустили, сказав, что Прасковья Ивановна в дурном настроении.

Незадолго до своей смерти Прасковья Ивановна сняла портрет Государя н поцеловала в ножки со словами:

— Миленький уже при конце.

IV. Об антихристе

1. Антихрист и дивеевская община

Далее отец Василий Садовский говорит в своих записках: "Много чудного говорил батюшка Серафим об этой канавке. Так, что "канавка эта — стопочки Божией Матери! Тут ее обошла Сама Царица Небесная! Эта канавка до небес высока! Землю эту взяла в удел Сама Госпожа Пречистая Богородица! Тут у меня, батюшка, и Афон, и Киев, и Иерусалим! И как Антихрист придет, везде пройдет, и канавки этой не перескочит!" Рыли сестры эту канавку до самой кончины батюшкиной; к концу его жизни, по приказанию его, и зимою рыть не переставали; огонь брызгал от земли, когда топорами ее рубили, но батюшка Серафим переставать не велел. Когда дело не шло на лад, то приказал хоть на один

аршин или хотя бы и на поларшина рыть, только бы почин сделали, а там после дороют!

Первая старшая мельничной обители Прасковья Степановна свидетельствует (тетрадь № б), что много чудного про эту канавку говорил батюшка Серафим. "Вот, матушка, — говорил он мне, — знаете, что место это Сама Царица Небесная избрала для прославления имени своего. Она всегда, во веки будет вам стена и защита, и Антихрист не сможет перейти ее!"

Святая канавка

"О канавке говорил мне батюшка, — говорит сестра Ксения Васильевна (монахиня Капитолина) (тетрадь № 6, рассказ № 33), — да и всем говаривал, что потому она так вырыта, что это самая тропа, где прошла Царица Небесная, взяв в удел Себе обитель. Тут стопочки Царицы Небесной прошли! "Стопочки Царицы Небесной, матушка! — так, бывало, и задрожит весь, как это говорит-то. — Она, Матерь-то Божия, все это место обошла, матушка! Вы и землю-то когда роете, не кидайте так и никому не давайте, а к себе же в

обитель, в канавку-то и складывайте! И скажу тебе, матушка, кто канавку с молитвой пройдет, да полтораста Богородиц прочтет, тому все тут: и Афон, и Иерусалим, и Киев!"

В другом месте старица Прасковья Ивановна повествует: "У вас канавку вырыть надо! — раз так-то заботливо говорит мне батюшка Серафим. — Три аршина чтобы было глубины и три аршина ширины и три же аршина вышины, воры-то и не перелезут!" — "На что, — говорю, — батюшка, нам ограда бы лучше!" — "Глупая! Глупая! — говорит, — на что канавку? Когда век-то кончится, сначала станет Антихрист с храмов кресты снимать да монастыри разорять, и все монастыри разорит! А к вашему-то подойдет, подойдет, а канавка-то и станет от земли до неба, ему и нельзя к вам взойти-то, нигде не допустит канавка, так прочь и уйдет!"

Старица Феодосия Васильевна сообщила следующее (тетрадь № 6, рассказ № 56); "Страдая падучею болезнию, пришла я к батюшке Серафиму, он и говорит мне: "Ступай, радость моя, в Дивеево рыть канавку; эту канавку Сама Царица Небесная Своим пояском измерила, так что когда и Антихрист-то придет, то канавка эта не допустит его туда!" — "Батюшка, — говорю я ему, — я ведь больна, вот так-то и так-то!" Выслушав, взял он меня за плечи и, нагнув главу мою, прочитал молитву. Тут же почувствовав себя совершенно здоровою, я поступила в обитель, и болезнь не возвращалась ко мне уже более никогда"

...Евдокия Трофимовна рассказывала (тетрадь № 6, рассказ № 52), что однажды она работала с сестрою Ириною Семеновною у батюшки в пустынке и он, любя ее, очень много пророчески говорил. "Вот, матушка, — начал отец Серафим, сев у источника, — скажу вам, придет время, у нас в обители все будет устроено; какой собор будет! Какая колокольня! А келлии и ограда будут каменные, и во всем будет у вас изобилие!" После этого отец Серафим вдруг заплакал и сказал: "Но тогда жизнь будет краткая. Ангелы едва будут успевать брать души! А кто в обители моей будет жить, всех не оставлю,

кто даже помогать будет ей, и те муки будут избавлены! Канавка же будет вам стеною до небес, и когда придет Антихрист, не возможет он перейти ее; она за вас возопиет ко Господу и стеною до небес станет и не впустит его! А колокол-то московский, который стоит на земле, около колокольни Ивана Великого, он сам придет к вам по воздуху и так загудит, что вы пробудитесь и вся вселенная услышит и удивится".

"Вот скажу тебе, — говорил мне батюшка Серафим, — будет у вас два собора; первый мой-то собор холодный; куда лучше будет Саровского-то, и будут они нам завидовать! А второй-то собор, зимний Казанский, ведь церковь-то Казанскую нам отдадут! Вы и не хлопочите, придет время еще поклонятся да и отдадут ее нам. И скажу тебе, вельми хорош будет мой собор, но все-таки еще не тот этот дивный собор, что к концу-то века будет у вас. Тот, матушка, на диво будет собор! Подойдет Антихрист-то, а он весь на воздух и поднимется, и не сможет он взять его. Достойные которые взойдут в него, останутся в нем, а другие хотя и взойдут, но будут падать на землю. Так и не сможет достать вас Антихрист-то; все равно как в Киеве приходили разбойники, а церковь-то поднялась на воздух; достать-то они ее не могли. Так вот и собор ваш и канавка поднимутся тоже до неба и защитят вас, и не сможет ничего вам сделать Антихрист! И при том соборе время придет такое у вас, матушка, что ангелы не будут поспевать принимать души, а вас всех Господь сохранит, только три из вас примут мученье, трех Антихрист замучит! Ведь Дивеев-то диво будет, матушка, четверо мощей в Рождественской церкви у нас почивать будут! И будет тут не село, а город, [как приедет Царская-то Фамилия!]. Мы-то с тобой не доживем, а другие-то доживут и до этого!"

2. [Антихрист и Россия]

До рождения Антихриста произойдет великая продолжительная война и страшная революция в России, по точному выражению отца Серафима, превышающая всякое воображение человеческое, ибо кровопролитие будет ужаснейшее: бунты Разинский, Пугачевский, Французская

революция — ничто в сравнении с тем, что будет с Россией. Произойдет гибель множества верных отечеству людей, разграбление церковного имущества и монастырей; осквернение церквей Господних; уничтожение и разграбление богатства добрых людей; реки крови русской прольются. Но Господь помилует Россию и приведет ее путем страданий к великой славе...

От издателей. Текст данного пророчества подтверждается свидетельством княгини П.В.Урусовой, опубликованном в журнале "Русский паломник", 1990, №2, с.94:

"Предсказание преподобного Серафима о возрождении России"

Графиня Наталья Владимировна Урусова, нам лично знакомая, была в переписке с Е. Ю. Концевич, которая нам оставила письма, равно как и воспоминания покойной графини. Вот что сообщается ею:

"Я знаю о пророчестве преподобного Серафима о падении и восстановлении России; я лично это знаю. Когда в начале 1918 года горел Ярославль и я бежала с детьми в Сергиев Посад, то там познакомилась с графом Олсуфьевым, еще сравнительно молодым. Он для спасения каких-то документов, должных быть уничтоженными дьявольской силой большевизма, сумел устроиться при библиотеке Троице-Сергиевой Академии. Вскоре был расстрелян. Он принес мне однажды для прочтения письмо, со словами: "Это я храню, как зеницу ока". Письмо, пожелтелое от времени, с сильно полинявшим чернилом, было написано собственноручно святым преподобным Серафимом Саровским — Мотовилову. В письме было предсказание о тех ужасах и бедствиях, которые постигнут Россию, и помню только, что было в нем сказано и о помиловании и спасении России. Года я не могу вспомнить, т.к. прошло 28 лет, и память мне может изменить, да и каюсь, что не прочла с должным вниманием, т.к. год указывался отдельно,

а спасения хотелось и избавления немедленно еще с самого начала революции; и думается, что это был 1947 г.: во всяком случае, в последних годах 20-го столетия. Простить себе не могу, что не списала копию с письма, но голова была так занята и мозги так уставали в поисках насущных потребностей для детей, что этим только успокаиваю и оправдываю свою недальновидность... Письмо помню хорошо".

3. О великой скорби в последние дни

В одной из других своих бесед с Мотовиловым преподобный Серафим, говоря о духовном состоянии последних христиан, оставшихся верными Богу перед концом мира, поведал нечто весьма важное на укрепление исповедников Христовых:

"И во дни той великой скорби, о коей сказано, что не спаслась бы никакая плоть, если бы избранных ради не сократились оные дни, в те дни остатку верных предстоит испытать на себе нечто подобное тому, что было испытано некогда Самим Господом, когда Он, на Кресте вися, будучи совершенным Богом и совершенным человеком, почувствовал Себя Своим Божеством настолько оставленным, что возопил к Нему: "Боже Мой! Боже Мой! Для чего Ты Меня оставил?" Подобное же оставление человечества благодатью Божиею должны испытать на себе и последние христиане, но только лишь на самое краткое время, по миновании коего не умедлит вслед явиться Господь во всей славе Своей и все святые ангелы с Ним. И тогда совершится во всей полноте все, от века предопределенное в Предвечном Совете"

4. Святой праведный Иоанн Кронштадтский за наше окаянство!

Господи, благослови!

Я, многогрешный Иоанн Кронштадтский, пишу видение мною виденное, передаю вам сию истину, все что я видел и слышал в ночном видении января 1901 года.

Я прихожу в тихий трепет, что будет с грешным миром. Гнев Божий постигнет скоро нежданно за наше окаянство. Я пишу, и руки мои дрожат, и слезы покрывают мое лицо. Господи, дай мне крепость и силу, истину и воли Твоея с начала и до конца описать все мною виденное!

Так было это видение: после вечерней молитвы я лег немного отдохнуть от усталости моей, в келье был полумрак. Перед иконой Божией Матери горела лампада. Не прошло получаса, слышу легкий шорох, кто-то коснулся моего левого плеча, тихий голос ласково сказал мне: "Встань, раб Божий Иоанн, пойди волею Божией!" Я встал и вижу около меня дивного старца, убеленного сединой, в черной мантии, с посохом в руке: ласково посмотрел на меня, и я от великого страха едва не упал; руки и ноги задрожали, и я что-то хотел сказать, но язык мой не повиновался, старец перекрестил меня и мне стало легко и радостно. Потом уже я сам перекрестился. Затем он тем же посохом указал на западную сторону стены, чтобы я смотрел на то место. Старец начертал на стене следующие цифры: 1913, 1914, 1917, 1924, 1934. Потом вдруг стены не стало, я пошел за старцем по зеленому полю и вижу массу крестов деревянных, тысячи стоят на могилах: большие деревянные, и глиняные, и золотые. Я спросил старца: "Что это за кресты?" Он ласково ответил мне: "Это те, которые за веру Христову пострадали и, за слово Божие убитые, оказались мучениками!" И вот идем дальше. Вдруг я вижу целую реку крови, и спросил я старца: "Что это за кровь? Как много пролито?" Старец оглянулся и сказал: "Это кровь истинных христиан!" Затем старец указал на облако, и я вижу массу белых светильников горящих, вижу, они стали падать на землю, один за другим, десятками и сотнями. Все они при падении тускли и превращались в прах. Потом старец сказал мне: "Смотри!" И я вижу на облаках семь горящих светильников. Я спросил; "Что это за светильники падающие?" — "Это падут церкви Божий в ереси, и семь светильников на облаках, это семь церквей Апостольских, Соборных, останутся до конца мира!" Затем старец показал ввысь, и вот я вижу и

слышу пение ангелов, они поют: "Свят, Свят, Свят, Господь Саваоф!" Шла большая толпа народа со свечами в руках, с радостными сияющими лицами. Здесь были архиереи, монахи, монахини, масса мирян, молодые, даже юноши и дети. Я спросил чудного старца: "Что это за люди?" — "Это все пострадавшие за святую Соборную, Апостольскую Церковь, за святые иконы от губителей!" Я спросил великого старца, могу ли я присоединиться к ним? Старец сказал: "Рано еще тебе, потерпи, нет благословения Божия!"

И опять я вижу собор младенцев, пострадавших за Христа от царя Ирода, и получили венцы они от Царя Небесного. И вот идем дальше и заходим в большой храм. Я хотел перекреститься, но старец сказал мне: "Не надо! Здесь мерзость запустения!" Церковь была очень мрачна. На престоле — звезда со звездою, свечи горят смоляные и трещат как дрова; чаша стоит залита сильным зловонием; просфоры со звездой; перед престолом стоит священник, лицо как смола, а под престолом — женщина, вся красная, со звездой во лбу, во весь храм кричала: "Я свободна!" Господи, страшно! Люди как безумцы стали бегать вокруг престола, кричать, свистеть, в ладоши хлопать и ртом стали петь блудные песни. Вдруг сверкнула молния, загремел ужасный гром, задрожала земля и храм рухнул, провалились женщина, люди и священник и все — в бездну. Господи, как страшно, спаси нас! Я оглянулся. Старец что-то видел, и я вижу. "Отче, скажи мне, что это за страшный храм?" — "Это вселенские люди, еретики, которые оставили святую Соборную Церковь и признали новообновленную, в которой нет благодати Божией: в ней нельзя говеть и приобщаться!" Я испугался и сказал: "Господи, горе нам окаянным — смерть!" Старец успокаивал меня, сказал: "Не скорби, а только молись!" И вот я вижу массу людей, они идут страшно измученные жаждою, во лбу звезды. Они увидели нас и громко кричали: "Святые отцы, помолитесь за нас. Очень тяжело нам, а мы сами не можем. Отцы и матери не учили нас закону Божию. Даже имени Христова нет у нас, мы не получили мира, Духа Святого и

отвергли крестное знамение!" И заплакали. Я пошел вслед за старцем. — "Смотри!" И указал мне рукой. Вижу — гора трупов человеческих, замаранных в крови. Я очень испугался, спросил старца, что это за трупы? — "Это монашествующие отвергли и не приняли печати антихристовой, пострадали за веру Христову, Апостольскую Церковь и приняли мученическую кончину и умерли за Христа. Помолись за рабов Божиих!"

Вдруг старец обратился к северной стороне и указал рукой. Смотрю — царский дворец. Вокруг него бегают псы, ярые звери и скорпионы, ревут, лезут, грызут зубами. А на троне, вижу, сидит Царь. Лицо бледное, мужественное, читает Иисусову молитву. Вдруг упал как труп. Корона спала. Помазанника звери потоптали. Я испугался и горько плакал. Старец взял меня за правое плечо: я вижу, в белом саване — Николай Второй. На голове венец из зеленых листьев, лицо бледное, окровавленное, на шее золотой крест. Он тихо шептал молитву, а затем сказал мне со слезами: "Помолись о мне, отец Иоанн. Скажи всем православным христианам, что я умер как Царь-Мученик мужественно за веру Христову и Православную Церковь. Скажи Апостольским пастырям, чтобы отслужили братскую панихиду за меня грешного. Могилы моей не ищите!"

А затем все скрылось в тумане. Я горько плакал, молился за Царя-Мученика. От страха у меня дрожали руки и ноги. Старец сказал: "Так угодно Богу! Помолись и скажи, чтобы все молились!.. Смотри!" И вот я вижу такая масса умерших от голода валяются, иные едят траву и зелень. А трупы одних пожирают псы, и страшное зловоние. Господи, у людей нет веры! Из уст извергают богохульства и за это — гнев Божий! И вот вижу целую гору книг, и между теми книгами ползают черви, которые распространяют страшное зловоние. Я спросил старца, что это за книги? — "Безбожные, богохульные, которые будут заражать всех христиан богохульным учением!" И вот старец прикоснулся посохом к книгам, они загорелись, и пепел разнес ветер.

Дальше вижу я церковь, вокруг лежит масса поминальников. Я наклонился и хотел прочитать их, но старец сказал: "Это поминовения, которые много лет лежат, и священники их забыли: не читают, некогда, а усопшие просят молиться!" Я спросил: "Когда же их будут поминать?" И старец сказал: "Ангелы за них молятся!"

И вот пошли дальше, а старец так быстро шагал, что я едва поспевал за ним. — "Смотри!" — сказал старец. Вижу, идет большая толпа народа, гонимая страшными бесами, которые били их кольями, вилами и крюками. Я спросил старца: "Что это за люди?" Старец ответил: "Это которые отреклись от святой веры и от Соборной, Апостольской Церкви и приняли новообновленческую. Это были священники, монахи и монахини, миряне, которые отвергли и брак, пьяницы, богохульники, клеветники. У всех у них страшные лица, изо рта — зловоние. Бесы били их, гнали в страшную пропасть, оттуда выходил смрадный огонь. Я страшно испугался, перекрестился: "Избави, Господи, от такой участи!"

Вот, вижу массу людей, старые и молодые, все в страшном одеянии, вывесили пятиконечную звезду огромную; на каждом углу по двенадцати бесов; на середине — сам сатана со страшными рогами, соломенной головой, испускал он зловредную пену на народ, выраженную в словах: "Вставай, проклятьем заклейменный..." Вдруг появилось множество бесов с клеймами и на весь народ прикладывали печати: на лбы и выше локтя, на руках правых. Я спросил старца: "Что это такое?" — "Это — печать Антихриста!" Я перекрестился и последовал за старцем. Он вдруг остановился и показал на восток рукой. Я вижу большой собор людей с радостными лицами, в руках кресты, вокруг свечи; посреди стоял высокий престол белый, как снег: на престоле — Крест с Евангелием, над престолом на воздухах золотая царская корона: на ней написано золотыми буквами: "На малое время". Вокруг престола стоят патриархи, епископы, священники, монахи, монахини, миряне. Все пели:

"Слава в вышних Богу и на земле мир!.." Я от радости перекрестился, поблагодарил Бога. Вдруг старец взмахнул вверх крестом три раза, вижу массу трупов в крови человеческой, и над ними летали ангелы: берут души убиенных за слово Божие. Ангелы пели притом: "Аллилуйя!" Я смотрел и громко плакал. Старец взял меня за руку и не велел плакать: "Так угодно Богу. Господь наш Иисус Христос пострадал, пролил пречистую кровь Свою за нас. Так будут мучениками те, которые не примут печать антихристову, все прольют свою кровь, получат венец Небесный!"

Затем старец помолился за рабов Божиих и указал на восток. Сбылися слова пророка Даниила: "мерзость запустения".

Вот окончательно вижу Иерусалимскую купальню. Над купальней звезда. Внутри храма толпятся миллионы народа и еще стараются войти внутрь. Я хотел перекреститься, а старец удержал мою руку и сказал: "Здесь мерзость запустения!!" Вошли и мы в храм. Там было полно народу: я вижу престол, там горят свечи сальные; на престоле — царь в красной, яркой порфире; на голове золотая корона со звездой. Я спросил старца: "Кто это?" Он сказал: "Антихрист!" Высокого роста, глаза как огонь, черные брови, борода клином, лицо свирепое, хитрое, лукавое, страшное. Он сам на престоле, а руки протянул к народу. На руках когти как у тигра, и кричал: "Я — царь и БОГ, и правитель. Кто не примет моей печати, тому — смерть!" Все люди пали и поклонились ему; он стал накладывать печать на лбы и на руки, чтобы получить хлеб, не умереть с голоду и жажды. Вдруг слуги Антихриста привели несколько человек со связанными руками, чтобы они поклонились ему. Они сказали: "Мы христиане, мы все веруем в Господа нашего Иисуса Христа!" Антихрист в один миг снял головы с них: полилась христианская кровь. Затем принесли юношу к престолу Антихриста, чтобы он поклонился, но юноша громко сказал: "Я христианин, верую в Господа нашего Иисуса Христа, а ты

посланник, слуга сатаны!" — "Смерть ему!" — закричал Антихрист. Принявшие печать падали и поклонялись ему.

Вдруг загремел гром, засверкали тысячи молний, стрелы поражали слуг антихристовых. Вдруг блеснула большая стре ла, с пламенным огнем упала на голову Антихриста, он взмах нул рукой, корона упала, разбилась в прах: летали миллионы птиц и клевали слуг Антихриста. Я почувствовал, как старец взял меня за руку. Идем дальше, и я вижу опять много крови христианской. Тут я вспомнил слова Иоанна Богослова в От кровении: будет кровь... "даже до узд конских". "Ох, Боже мой, спаси меня!" Вижу ангелов, летающих и поющих: "Свят, Свят, Свят, Господь Саваоф!"

Старец оглянулся и пошел: "Не скорби, скоро, скоро конец миру! Молись Господу, Бог милостив к рабам Своим!"

Приблизилось время к концу. Он указал рукой на восток, наконец упал на колени и молился: с ним молился и я. Старец стал отделяться быстро от земли на высоту: тут я вспомнил, как же имя этого старца, то громко воскликнул: "Отче, как твое имя?" — "Серафим Саровский! — ответил ласково старец. — Что видел, напиши православным христианам! "

Вдруг как будто бы ударил над моей головой большой колокол, и я услышал звон и проснулся. — "Господи, благослови, помоги молитвами великого старца! Ты открыл мне, грешному рабу Иоанну, Кронштадтскому иерею!"

V. О нечестии духовных лиц и воскресении преподобного Серафима для проповеди всемирного покаяния

1. О нечестии духовных лиц

В описании жизни и подвигов святого Серафима приводится много свидетельств благодатного дара прозрения, которым он пользовался для возбуждения в людях раскаяния во грехах и нравственного исправления.

"Господь открыл мне, — сказал он, — что будет время, когда архиереи земли Русской и прочие духовные лица уклонятся от сохранения Православия во всей его чистоте, и за то гнев Божий поразит их. Три дня стоял я, просил Господа помиловать их и просил лучше лишить меня, убогого Серафима, Царствия Небесного, нежели наказать их. Но Господь не преклонился на просьбу убогого Серафима и сказал, что не помилует их, ибо будут учить учениям и заповедям человеческим, сердца же их будут далеко от Меня"

2. Великая Дивеевская тайна

"Серафим, Серафим! Велик у Бога Серафим! Всюду Серафим!.." То были слова великой дивеевской блаженной Прасковьи Ивановны, когда она, прикрыв ладонью данные мною два рубля, вопрошала, глядя на икону преподобного, как бы его самого, брать или не брать эти деньги...

Воистину, всюду велик у Бога Серафим!

Какое значение в моей маленькой жизни имел, верую, и доселе имеет, преподобный Серафим, читателю моему известно и из книги моей "Великое в малом" — и прочего, что в разное время выходило из-под пера моего.

Поведаю теперь то, что я хранил доселе в сердечной памяти своей, и чему, думается мне, еще не выходили Божьи сроки. Если не обманывает меня внутренне извещение-предчувствие, сроки эти исполнились, и настало время явить миру верующих и неверующих сокровенный доныне и мною скрываемый умный бисер, подобного которому мир еще не ведал со дней греческого императора Феодосия Младшего, или Юнейшего (Yunior'a). Воскрешение Лазаря известно каждому христианину.

О воскресении же седми отроков знают весьма немногие, и потому, прежде объявления великой Серафимовой тайны (назову ее "Дивеевской" — по месту ее обретения), я вкратце сообщу неосведомленным сказание о седми отроках (Вечный Календарь Е. А. Тихомирова. М., 1882 г.).

Эти седмь благородных отроков: Максимилиан, Екзакустодиан, Иамвлих, Мартиниан, Дионисий, Иоанн и Антонин, связанные между собою одинаковою воинскою службою, тесною дружбою и верою, во время Декиева гонения на Ефесских христиан (около 250 года) скрылись в горной пещере, называемой Охлон, близ города Ефеса и Малой Азии. В пещере этой они проводили время в посте и молитвах, приготовляясь к мученическому подвигу за Христа. Узнав о местопребывании юношей, Декий велел завалить вход в пещеру камнями, чтобы придать исповедников голодной смерти.

По истечении более 170 лет, в царствование Феодосия Младшего (408-450), истинного защитника веры, вход в пещеру был открыт, и блаженные юноши восстали, но не для мучений, а для посрамления неверующих, отвергавших истину воскресения мертвых. По извещении об этом великом чуде царь Феодосии прибыл с сановниками своими и со множеством народа из Константинополя в Ефес, где обрел юношей этих еще в живых и поклонился им как дивному свидетельству свыше о будущем всеобщем воскресении.

По свидетельству церковного историка Никифора Каллиста, царь был в общении с ними семь дней, беседовал с ними и сам прислуживал им во время трапезы. По миновении тех дней юноши вновь уснули сном смерти уже до Страшного Суда Господня и всеобщего воскресения. Святые мощи их прославлены многими чудесами.

Сказание это, независимо от церковного предания, имеет свидетельство и исторической своей достоверности. Святой Иоанн Колов, современник этого события, говорит о нем в житии преподобного Паисия Великого (19 июня). Мароните сирийцы, отколовшиеся в VII веке от Православной Церкви, чтут в своей службе святых отроков. Они находятся в эфиопском календаре и в древних римских мартирологах. История их известна была Магомету и многим арабским писателям. Григорий Турский говорит (De gloria martyr, lib. 1,

сар. 95), что эти мужи до сего дня почивают в том самом месте, одетые в шелковые и тонкие полотняные одежды. Пещера отроков доныне показывается близ Ефеса в ребрах горы Приона. Судьба мощей их неизвестна с XII века, в начале которого игумен Даниил видел их еще в пещере.

По вере моей чудом преподобного Серафима спасенный в 1902-м году от смерти, я в начале лета того же года ездил в Саров и Дивеев благодарить преподобного за свое спасение и там, в Дивееве, с благословения великой дивеевской старицы игумений Марии и по желанию Елены Ивановны Мотовиловой, я получил большой короб всякого рода бумаг, оставшихся после смерти Николая Александровича Мотовилова с разными записями собственной руки его, и в этих-то записях я и обрел бесценное сокровище, тот "умный бисер", который я называю Дивеевской тайной — тайной преподобного Серафима, Саровского и всея России чудотворца. Передаю обретенное словами записи: "Великий старец батюшка отец Серафим, — так пишет Мотовилов, — говоря со мною о своей плоти (он плоти своей никогда мощами не называл), часто поминал имена благочестивейшего государя Николая, августейшей супруги его Александры Феодоровны и матери вдовствующей императрицы Марии Феодоровны. Вспоминая государя Николая, он говорил: — Он в душе христианин".

Из разных записок — частью в тетрадях, частью на клочках бумаги — можно было предположить, что Мотовиловым была приложена немалая энергия к тому, чтобы прославление преподобного было совершено еще в царствование Николая I, при супруге его Александре Феодоровне и матери Марии Феодо-ровне. И велико было его разочарование, когда усилия его не увенчались успехом, вопреки, как могло тому казаться, предсказаниям Божьего угодника, связавшего прославление свое с указанным сочетанием августейших имен.

Умер Мотовилов в 1879-м году, не дождавшись оправдания своей веры.

Могло ли ему, или кому-либо другому, придти в голову, что через 48 лет после смерти Николая I на престоле всероссийском в точности повторятся те же имена: Николая, Александры Феодоровны и Марии Феодоровны — при которых и состоится столь желаемое и предсказанное Мотовилову прославление великого прозорливца преподобного Серафима?

В другом месте записок Мотовилова обретена была мною и следующая великая ДИВЕЕВСКАЯ ТАЙНА:

"Неоднократно, — так пишет Мотовилов, — слышал я из уст великого угодника Божия, старца отца Серафима, что он плотью своею в Сарове лежать не будет. И вот однажды осмелился я спросить его:

Вот вы, батюшка, все говорить изволите, что плотию вашею вы в Сарове лежать не будете. Так нешто вас Саровские отдадут? На сие батюшка, приятно улыбнувшись и взглянув на меня, изволил мне ответить так:

Ах, ваше боголюбие, ваше боголюбие, как вы! Уж на что царь Петр-то был царь из царей, а пожелал мощи святого благоверного князя Александра Невского перенести из Владимира в Петербург, а святые мощи того не похотели.

Как не похотели? — осмелился я возразить великому старцу, — как не хотели, когда они в Петербурге в Александро-Невской Лавре почивают?

В Александро-Невской Лавре, говорите вы? Как же это так? Во Владимире они почивали на вскрытии, а в Лавре под спудом — почему же так? А потому, — сказал батюшка, — что их там нет.

И, много распространившись по сему поводу своими богоглаголивыми устами, батюшка Серафим поведал мне следующее;

— Мне, ваше боголюбие, убогому Серафиму, от Господа Бога положено жить гораздо более ста лет. Но так

как к тому времени архиереи [русские] так онечестивятся, что нечестием своим превзойдут архиереев греческих во времена Феодосия Юнейшего, так что главнейшему догмату веры Христовой и веровать уже не будут, то Господу Богу благоугодно взять мощи убогого Серафима до времени от сея превременной жизни и посем воскресить, и воскресение мое будет, аки воскресение седми отроков в пещере Охлонской во дни Феодосия Юнейшего.

Открыв мне, — пишет далее Мотовилов, — сию великую и страшную тайну, великий старец поведал мне, что по воскресении своем он из Сарова перейдет в Дивеев и там откроет проповедь всемирного покаяния. На проповедь же ту, паче же на чудо воскресения, соберется народу великое множество со всех концов земли. Дивеев станет лаврой, Вертьяново — городом, а Арзамас — губернией. И, проповедуя в Дивееве покаяние, батюшка Серафим откроет в нем четверо мощей и, по открытию их, сам между ними ляжет. И тогда вскоре настанет и конец, всему.

Такова великая Дивеевская благочестия тайна, открытая мною в собственноручных записях симбирского совестного судьи Николая Александровича Мотовилова, сотаинника великого прозорливца, чина пророческого, преподобного и богоносного отца нашего Серафима, Саровского и всея России чудотворца.

В дополнение же к этой тайне, вот что я слышал из уст 84-летней Дивеевской игумений Марии. Был я у нее в начале августа 1903-го года, вслед за прославлением преподобного Серафима и отъездом из Дивеева царской семьи. Поздравляю ее с оправданием великой ее веры (матушка, построив Дивеевский собор, с 1880-го года не освящала его левого придела, веруя, согласно дивеевским преданиям, что доживет до прославления Серафима и освятит придел в святое его имя); поздравляю ее, а она мне говорит:

Да, мой батюшка, Сергей Александрович, великое это чудо. Но вот будет чудо так чудо, — это когда крестный-то

ход, что теперь шел из Дивеева в Саров, пойдет из Сарова в Дивеев, "а народу-то, — как говаривал наш угодничек-то Божий преподобный Серафим, — что колосьев будет в поле. Вот то-то будет чудо-то чудное, диво дивное".

Как это понимать, матушка? — спросил я, на ту пору совершенно забыв тогда уже мне известную великую Дивеевскую тайну о воскресении преподобного.

А это — кто доживет, тот увидит, — ответила мне игумения Мария, пристально на меня взглянув и улыбнувшись.

Это было мое последнее на земле свидание с великой носительницей дивеевских преданий, той 12-й начальницей, "Ушаковой родом", на которой, по предсказанию преподобного Серафима, и устроился, с лишним 30 лет после его кончины, Дивеевский монастырь, будущая женская Лавра. Через год после этого свидания игумения Мария скончалась о Господе.

***

Вот что писал князю Владимиру Давидовичу Жевахову Е. Поселянин (Е. И. Погожев) в письме от 19-го декабря 1922-го года:

"Поведали вчера (18-го декабря) бывшие в Понетаевке прошлое (1921-го года) лето монашки. Там, весной 1921-го года, была прислана комиссия для осмотра мощей в Сарове. Председатель — крестьянин, кажется, из Вертьянова. В ночь, уже в Сарове, видит он сон: стоит у раки, и кости преподобного Серафима соединяются, и вскоре он встает из раки, одетый, как рисуют на иконах, и говорит этому человеку:

— Смотри, я живой!

И при том двумя перстами коснулся его щеки. Тот проснулся стоя, дрожа и в поту, и с двумя черными пятнами на лице в месте касания. Он поутру рассказал бывшее. Составил акт за подписью, отказался от поручения и уехал.

***

На пути моего земного странничества мне пришлось по великой неволе, во дни изгнания буржуев из сел и деревень в города, перебраться в предместье города Пирятина на Украине. Приютила нас, бездомных стариков, одна добрая чета молодых супругов, мало нам знакомая, но близкая по родству дорогому мне человеку. По нем мы и получили у них приют и привет в самое для нас тяжелое, казавшееся даже безвыходным, время.

3-е апреля 1923-го года был днем, назначенным для нашего выселения. В ночь на это число (в тот год 3-е апреля была Радоница — поминовение усопших) супруга из этой четы, знавшая обо мне только понаслышке, видит такой сон:

— Вижу я, — сказала мне она, — что иду по какой-то незнакомой улице, где множество народа, и происходит великое смятение при виде надвигающейся страшной тучи. Быстро налетела эта туча, и началось нечто невообразимое: буря коверкала и выворачивала с корнем деревья, разрушая дома — словом, мне показалось, что началось или землетрясение, или общая гибель и конец свету... Я пала ниц на землю, закрыв лицо руками, и от страха впала в полусознательное состояние.

Когда я очнулась и решилась открыть глаза, то увидела страшный мрак и полное разрушенье: поломанные и вырванные с корнем деревья, разрушенные до основания дома, развалившиеся печи и кое-где полуразвалившиеся печные трубы — словом, хаос и ужас... И вдруг на востоке блеснул яркий луч света и пронзил окружавший меня густой мрак. И в голове моей, как молния, пронеслась мысль: это свет от Всевидящего Ока, что обновилось на старом Прилукском соборе. И в свете этого луча я, среди хаоса и разрушения, увидала большую картину-икону и на ней изображение лежащего в гробу некоего монаха, под которым была надпись: преподобный Серафим Саровский.

Смотрю: монах этот оживает, поднимается из гроба, встает и смотрит на меня, с небесной улыбкой. В благоговейном страхе я вновь падаю пред этим видением на землю и, когда

поднимаю голову, то вижу, что преподобного уже нет, а на его месте стоит Божия Матерь с опущенными веждами. Была Она одна, и Предвечного Младенца с Нею не было.

Я проснулась. О преподобном Серафиме я не думала, мало что о нем слышала, а с вечера, когда спать ложилась, даже и Богу не помолилась, и оттого, когда во сне увидела Божию Матерь, то сильно испугалась, чтобы мне от Нее не досталось за леность и нерадение к молитве.

Простодушный рассказ простодушной женщины я передаю здесь, как он есть. Я не берусь толковать этого сна; но как сон этот подходит ко сну "председателя комиссии", явившегося кощунствовать над мощами преподобного, и как идет он к великой Дивеевской тайне, о которой сказала мне игумения Мария, что "кто доживет, тот увидит".

[Отдельнля запись о Великой Дивеевской тайне]

Часто слыша от великого старца, что он плотью своею в Сарове лежать не будет, я однажды осмелился вопросить его: "Как же, батюшка, вы изволите все говорить, что вы плотию своею лежать не будете. Нешто вас Саровские отдадут?" — И на сие батюшка, приятно на меня взглянув и улыбнувшись, изволил мне ответить следующее: "Ах, ваше боголюбие, ваше боголюбие. Какие вы. Уж на что царь Петр, то был царь из царей, а захотел мощи св[ятого] благоверного князя Александра Невского перенести из Владимира в Петербург, а св [ятые] мощи не пожелали и в Петербурге их нет". — "Как же нет? Как же нет? — осмелился я возразить великому старцу. — Как же нет, когда он почивает там в Александро-Невской Лавре". "В А[лександро]-Н[евской] Лавре, говорите Вы, — ответил мне батюшка. — Как же так, во Владимире они почивали на вскрытии, а в Петербурге под спудом. Почему же так, а потому, ваше боголюбие, что их там нет. И, много распространившись по сему предмету, батюшка отец Серафим изволил мне открыть великую тайну. "Мне,— сказывал, — убогому Серафиму, от Господа Бога положено жить гораздо более ста лет. Но так как к тому времени архиереи русские так

онечестивятся, что нечестием своим превзойдут архиереев греческих во времена Феодосия Юнейшего, так что даже и важнейшему догмату Христовой веры — Воскресению Христову и всеобщему воскресению веровать не будут, то посему Господу Богу угодно до времени меня, убогого Серафима, от сея превременныя жизни взять и затем, во утверждение догмата воскресения, воскресить меня, и воскрешение мое будет, яко воскрешение седьми отроков в пещере Охлонской во времена Феодосия Юнейшего. По воскрешении же моем, я перейду из Сарова в Дивеев, где буду проповедовать всемирное покаяние. И на сие великое чудо соберутся в Дивеев люди со всех концов земли, и там, проповедуя им покаяние, я открою четверо мощей и сам между ними пятым лягу. Но тогда уж настанет и конец всему".

Таково сказание, которое я сложил в своем сердце со времени 1902 года из записок Мотовилова и которое решился сказывать лишь ближайшим мне по духу лицам, которых всегда бывало не очень много. Косвенным подтверждением сему из тайников Дивеевских, я слышал лично от великой старицы 85-ти летней иг[умении] Марии, предреченной преподобным Серафимом как 12-й начальницы, на которой, сказывал батюшка, — "у вас и монастырь устроится". Поздравляя ее в августе 1903 г. с оправданием ее великой веры открытия мощей преподобного] Серафима (она в своем соборе не освящала с 1879 года одного престола, веруя, что доживет до прославления преподобного и освятит престол в честь его и славу), я услышал от нее следующие высокознаменательные слова: "Правда ваша, батюшка мой, Сергей Александрович, это чудо. Но вот будет чудо так чудо, это когда крестный ход, что теперь из Дивеева шел в Саров, пойдет из Сарова в Дивеев, а народу-то, как сказывал нам батюшка угодник Божий, что колосьев будет в поле. Вот это так будет чудо чудное, диво дивное". — "Как понимать это, матушка?" — спросил я ее, совсем на ту пору забыв то, что я знал из рукописей Мотовилова. На это ответила матушка, загадочно ласково улыбнувшись: "Кто доживет — увидит".

Копия сокращенная [о великой Дивеевской тайне]

Будет время, когда все словеса предречений Господних, сказанные великому старцу Серафиму о судьбах 4-го жребия во вселенной Божией Матери, вполне сбудутся. Ибо по обетованию Господню воскреснет на некоторое время и восстанет из гроба великий старец Серафим и пешком перейдет из Саровой пустыни в село Дивеевво — и при сонме высочайшей фамилии, великокняжеской, царской, императорской, и русских и иностранных, бесчисленного множества людей, уверив всех воскресением своим в непреложности и всех людей в конце веков всеобщего воскресения, понеже, наконец, там вечным опять до времени сном смерти почиет, и тогда-то, после сего вторичного батюшки отца Серафима успения, село Дивеево соделавшись Домом всемирным, просветится паче всех, не только русских, но и всех градов на свете — ибо свет веры Христовой через это воскресение из мертвых великого старца Серафима утвердится вселенной всей. Тогда с какой жадностью все обратятся ко всем источникам православным для узнания о начале и ходе сего дива истории, сего 4-го жребия вселенского Божией Матери, нового света Афонской Женской Дивеевской Горы; сего места спасения всего мира во времена Антихриста.

Писано было Мотовиловым 8-го ноября 1867года

Еще батюшка сказал Марии Семеновне: "Убогий Серафим мог бы обогатить вас, но это не полезно вам, мог бы и золу превратить в злато, но не хочу. У вас многое не умножится, а малое не умалится. В последнее же время будет у вас изобилие во всем, но тогда уже будет всему конец. [Теперь все дивятся, что убогий Серафим занимается вами, печется о ваших духовных и телесных нуждах; это-то что за диво? А вот будет диво, как плоть-то свою убогий Серафим принесет в Дивеев!" Мы все думали, что батюшка Серафим посетит нас, но при жизни его это не случилось.]

Предание о Великой Дивеевской тайне

Дуня Булатова, жившая в келье с Агашей Купцовой, мне говорила. Агаша была из рода Мелюковых, то есть родственница Елены Ивановны Мотовиловой. Раз Дуня выпросила у нее одну тетрадь Мотовилова. Там было сшито все подряд: хозяйственные счета, деловые бумаги и т.д. Но все же она сумела там разыскать и духовное. Мотовилов пишет, что преподобный ему много говорил о будущем России. И он было сел и хотел записать, но Ангел остановил его руку, сказав: "Не пиши, а передай устно".

Там еще было написано, что преподобный говорил, что смерть его будет подобна смерти семи отроков Ефесских.

Эту рукопись у Агаши выпросил один человек, назвавшийся царским фотографом. Обещал напечатать.

В рукописи еще было написано:

"Не то диво, что недошли за 100 саженей до моей хижины, а то диво, что моя смерть будет подобна смерти отроков Ефесских, 300 лет спавших в пещере. Как они восстали во уверение всеобщего воскресения, так и я восстану перед последним концом и возлягу в Дивееве. Дивеево будет называться не по селу Дивеево, а по всемирному Диву".

3. Насколько близок конец мира?

На вопрос мой, как сохранить нравственность людей, мне подчиненных, и не противны ли Богу законные, по-видимому, наказания? "Милостями, облегчением трудов, а не ранами, — отвечал он, — напои, накорми, будь справедлив. Господь терпит. Бог знает, может и еще протерпит осьмую тысячу. Ты так делай: аще Бог прощает, и ты прощай. Сохрани мир душевный, чтобы в семействе у вас ни за что не было ссоры, тогда благо будет. Исаак, Аврамов сын, не злобился, когда у него колодцы засыпали, и отходил, а потом его же

стали просить к себе, когда Бог благословил его стократным плодом ячменя"

["И еще раз мне батюшка Серафим сказал (рассказ 73): "Мню, батюшка, что восьмая-то тысяча пройдет. Мню, что пройдет! И вот что еще скажу тебе, батюшка: все пройдет и кончится. И обители, батюшка, уничтожатся, а у убогого Серафима в Дивееве до самого дня пришествия Христова будет совершаться Бескровная Жертва, батюшка!"]

Один брат, воображая, что уже близок конец мира и великий день второго пришествия Господня, пришел спросить об этом у отца Серафима. Старец, проникнув помышление брата и уразумев, что им руководит праздная пытливость, а не желание получить назидание, и не дождавшись его вопроса, отвечал ему: "Радость моя! Ты много думаешь о убогом Серафиме; мне ли знать, когда будет конец миру сему и тот великий день, в который Господь будет судить живых и мертвых и воздаст комуждо по делам его? Нет, сего мне знать невозможно". Тогда брат в страхе припал к ногам прозорливого старца; а старец, подняв его, так продолжал говорить ему: "Господь сказал Своими пречистыми усты: *о дни том и часе никтоже весть: ни ангели небесные, токмо Отец Мой Един. Яко же бо бысть во дни Ноевы: тако будет и пришествие Сына Человеческого. Якоже бо беху во дни прежде потопа, ядуще и пиюще, женящеся и посягающе, донего же дни вниде Ное в коечек, и не уведеиш, дондеже прииде вода и взят вся: тако будет и пришествие Сына Человеческого!"* При сем старец тяжко вздохнул и сказал: "Мы, живущие во грехах, далеко отступили от путей спасения; мы невоздержны, не храним постов святых; не соблюдаем ни среды, ни пятницы, едим мясо даже во святую Четыредесятницу, не думая о том, что сим нарушаем церковные и апостольские правила, гневим Господа, широко отворяя для входа в лукавое сердце свое двери страстям и порокам, а вслед за ними и казням Божиим. Исправимся, да Господь нас помилует! Возлюбим Церковь Святую и Православную, возлюбим веру, как наше твердое и

благодатное ограждение; да будет правда нам в броню и благочестие в щит спасения. Ими Россия будет славна, крепка и необорима, и врата адовы не одолеют нас!»

РУКОПИСИ ЗАПИСОК, ПИСЕМ И СТИХОТВОРЕНИЯ Н.А.МОТОВИЛОВА

впервые расшифрование и подготовленые к печати редакцией журнала "Держава" и опубликованные в №1(4) 1996 г. При публикации сохранена орфография подлинника.

Ф.ЮЭэксп. 1854 г., д.93

Н.А. Мотовилов

С Милостивейшаго Высочайшаго Повеления

Почетный Смотритель Корсунскаго Уезднаго Училища, Член Ни-жегородско-Ардатовскаго Тюремного комитета и кандидат в должность Симбирского Совестного Судьи Титулярный Советник Николай Александров сын Мотовилов

27 февраля 1854 года Жительство имею временное в С-Пе-тербурге - в 1-й Адмир. части 1-го кв. В доме Графини Зубовой.

Великий Старец Серафим известен во всей России по Богоугодной жизни своей, Иеромонах и Пустынножитель Саровской Пустыни, исцеливший меня в 1831 году 5-го Сентября от тяжких болезний в одно мгновение ока, а потом осенью того же года при разъяснении мне, как люди сподобляются быть в Полноте Духа Святаго, Просиявший светлее солнца и около четверти часа в етом осиянии благодатном, беседовавший со мною и сими двумя необыкновенными случаями, доказавший мне, что он близок к Богу и его Боговдохновенное слово данное по полноте вероятия; между прочими беседами своими, впоследствии времени, именно оне: в Четверток на Святую Пасху в 1832 году открыл мне и всю жизнь Его Императорского Ввеличества — и заповедал о чем, если не ошибаюсь, лишь только теперь, Прижилось именно самое Настоящее время.

Убежденный в душе, что и по совести Христианина и по священному долгу Присяги, — я не должен долее умалчивать о том, что вероятно не безполезно и отрадно будет Его Императорскому Величеству, во всей подробности узнать в нынешнее время, и не смея открыть того никому иному, ктоме Высочайшей Священнейшей Особе я осмеливаюсь утруждать Ваше Сиятельство моею всепокорнейшей просьбою, о благосклонном исходе тайствовании мне на то Всеми всеподданнейше доложить о словах его не иначе как лично Самому Великому Государю Императору, и не в иное время, как когда по крайнему разумению моему, и соображения

Пророческих Слов Его с событиями современными, настанет приблизительно похожее на то время, о коем он Предрекал мне.

В 1833 году в первый приезд мой сюда, Его Императорское Величество изволили быть в Пруссии — да если бы я и дождался в тот раз возвращения Его Величества из заграницы, то все-таки едва ли благовременно было бы тогда мое всеподданнейшее объяснение.

Текст расшифрован и подготовлен к печати Л. А.Кудрявиной

16 марта 1854 г.

Всеавгустейший Монарх

Собственно Его Величества рукою написано карандашем*: Ежели он, как верноподданный не забыл своей присяги, то должен исполнить мое приказание и донести на бумаге, что мне сказать имеет, тогда решу стоит ли мне его призвать или нет.*

15 марта 1854 г.

Всемилостивейший Государь!

Вследствии верноподданнического желания моего иметь счастие всенижайше лично доложить Вашему Императорскому Величеству о словах пророчественных Великаго Старца Серафима, Господин министр Высочайшего Двора Вашего, Граф Владимир Федорович Адлерберг поручил мне отнестись к Графу Алексею Федоровичу Орлову, — а им передано мне, чтобы я нимало не стесняясь никаким опасением, все что знаю по сему предмету изложил, на бумаге во всем пространстве и полной сущности онаго, в словах сколько ли ясно более коротких — и если могу, то не искал бы счастия лично всеподданнейшаго Доклада с неизбежною осторожностию изложение тех же мыслей на бумаге и, наконец, что думать о предложении не искать возможности хотя на одно мгновение насладиться столько желанным для каждаго верноподданнаго Вашего и превожделенным счастием видеть

пресветлое лице Высочайшей Особы Вашего Императорскаго Величества когда великодушная доступность Ваша Всеавгустейший Монарх столь велика, что не скрывает Вас и от самого последняго из Ваших верноподданных. Мне говорят, что смутность современнаго положения нашего отечества невольно делается главной причиною того, что едва ли можно будет мне удостоиться величайшаго для меня счастия лично видеть Вас — от всего сердца моего, нелицемерно любимый мною Монарх. Но неужели две, три, а много четыре минуты достаточные быть может на Высокомонаршее благосклонное выслушание слов Великаго Старца Серафима — слов едва ли только лишь не в современном состоянии Отечества нашего и долженствующих быть приведенными в известность Вашему Императорскому Величеству — так много отнимет времени от великих забот Ваших о непоколебимости Державы Вашей — и каким образом слова Великаго Старца могут быть помехой счастию Русской земли, когда они до него то лишь и до Высочайшей Особы Вашей без коей счастие на земле Русской быть не может, и относится только. Да и было ли когда-нибудь на бумаге излагавшиеся мною доведено до Всеавгустейшаго сведения Вашего хотя одно слово правды моей без того, чтобы оно или было превратно истолковано или вовсе предано совершенному упомолчанию в чаянии что я никогда и никак не сподоблюсь счастия лично видеть Вас Государь и обо всем всеподданнейше должить Вам по сущей справедливости. И не извольте подумать, что я дерзаю так всподданнейше изъясняться, не имея на то никакаго основания. — Нет Ваше Императорское Величество, никто более моего не имеет права неоспоримаго на таковый образ мышления, хотя и весьма для меня не отрадный, но тем не менее не отвратно вынужденный из меня неизбежностию.

Чтобы доказать настоящие слова мои мне следовало бы только хотя в кратких очертаниях дорассказать постепенно все обстоятельства жизни моей послужившей как основными и сопутствующими так и завершающими, побудительными причинами к тому, но чтобы действительно не употребить во зло

благомилостивейшее Высочайшее внимание Ваше — осмелюсь только привести один пример: Вашему Императорскому Величеству вероятно известно дело о двух Дивеевских женских общинах — сущность того дела официально изложенная имеется в Святейшем Правительствующем Синоде — дело это началось по моей просьбе, но так-ли оно официально представлено — как на самом деле все до него относящееся было излагаемо мною на бумаге; вот самый короткий отчет мой собственной об истинной и действительной его сущности.

Ярославская помещица Полковница Агафья Симеоновна Мельгунова урожденная Белокопытова постриженница Киево-Фроловскаго женскаго монастыря в монахинях Александра сподобилась во сне получить от Божией Матери извещение, что не в Киеве должна окончить она жизнь свою, но идти на Север Великой России и там Царица Небесная укажет ей место — где по кончине ее, благоволением Божией Матери, устроится обитель девическая на которую она с Иверии, Афона и Киево-Печерской Лавры низведет свое благословение равное тем трем Святым местам ея небесным благословением. Монахиня Александра видела второе явление Божией Матери Нижегородской губернии Ардатовского уезда в селе Дивееве на том самом месте, где потом Великим Старцем Серафимом устроена двухпрестольная церковь Рождества Христова и Рождества Пресвятыя Богородицы — Старица Божия после многолетних трудов монашеских около того места проведенных наконец за полгода до смерти своей поселилась с тремя при ней сестрами противу сего места про которое Царица Небесная сказала ей в видении что оное есть именно то, которое будет принадлежать Великой Обители предреченной ей в Фроловском Киевопечерском монастыре — и умирая дала заповедь иеродиакону Саровской пустыни Серафиму попещисть о благоустроении духовном имеющей некогда по предречению Божией Матери основаться той Великой обители.

После кончины ее на месте ее жительства к трем сестрам к ней пришедшим и после нее оставшимся собрались другия и основалась община содержавшая устав и молитвенное правило одинаковое с правилом Саровской пустыни. — Между тем Иеродиакон впоследствии Иеромонах Серафим — преуспевая в духовных монашеских подвигах в пустынножительстве семнадцатилетним иноком сподобился перенести посты: трехдневный и семидневный; двух, трех, четырех и шестинедельный и наконец 72-х дневный — и после того — борьбу с бесами в течении 1001 дня и 1001 ночи — то получить совершенную победу над ними о чем мне самому из уст в уста передал. И после всего того пятилетним безмолвием в затворе достигши полнаго подобно Пророку Моисею Боговидцу — благодатнаго внутренняго и внешняго озарения, решился заняться благоустроенней помянутой выше общины бывшей под начальством Ксении Михайловны Миловановой — и желал поучить их простоте жизни и легчайшему приобретению благодати Духа Святаго — именно тем же способом коим он из многолетней собственной благодатной опытности научился, но она его мало стала слушаться говоря, что уже им дан устав Строителем Пахомием начальником Саровской пустыни — и она не согласна на нововведение — чая что — через соблюдение и прежняго устава того она и сестры ея спасутся, и Великий Старец Серафим ища не своих си а еже ближняго оставил их в покое — и обратился к прежнему совершенно отлученному от всякаго сообщения с людьми пустынножительству, но Божия Матерь явилась ему приказала завести новую и вторую в Дивееве общину — в поле возле села того из одних только девиц с условием что бы никогда вдовицы в ней не жили — дала этой общине новый и нигде небывалый, а Ею Самою изобретенный и законоположенный устав, сообщенный устно во время явления — Своего Великому Старцу Серафиму — и в основание новой обители приказала ему самому из Саровского леса срубить двухпоставную мельницу — и к ней пристраивать в порядке Ею Самою указанном келию — из прежней-же общины взять восемь сестер по именно Ею Самою указанных и к ним

лишь тех потом присовокуплять, которых Она Сама изволит ему указать — а на месте помянутом выше где было Ее явление второе монахине Александре устроить в честь Рождества Сына Ея Господа нашего Иисуса Христа и Ея собственную двухпрестольную церковь в коей диаконессами для прислуживания алтарю избрать из новейшей общины Ее девической сестер — и самую церковь подчинить ведомству сей девической общины — обещав что его собственные мощи равно как и мощи Первоначальницы Александры будут некогда почивать в нижней Рождества Ея церкви — и другия многия прибавив к тому а сей второй девической Дивеевской общине предречение повелела что бы место усадьбы этой общины обведено было канавою и валом сделанным трудами ее сестер общежитских — что все Великим Старцем Серафимом исполнено — и в Дивееве со времени заведения сей новой мельничною прозванной общиною стало существовать две совершенно отдельныя друг другу нимало не подчиненные хотя и не лишенные однако же христианскаго общения обители и из сих то двух общин по особому явлению Божией Матери в ночь с 3 Сентября ему бывшему — он 4 Сентября заповедал мне от лица самой Божией Матери служить его собственной девической общине — и сложив руки мои с руками двух сестер сей общины сказал мне: "Как Божия Матерь передала мне из рук в руки общину сию и аки и я по Ея же повелению передаю служение мое сей Ея Великой обители по смерть твою, служи же Царице небесной во всю жизнь твою — и сохраняй в ней все как сама Божия Матерь в ней через меня убогаго Серафима устроить изволила. А в грядушее лето мы на сих трех грядочках поработаем в тобой". Объявив сестрам всем, что Божия Матерь меня назначила им быть писателем во всю жизнь свою отпустил в Воронеж.

По возвращении откуда узнал я о кончине его, что в Дивееве существуют две общины а в Куликове Тамбовской губернии Темниковскаго уезда начинается третья — по благословению того-же Великаго Старца — и приняв на себя по заповеди его служение его собственной общине

мельничной девической Дивеевской — и по моему собственному не без воли впрочем Божией о чем бы долго было здесь пояснять и двум другим — я писал Господину Обер-Прокурору Святейшаго Правительствующаго Синода Графу Николаю Александровичу Протасову от 14 Января 1838 г. О существовании трех различных общин поименованных выше и о различном в пользу их отдельном для каждой пожертвовании земель моих — и наконец, будучи особенным благодатным исцелением в ночь с 1 на 2 Июня 1842 года дарованным мне от тяжкаго ушиба во всем теле и вывих левой ноги и двух ребер в левом боку удостоверил что просьба моя от 1 Июня того 1842 года справедлива и угодна Богу — с приказанием послать ее непременно на Имя Преосвященнаго Иоанна, епископа Нижегородскаго и Арзамасскаго — я не только послал ее тогда а Преосвященный немедленно Святейший Правительствующий Синод — но после того неоднократными просьбами о соблюдении всех моих условий и пожервовании земель тех положенных мною и клонившихся лишь только к соблюдению заповедей Великаго Старца Серафима и непременной волей самой Божией Матери через него мне сначала и потом уже и непосредственно через последнее третье благодатное наделение объявленныя, неоднократно настаивал в возвращении обоим общинам Дивеемским их прежней самобытности, а через то и непременным навсегда непорушном, через их устроение таковое, воли Божией совершенном исполнении, нарушенных, несправедливым соединением. И все то не на словах но на бумаге изъявлял ссылаясь и на самыя законы — в пользу мою говорившиеся — и делал то не через какое нибудь нищее и светское место, но через Святейший Правительствующий Синод. И через столько-то великое место о всех моих вышеупомянутых благодерзновениях и справедливых наставлениях, единственно лишь только страхом Божиим и любовью к Божией Матери их меня вынужденных, старался довести до Высочайшаго сведения Вашего; но чем же увенчались все таковыя многолетния и неотступныя хлопоты мои? — Условия

мои осмеяны, я сам выставлен хлопочущим не знай о чем — соединение общин — приписано не превратному о существовавших донесению, вынужденному несправедливым о том настоянием одного из членов Святейшаго Правительствующаго Синода, но Высочайщей воле Вашего Императорскаго Величества, хотя от Вас однако же всю правоту настоящего положения дел Дивеевских двух общин, совершенно закрыли разнообразными превратными толкованиями, воли Великаго Старца Серафима и клеветами на меня, и через кого же все это сделано? Через Святейший Правительствующий Синод, а клевета на меня возводимая, взведена через Сенатора! — Как же после всего того, простите такому вопросу моему. Ваше Императорское Величество, я осмелюсь через письменное изложение на бумаге всеподданнейше доводить до Высочайшаго сведения Вашего тайну Божественных предречений о Вас и России Вашей, тогда как и заповедано мне верноподданнически доложить оную скоро лишь только уста в уста.

Если же во мне изволите сомневаться, не изменник ли я какой - не со злым ли умыслом дерзаю утруждать Ваше Императорское Величество, то осмелюсь нижайше представить Всеавгустейшему вниманию Вашему, Великий Государь, какая кровь переливается в жилах моих с отцовской стороны Мотовиловской. Предки мои славянские властители равные в правах нынешних дворян удостоились участвовать вместе с Гостомыслом в призвании Рюрика, Синеуса и Трувора на княжения землею Русскою — что хотя известно только мне по семейным нашим преданиям, однако никакому сомнению не подлежит; - а с Пожарским и Минимым были тоже двое Мотовиловых, предки мои при избавлении Москвы и России от поляков и потом, при возведении на Всероссийский престол ВСЕАВГУСТЕИШАГО ДОМА РОМАНОВЫХ; из них от Евсия Семеновича Смирнаго-Мотовилова воеводы Иркутскаго или Тобольскаго по прямой линии происходит прадед мой, **Надворный Советник Михаил Семенович Мотовилов трудившийся в свержении Бирона и открывший в Саровской**

пустыни тот акт, который нужен был Государыне Цесаревне Елисавете Петровне при восшествии ея на Престол Всероссийский — и во все время почти тысящелетняго дворянства своего в Государстве Российском Мотовиловы служа — Стольниками и Полковниками, Сотниками стрелецких полков и Воеводами передовых полков и в областных городах, что ныне губернские, ни разу не изменяли ни Богу, ни Государю, ни Отечеству, служа и тому, и другому и третьему всегда верою и правдою. — А с материнской стороны, я осмелюсь указать на покойнаго Бригадира Николая Алексеевича Дурасова и всех от сестер его происходящих, заключить что она из одного и того же рода, и в доме его быв воспитана, имела счастие неоднократно пользоваться Высочайшим благоволением и всеавгустейшим вниманием Великой Бабки Вашей Государыни Императрицы Екатерины Великой, каковым удостоин был и родитель мой, начавший службу свою при Высочейшем Дворе Ея Величества и только по тяжким болезням своим и во всю потом жизнь, удручившим его принужденный выдти в отставку.

Простите безумию моему Ваше Императорское Величество, если дерзнул посягнуть о выслугах предков моих — а сам ничего дельнаго не удостоился сделать для Вас Великий Государь и еще раз благомилостивейше дозвольте сделать один вопрос что если бы и всякому из Великих сановников окружающих Престол Ваш было положено в жизни хотя половина препятствий, коими меня устраняли от возможности быть полезным Вашему Императорскому Величеству; то могли ли бы они хотя что нибудь для Вас сделать? — и если им никто не препятствовал в служении Вам Великий Государь, то за что же такое меня не только 14 лет сряду, не пускали на государственную службу, но даже теперь и во вторичный приезд мой в Северную Столицу Вашу, предлагают мне не добиваться личнаго всеподданнейшаго представления Вашему Императорскому Величеству, тогда как Вы Сами и от последняго из солдат Ваших Себя скрывать не изволите.

Простите же великодушно чистосердечному простодумию верноподданнической речи моей — и если можете — то не отриньте Ваше Императорское Величество моей неотступной просьбы Всемилостивейше дозволить мне изустно доложить Вам слова Великаго Старца Серафима, сказавшего мне про Вас Великий Государь, что Вы в душе христианин, чего не смеют сказать про себя очень многие, того Серафима коему возвещено от Бога что смерть его будет подобна смерти семи отроков спавших в Эфесской пещере. — А о нем прояснено мне то, что он воскреснет прежде общаго всех воскресения из мертвых в Царствование Вашего Императорскаго Величества и единственно лишь только для Вас Великий Государь, о чем всем в полноте всего и вышеизложенного изъяснив по сущей справедливости, по долгу Православно-Христианской верноподданнической совести, что готов и присягою подтвердить — вполне передаю себя — Всеавгустейшей воле Вашего Императорскаго Величества и если Всемилостивейше соблаговолите дозволить мне открыть Вам тайну, которой не преувеличивал цену лишь только потому, что единственно Вашему Всеавгустейшему суду Высокомонаршему желал и желаю всеподданнейше предоставить сделать настоящую и справедливую ей оценку; то буду непрестанно благословлять Господа положившаго Вам по сердцу во время благоприятно послушать верноподданническую речь о ней. Если же нет, то двадцать два года терпевши и не открывши ее никому — унесу ее с собой во гроб — с совестию неукоризненную тем, что я скрывал талант вверенный мне от Господа через Великаго раба Своего Серафима.

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

верноподданный раб

Титулярный Советник, Почетный Смотритель Корсунскаго уездного училища, член Нижегородско-Ардатовского Тюремного комитета и Кандидат в должность Симбирского Совестного судьи Николай Александров сын Мотовилов.

7марта 1854 года Жительство временное имею в С-Петербурге 1-й Адм. ч. 1 кв. 8доме графини Зубовой у Моза-левского № 4.

Текст расшифрован и подготовлен к печати **Л.Кудрявиной**

15 Апреля 1866 года

По поводу Восьмого Вселенского Собора

(Из докладной записки Н.А.Мотовилова Государю Императору Александру II)

...Батюшкой отцом Серафимом священно тайно, не для меня вполне ясно повелено от лица Господня ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ всеподданнейше доложить, что по поводу Восьмого Вселенского Собора крайне несущно в настоящее время как во первых — для соединения Святых Божиих Церквей под Единую главу Христа Жизнодавца и под Единый Покров Пресвятыя Богородицы, так во вторых — и всецелое и всеполное анафематствование всей мерзости отступления от Святой Вселенской Веры Христовой или аболиционista ческого нивелирования всего на свете — то есть по русски — декабризма, а по вселенски — масонства, франкмасонства, илюминатства и всей их якобинской, престолов церковных и монастырей святых разорительной и цареубийственной, баргонительной правительственности, всеподло безбожной, антихристианской, сосредоточенной преимущественно в ложах — Симбирской, Московской, Санкт-Птербургской — по России; Нью-Йоркской — по Северной Америке; Калькутской — по Ост Индии; Лондонской, Франкфуртско на Майнской; Кроме мелких лож — Шведских, Прусских, Германских, Австрийских, Итальянских и прочих — всемирно возглавляемых в Клубе Юнионе в Париже, как во вселенской централизации всего Богопротивного антимонархического панреволюционнейшего в мире...

Текст расшифрован и подготовлен к печати ***Г. Баловлековым.***

Слово Великаго Старца Серафима

(Письмо Н.А.Мотовилова Государю Императору Николаю I)

Всеавгустейший Монарх Всемилостивейший Государь

Имев щастие лично моими глазами видеть собственноручное Вашего Императорскаго Величества Высочайшее повеление, о всеподданнейшем докладе слов Великаго Старца Серафима на бумаге, спешу немедленно исполнить Священную для меня Всеавгустейщую волю Вашу.

Вот содержание его беседы в четверток на Пасху 1832 года: "Разсказав подробно о Илии Фесвитянине и об Авессе военачальнике Давидове, о Гедеоне вожде Израильскаго народа, он заключил, что в России много есть еще верных Богу людей, хотя разврат духовный и многих от Бога отвлекает и сказав, что надобно Царям служить так как Авесса, который за жизнь Давидову стократно готов был своею собственною пожертвовать, и прибавив, что подобно Гедеону людям Божиим надобно призыва и избрания Божияго ожидать и тогда действуя по Боге не отчаяваться, еслиб их усердие к Отечеству и не получило надлежащей оценки ибо любовь к Царю и Отечеству угодна Богу - и если бы люди не поценили то Бог воздаст, он спросил меня, что именно влечет меня в Петербург, я сказал, что желание служить там Вашему Императорскому Величеству, почему же там, а не в другом месте, я ответил, чтобы находясь ближе к Вам, в случае нужды быть немедленно готову пролить до последней капли кровь свою, еслиб то понадобилось за Ваше Всеавгустейшее Здравие и быть, если можно будет, сколь Богу угодно будет помочь полезным Церкви Христовой. Он отвечал усердие твое угодно Богу и Он не оставит тебя за оное, но так как по слову пророка во время благоприятно *послушал тя и в день спасения помогох ти,* то, ревность хотя и по Богу да не по разуму, то не только не угодна Богу, но и грех есть. Так и теперь поездка твоя не по дороге — и что самое усердие твое к ГОСУДАРЮ, если преждевременно узнают о нем люди недоброжелающия

ЕМУ, то может повредить тебе, а ты себя береги. О ГОСУДАРЕ же не пекись, его Господь сохранит, Он в душе Христианин, чего не могут про себя сказать иные даже из духовных великих особ. — Велик был Государь Император Петр I Алексеевич, за что великим и отцем Отечества справедливо наречен, а по вере в Господа и верою ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА и соравнен быть не может; сами разсудите, Петр Великий жил во времена такия, когда и одним взглядом дорожили царским первейшия боляре как милостию Божиею и все безмолвно царю покорялись, так Ему легко было управляться, а ныне не тот народ уже стал — и если за всею этою переменою слушаются ГОСУДАРЯ и трепещут враги ЕГО, то уж Сам Господь наш Иисус Христос и Божия Матерь помогают во всем за нелицемерную веру ЕГО Православную, вот ею то ОН и выше Петра Великого, и за нее то и поможет ЕМУ Бог во всем и возвеличит во дни его так Россию над всеми врагами ея, что она станет превыше всех царств земных и не только нам у иностранцев уже не придется учиться ни чему, а еще и им доведется бывать в нашей Земле Русской да учиться у нас и вере православно-христианской и жизни благочестивой по этой вере, а много много будет сначала до того всякаго горя ГОСУДАРЮ и не однократно станут искать его освященной Богу главы и живота Царской фамилии, но Господь всегда будет защищать и ЕГО и весь АВГУСТЕЙШИЙ ЦАРСКИЙ ДОМ ЕГО, праведника ради единого целый род спасается, что речет триех ради, а в ЕГО ГОСУДАРЕВОМ РОДУ посмотрите ка, ваше боголюбие, сколько святых мощей от его венценосной плоти и крови, мню, что не один десяток угодников Божиих, так все они молитвенники за род ЕГО и ЕГО СВЯЩЕННУЮ ОСОБУ ИМПЕРАТОРСКУЮ, вот хотя бы и Августейшая родительница Его, благочестивейшая Государыня Мария Феодоровна, она как мать родная для всех сирот и бедствующих, а что ведь святых только жен богомудрых дала и если то велико в простом человеке, тем более в священной венценосной Царской Особе угоднее Богу — а Государь в Бозе почивший Всеавгустейший родитель Его, Император Павел Петрович

как любил Церковь Святую, как чтил святыя уставы Ея и сколько зделал для блага Ея, не многия из царей русских подобно Ему послужили Церкви Божией, а ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ и еще гораздо более поможет зделать Господь и для Церкви Святой Православной нашей и Единой во всей вселенной Истинной — Непорочно Апостольской Вселенской Церкви Христовой, но до этого еще много должно будет горя и ГОСУДАРЮ и Земле Русской перенести; возстанут на НЕГО не только враги внешния, но и внутренния; и вот как это будет: бунтовщики то, возставшие на ГОСУДАРЯ при возшествии ЕГО на Престол, похвалялись, что хотя и скошена трава да корни остались, то хоть и не по Боге они хвалились тем, а это однако же правда, ибо главные то начальники этого Злого Умысла выдавши тех, которых сами же вовлекли в Злой этот Умысел свой, а сами остались в стороне, и вот они то и ищут и будут искать погибели ГОСУДАРЯ и всей ФАМИЛИИ ЕГО ЦАРСКОЙ и неоднократно будут подъискиваться нельзя ли как нибудь извести ИХ, а когда неоднократный их покушения не удадутся, то они примутся за другое — и будут стараться, что если можно им будет, то бы во всех должностях государственных были все люди или согласные с ними, или по крайней мере не вредные им и будут всячески возстановлять Землю Русскую противу ГОСУДАРЯ, когда же и то им не будет удаваться так, как им того хотеться будет, ибо по местам ими заводимыя частныя возмущения будут по милости Божией скоро прекращаемы, то они дождутся такого времени, когда и без того очень трудно будет Земле Русской, и в один день в один час разанее условившись о том поднимут во всех местах Земли Русской всеобщий бунт, и, так как многия из служащих тогда будут и сами участвовать в их Злоумышлении, то некому будет унимать их, и на первых порах много прольется невинной крови, реки ея потекут по Земле Русской, много и вашей братьи дворян, и духовенства, и купечества, расположенных к ГОСУДАРЮ убьют — но когда Земля Русская разделится и одна сторона явно останется с бунтовщиками, другая же явно станет за ГОСУДАРЯ и целость России, вот тогда, ваше

боголюбие, усердие Ваше по Боге и ко времени — и Господь поможет правому делу — ставших за ГОСУДАРЯ и Отечество и Святую Церковь нашу — а ГОСУДАРЯ и всю ЦАРСКУЮ ФАМИЛИЮ сохранит Господь невидимою десницею Своею и даст полную победу поднявшим оружие за НЕГО, за Церковь и за благо нераздельности Земли Русской — но не столько и тут крови прольется, сколько тогда как когда правая за ГОСУДАРЯ ставшая сторона получит победу и переловит всех изменников и предаст их в руки Правосудия, тогда уже никого в Сибирь не пошлют, а всех казнят, и вот тут то еще более прежняго крови прольется, но эта кровь будет последняя, очистительная кровь ибо после того Господь благословит люди своя миром и превознесет рог помазаннаго своего Давида раба своего Мужа по сердцу своему благочестивейшего Государя Императора Николая Павловича. Его же утвердила и паче утвердит десница Его святая над Землею Русскою.

Так что же унывать нам, ваше боголюбие, *аще Бог за ны, кто на ны — их же бо — предъуведе, сих и предъизбра, их же предъизбра сих и освяти, их же осеяти сих и прослави — сих и блюдет,* что же унывать нам, ваше боголюбие, *аще Бог за ны, кто на ны — разумейте языцы и покоряйтеся яко с нами Бог, могущий покоряйтесь яко с нами Бог и аще паки возможете паки побеждени будете яко с нами Бог* так то, ваше боголюбие, с нами Бог и унывать нам нет никакой дороги.

Я в неизреченной радости лишь только хотел было сказать так благословите же Батюшка, я сей час поеду в Петербург и постараюсь видеть Государя и всеподданнейше доложить Ему слова ваши, а он закрывши мне рукою своею рот сказал, как вы не понимаете, не теперь — а после — теперь еще не время, а после, когда по пророку узрите Иерусалим обстоим вой. Господь вас сам приведет тогда и сам положит по сердцу вашему возглаголать благая о Иерусалиме, а теперь беречись надобно вам, а ГОСУДАРЯ Господь сохранит и благословит ЕГО и Землю Русскую всяким благословением и в

земных и в небесных — во время же свое усты ко устом все слова мои ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ доложи — тогда и то что теперь думаешь скажи — я спросил что же — он отвечал все что ко благу Государя, Святой Церкви и Земли Русской Бог тогда по сердцу тебе положит, то ты не убойся и все возвести ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ — а каково тебе и прежде неоднократно говорил, Господь и Божия Матерь Сами устроят путь твой во благое и убогаго Серафима молитвы к Ним за тебя всюду будут с тобою".

Вот все, Ваше Императорское Величество, что Батюшка отец Серафим в эту незабвенную беседу для меня изволил говорить о Вашем Императорском Величестве и прибавил, что Господь на многия лета еще продлит дни живота Вашего и в старости маститой дарует Вам кончину мирную и святую как тем из всеавгустейших предков Вашего Императорского Величества, которые верою и правдою благоугодили Богу.

Здесь бы следовало еще мне помянуть о том, каким образом после кончины Великаго Старца Серафима сказано было мне самому о Его воскресении из мертвых — подтверждено это троекратно — в 1835, в 1847 ив 1851 годах, но не знаю угодно ли будет Вашему Императорскому Величеству знать о том.

За тем всеподданнейше изъяснив в самых коротких сколько мог словах о беседе отца Серафима — и припадая к высокоосвященным стопам ног Ваших до лица земли — всеуниженнейше верноподданически рабски умоляю Вас Великий Государь, что дерзал утруждать Вас всеподданнейшею просьбою, усты ко устом возвестить все то Вашему Императорскому Величеству, таково действительно было на деле желание Великаго Старца Серафима.

Всемилостивейше простите меня.

Вашего Императорскаго Величества Верноподданнейший раб.

Титулярный советник, Почетный смотритель Карсунскаго уезднаго училища, член Нижегородско-ардатовскаго тюремного комитета и кандидат в должность Симбирскаго Совестного судьи Николай Александров сын Мотовилов.

9 марта 1854 года жительство временное имею в Санкт-Петербурге 1-й адм. час. 1-го квар. в Большой Миллионной улице в доме графини Зубовой у Мозалевского № 4.

Текст расшифрован и подготовлен к печати Г.Баловленковым и В.Анищенковым.

Март-октябрь 1995 г

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ

по поводу избавления от напрасный смерти в 4-й день апреля сего 1866 года

Я на одре болей предсмертных
Гнетом болезнию лежал
Но Духа Света и Безсмертна
Дыханьем; Бог мя оживлял.
И в день неслыханной хулы
И в день безбожна дерзновенья
Я воссылал Творцу хвалы
И горним движим вдохновеньем
Стихиры Тихону писал.
И Матерь Божию молил
Чтоб Кров Ея всезащищал
Тебя Монарх и защитил.
— С слезами сладких умилений
Я пел4 одиннадцать стихир
И Росы Божьих услаждений
Мне слали в душу тишь и мир.
И вера крепкая была
Что сам Святитель Тихон был
Когда Россия избыла
Беды, — нам коей — враг грозил-
Четвертое апреля безконечно
Прославилось в России в век
Что Ты любимый всесердечно

Монарх и Божий человек.
Десницей Вышняго спасен.
И над злодейством вознесен
Не знал тогда я щастье Руси
Всезбавленья Тя от бед.
Но оздровевши, враг не трус
Принес о Царь Тебе: Обет
И просьбу: дай Ты послужить
Как Серафим предрек Великий
Чтоб зло в Руси навек истить(?) истно
И "слава в вышних", громки клики
Мир на Руси — Всегрозный гул
И смерть врагам и кара злым
Все окружили б Твой Престол.
И злыя сгибли бы как дым
А Ты с Россией вознесенный
Над всякой мерзостью врагов
И Духом Святым просвещенный
Прославил Бога паче слов.
И все судьбы Его исполнил
И все Дела Его свершил
Недовершенное дополнил
Ему ж всецело послужил
Позволь же мне, о Государь!
Начать и кончить все дела
Светлее солнца светлых зорь
Как ВОЛЯ БОГА мне дана
Чрез Серафима наставленье
В ТВОЕ — в Руси — во всех спасенье
Во СЛАВУ ЦЕРКВИ БОГА — ЖИВА
Быть может мирови на диво
По крайней мере — в сем приятно
Что ж выше Богоблагодатно
Как Ты в Рескрипте написал
Всем нам, тринадцатого мая
Добра велика нам желал
Глаголом Господа вещал:

Да будет Русь чиста-свята
От заговоров всех изъята
И ков злодейский сопостатов
И вся их сволочь проклята.
А ТЫ О БОЖЕ СИЛ СВЯТЫНИ:
О ВСЕДЕРЖИТЕЛЮ миров
Царя — Руси — всеблагостыню
Пошли во век на век веков.
И братьев всех ЕГО Державных
От злоумышленник спасал —
И семью Святу Николая
Слуги ГОСПОДНЯ ТВОЕГО
Со Александра начиная
Спаси от злаго от всего ,
Покрой их КРОВОМ КРИЛ ТВОИХ
От враг домашних и чужих
И всепрославься Боже в НИХ
В рабах всецелостью ТВОИХ.
НАСЛЕДНИКУ воздвигни рог(?) спасенья
Всеукрепи его на враг
Да будет полн он вдохновенья
И Всебожественных Ти благ
Да дрогнут шайки сопостатов
Мир озарится Его славой
Да сгинут враг Его тристаты (?)
Да грозно вспрянет Росс Держава
И Ты ХРИСТЕ в нас зацарюешь
Всеосветишь нас в век и век
На враг же наших всех наплюешь
СЛАДЧАЙШИЙ БОГОЧЕЛОВЕК

В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ВЕЛИКОГО СТАРЦА СЕРАФИМА.

19 июля 1866 С.Петербург

Переписал на бело Симбирский Советник судья — бывший почетный Смотритель Корсунскаго уездного училища и член Корсунской специальной комиссии уже 41 год, Действительный Советник, почетный студент Императорского Казанского Университета взысканный с 9 сентября 1Н31 года

милостями Батюшки отиа Серафима и с 1 октября 1832 г. исцеленный епископо.и Антонием в Воронеже.

Текст расшифрован и подготовлен к печати Л.Кудрявиной.

Содержание

Житие преподобного отца нашего Серафима Саровского..... 2
Изнеможение о.Серафима 71
Примеры прозорливости его и исцеления 71
Духовные наставления преподобного Серафима Саровского мирянам и инокам 95
1.О Боге 95
2. О таинстве Святой Троицы 96
3. О причинах пришествия в мир Иисуса Христа 96
4. О вере 97
5. О надежде 97
6. О любви к Богу 98
7. О страхе Божием..... 98
8. О хранении познанных истин..... 99
9. О многословии 100
10. 0 молитве..... 102
11. О слезах..... 103
12. О печали 103
13. О скуке и унынии..... 104
14. Об отчаянии 106
15. О Болезнях 107
16. О терпении и смирении 108
17. О милостыне 110
18. О должностях и ЛЮБВИ к БЛИЖНИМ..... 111
19. О должности подчиненных к НАЧАЛЬНИКАМ..... 112
20. О неосуждении ближнего 112
21. О прощении обид..... 113
22. О попечении о душе 115
23. Чем должно снабдевать душу? 115

24. О мире душевном 116
25. О сохранении мира душевного 118
26. О хранении сердца 119
27. О распознавании действий сердечных 120
28. О свете Христовом 121
29. О помыслах и плотских движениях 121
30. О внимании к самому себе..... 123
31. Против излишней попечительности 125
32. Об отречений от мира 126
33. О подвигах 126
34. О покаянии..... 128
35. О посте..... 131
36. О бодрствовлнии противу искушений 132
37. Об уединении и молчании..... 133
38. О безмолвии..... 134
39. О жизни деятельной и умозрительной..... 135
40. Наставление новоначальному иноку 137
41. Ответ одному брату, тревовавшему настлвления к прохождению пустынной жизни 139
42. Каков должен быть настоятель? 140
43. Наставление настоятелю, как управлять братиею 141
Пророчества преподобного серафима Саровского..... 142
I. Об устроении Дивеевской Лавры 142
1. Благословение Пресвятой Богородицы 142
2. Соединение Казанской общины схимонахини Александры и мельничной общины преподобного Серафима в единую общину — 1842 г. 144
3. Постройки мондстырских церквей и зданий, в особенности Троицкого собора — 1848-1875 гг. 145
4. Смута в обители — 1860 г. 151

5. Утверждение монастыря — 1862 г. 154
6. Усыпальница четверых мощей при Казанской Рождественской церкви: 155
7. Игуменство Царицы Небесной — Божией Матери 161
II. О прославлении мощей преподобного Серафима и приезде Царской Фамилии 162
III. О России 166
1. О бунте 14 декабря 1825 г. 166
2. О Крымской войне 1853-1855 гг. 166
3. 0 царствовании императоров Николая I (1825-1855) и Александра II (1855-1881) 167
4. Что ждет Россию? 167
5. Сон, рассказанный О.А.Нилусу 174
6. Предсказание преподобного Серафима о царствовании императора Николая II 177
7. Об открытии мощей преподобного Серафима 179
IV. Об антихристе 185
1. Антихрист и дивеевская община 185
2. [Антихрист и Россия] 188
3. 0 великой скорби в последние дни 190
4. Святой праведный Иоанн Кронштадтский за наше окаянство! 190
V. О нечестии духовных лиц и воскресении преподобного Серафима для проповеди всемирного покаяния 196
1. О нечестии духовных лиц 196
2. Великая Дивеевская тайна 197
3. Насколько близок конец мира? 207
Рукописи записок, писем и стихотворения Н.А.Мотовилова 210